

1946

ВОКРУГ СВЕТА

№ 1

ЛУЧШЕЕ
1946-1964

АЛЕКСАНДР КАЗАНЦЕВ

Рассказ-гипотеза

Рисунки В. Лодягина

Картина далекого детства навсегда осталась в моей памяти. Высокие холмы обрываются к воде, как будто срезанные гигантским ножом. Широкая река делает крутой поворот. Берега — дикие, каменистые, утрюмые. Сразу за ними — вековая тайга.

Наша лодка поднимается по Верхней Тунгуске, как здесь зовут Ангару. На перекатах только я да рулевой остаемся в лодке. Все остальные, в том числе и отец, тянут бечеву. Сейчас пережат позади, и все сидят на веслах. Я устроился на носу и чувствую себя капитаном. Это гребная галера. Мы отважные корсары и идем открывать новые земли за океаном. Эй, кто там на марсе? Что за остров на горизонте? Пловучий остров? Свистать всех наверх!

Плоты один за другим показываются из-за темной, закрывающей полнеба скалы. Слышится блеяние.

Капитану понятно все. Это проклятые рабовладельцы ограбили туземцев, погрузили на пловучий остров их скот, далеко в трюмы спрятали закованных в цепи невольников. Я понимаю, что именно сейчас нас ждет благородный морской подвиг. Смелее, корсары, вперед!

Тихое-тихое утро. Небо безоблачно. Где-то далеко глухо урчит пройденный вчера пережат.

Я проклинаю всплески от наших весел. Ненавистные рабовладельцы ничего не должны заметить. Галера быстро приближается к пловучему острову. Ясно видны овцы и избушка на переднем плоту. Но я-то знаю, что это рубка рабовладельца-капитана. Вон он, бородастый, в синей рубашке, выходит и смотрит на небо. Потягивается, чешет спину, потом зевает и крестит рот.

Тише, гребцы! Мы должны подойти к противнику незаметно и сразу ринуться на abordаж. Где-то слева шуршит белка на лиственнице. Если он оглянется... Тихо-тихо. Еле слышны всплески от весел.

И вдруг страшный удар. Я втягиваю голову в плечи. Я плачу, я забыл о корсарах. Плотовщик от неожиданности падает на колени. Рот у него открыт. Овцы блеют, шарахаются к самой воде. И тут — второй удар, более страшный. В избушке порывисто открывается дверь, но

никто не показывается из нее. Слева, за тайгой, что-то сверкает, споря с солнцем.

— Держись! — еле доносится до меня голос отца.

Воздух — густой, тяжелый — толчком обрушивается на меня. Я хватаюсь за борт, кричу. Мне вторит испуганное, иступленное блеяние овец.

Я вижу, как овцы одна за другой падают в воду, словно их кто-то гигантской ладонью сметает с плота. По реке идет высокий вал. Вижу, как переламывается пустой уже плот. Бревна его встают торчком. Нашу лодку подбрасывает, словно на пережете. Я захлебываюсь и ловлю ртом воздух. Разжимаются пальцы, и, весь мокрый, я скатываюсь на дно. Там вода и пахнет рыбой. И сразу становится тихо-тихо...

Далекое воспоминание, страница из детского дневника. Вот она, затрепанная коричневая тетрадка, помеченная 1908 годом. В этом году, тридцать восемь лет назад, в двухстах пятидесяти километрах от места, где сметены были в воду овцы с плотов, в тайгу упал страшный метеорит, о котором так много писали и рассказывали в Сибири.

Зачем понадобилась мне старая тетрадка? Почему завален мой стол статьями и книгами о тунгусском метеорите?

Полный полемического задора и дискуссионной злости, беру я лист бумаги. Да, я готов спорить!

Рассказ, пожалуй, лучше всего начать с того часа, когда утром 3 апреля 1945 года ко мне, в редакцию журнала, вошли два человека. Каждый из них положил на мой стол по объемистому конверту.

Тот, что поставил на пол большой чемодан, был гигантского роста. Он сильно сутулился; казалось, будто он что-то рассматривал на полу. У него были крупные, словно рубленные черты лица и сросшиеся лохматые брови, из-под которых мечтательно смотрели светло-голубые глаза.

Его спутник сидел на стуле прямо, не касаясь спинки. Он был строен, чуть узок в плечах. Роговые очки придавали его немного скуластому лицу выражение учености.

— В-в-вашему журналу, — начал гигант, заикаясь на букве «в», — несомненно интересен научный спор, который будет разрешен во время этнографической экспедиции Академии наук в район Подкаменной Тунгуски.

— Если научным спором можно назвать утверждение и отрицание бессмыслицы, — едко заметил человек в очках.

— Я спросил бы в-в-вас, — свирепо обернулся к нему первый посетитель, — не прерывать меня. В-в-вот два конверта, — он уже говорил со мной, как бы не замечая своего противника, — здесь изложены две гипотезы по поводу странной этнографической загадки.

— Не познакомите ли вы меня с сутью спора? — спросил я.

— Знаете ли в-в-вы, что на севере Сибири, в-в-восточнее Енисея, живет народность эвенки? Люди нашего с вами возраста, — конечно, я не говорю о специалистах, — иногда неправильно именуют их тунгусами. Эвенки принадлежат к желтой расе и родственны манчжурам. Когда-то они были народом в-в-воинственных завоевателей, в-в-вторгшимся в Среднюю Азию. Однако они были в-в-вытеснены оттуда якутами и, отступив на север, укрылись в непроходимых сибирских лесах. Правда, и якутам пришлось уступить завоеванную ими цветущую страну более сильным завоевателям — монголам — и тоже уйти в сибирские леса и тундры, где они стали соседями эвенков...

— Сергей Антонович настолько любит этнографию, что никогда не упускает случая пропагандировать эту науку, — прервал второй посетитель. — Я позволю себе формулировать его мысль: ни эвенки, ни якуты не являются коренными жителями Сибири.

Он говорил подчеркнуто серьезно, но чуть опущенные уголки губ придавали его рту выражение едва уловимой насмешливости.

— И докажу! В-в-вот! Не угодно ли в-в-взглянуть?

Сергей Антонович, крихтя, согнулся, раскрыл свой огромный чемодан и, к величайшему моему изумлению, извлек оттуда какую-то пожелтевшую ископаемую кость. Он торжественно положил ее передо мной на стол, поверх рукописей.

— Что это? — невольно отодвинулся я.

— Берцовая кость коренных обитателей Сибири, — с пафосом возвестил Сергей Антонович, глядя на меня счастливыми прозрачными глазами.

— Коренных обитателей? — Я с ужасом попытался представить себе обладателей таких костей.

— Это берцовая кость слона, — рассеял мои предположения Сергей Антонович.

— В Сибири? Слоны? Может быть, мамонты? — усомнился я.

— Слоны! Эту кость нашел я. В-в-в прошлом году я исколесил таежные болота и гривы, лазал по неприступным сопкам в поисках кое-каких ископаемых и, представьте себе, наткнулся на 65-м градусе северной широты и 104-м градусе восточной долготы на «кладбище слонов». Плоскогорье, как гигантским забором, было отгорожено хребтами со в-в-всех сторон. Жаркое сибирское солнце растопило слой в-в-вечной мерзлоты и... В-в-вот, закурите, — протянул он портсигар.

— Спасибо, не курю.

— Я сам отпилил заготовку для этого портсигара от настоящего слоновьего бивня — прямого, а не загнутого, как у мамонта. Три недели я не ел ничего, кроме «пучек». Это растения из семейства зонтичных, из которых куда лучше делать дудочки, чем съедобные блюда. Я оставил на «кладбище слонов» в-в-всю провизию, лишь бы донести эту кость и часть клыка.

Надо заметить, что Сергей Антонович самоотверженно нагрузил на себя эти любопытные кости, помимо образцов найденной им ценной руды. Любитель-этнограф, любитель-палеонтолог, он, в добавление ко всему этому, еще и профессионал-геолог.

Гигант строго взглянул на своего спутника.

— Изучение обнаженных геологических слоев пригело меня к заключению, что до последнего ледникового периода в-в-в Сибири был жаркий африканский климат. Там в-в-водились слоны, тигры...

— И, естественно, жили африканские негры, как Готтов утверждать наш почтенный ученый.

— Да, я уверен, что племя коренных доледниковых сибиряков существовало и, может быть, даже имеет потомков, доживших до нашего времени. В глуши сибирской тайги ходят легенды о неведомой чернокожей женщине...

— Есть красочное описание встречи с ней ангарца-зверобоя Кулешова, — сказал спутник Сергея Антоновича, снимая очки, чтобы протереть их платком. Прищурившись, он посмотрел поверх меня куда-то вдаль. — Благодаря любезной настойчивости Сергея Антоновича я выучил его наизусть. Представьте себе: рев, грохот и черные мокрые камни среди белой пены. Почти шаркая о нависшие с берегов скалы, меж камней скачет шитик — лодка с поднятыми бортами. Высоким носом шитик зарывается в пену. В нем стоит чернокожая женщина. На ней только набедренная повязка. По ветру трепещут, развеваются длинные рыжие волосы. Кулешов готов был поклониться, что она гигантского роста. Лица ее он не рассмотрел. Охотник говорил, что она шаманит у стариков. Через перекарт переправлялась она без одежды, вероятно, боясь в ней утонуть.

— Я утверждаю, что это последний потомок доледниковых сибиряков, — положил на стол свой огромный кулак Сергей Антонович. — В-в-в этой женщине сказались стдаленнейшая наследственность!

— Вот любопытный образчик вывода, не основанного ни на каких посылах. Здравомыслящий человек вряд ли придет к такому заключению.

— Я посмотрю, как в-в-вы будете это отрицать там, на месте, — рассердился Сергей Антонович. — Я твердо решил в-в-взять в-в-вас с собой, хоть в-в-вы и кабинетный физик, а экспедиция укомплектована. В-в-возьму, как своего противника, и не дам вам заниматься никакими электронами и нейтронами, пока в-в-вы не сдадитесь и не признаете моей гипотезы!

Физик улыбнулся.

— Мы просим вас вскрыть конверты, — обратился он ко мне, — и опубликовать ту гипотезу, о которой мы телеграфируем вам из Вановары, куда отправляется комплексная экспедиция Академии наук под начальством Сергея Антоновича.

— А мне телеграфно сообщите в-в-в В-в-вановару какой глубокомысленный бред был запечатан в-в-в конверт этим почтенным, в-в-в-все отрицающим ученым, — пробурчал Сергей Антонович.

Мои враждующие посетители распрощались со мной и ушли. Я задумался, глядя на оставленные конверты. Какой странный повод заставил так спорить столь различных специалистов!

— Простите, — услышал я негромкий голос.

Подняв глаза, я увидел перед собой физика. На этот раз его глаза были серьезны, губы крепко сжаты.

— Я вернулся предупредить вас, что в моем конверте действительно изложена одна гипотеза, но она не имеет никакого отношения к чернокожей женщине, что безусловно поразило бы милейшего Сергея Антоновича, не ~~опускающего~~ отвлечения своей экспедиции посторонними вопросами.

— О чем же ваша гипотеза? — спросил я, заинтересованный. Дело становилось все более и более запутанным.

— О тунгусском метеорите.

— Который упал близ фактории Вановара в 1908 году?

— Который никогда не падал на землю.

Не падал на землю?! Перед моим мысленным взором прошли плоты с торчащими бревнами, овцы в воде, за рево над тайгой.

— Вы были на месте падения? — едва сдержался я.

— Специальной экспедиции туда нет, и я пользуюсь случайным расхождением во взглядах с Сергеем Антоновичем в вопросе о его чернокожей, чтобы побывать в этом районе. Я хочу установить там некоторые детали и тогда пришлю вам телеграмму с просьбой вскрыть конверт. Вы поймете, что надо будет сделать.

Все это он говорил совершенно безапелляционно, с обезоруживающей убежденностью в тоне.

— У меня есть основания пока никому не сообщать о своей гипотезе. Сергея Антоновича я познакомлю с ней по прибытии на место, а то он еще, чего доброго, откажется взять меня с собой. А теперь прощайте!

Необычайный доверитель, протянув руку, назвал свою фамилию. Еще раз я был поражен в этот день. Передо мной стоял известный физик-теоретик.

Я смотрел на закрывшуюся за ним дверь, пытаюсь осознать все происшедшее. История с чернокожей как-то сама собой отодвинулась на второй план. Меня волновала совершенно новая мысль.

Метеорита не было?!

Ну нет, я не сдаюсь так скоро! О метеорите я готов поспорить. Я сам видел зарево катастрофы, и я испытал воздушную волну гигантского взрыва.

Решение было принято. Я опровергну гипотезу знаменитого физика, какова бы она ни была.

Я перерыл свои архивы. Все, что касалось тунгусского метеорита, когда-то специально интересовавшего меня, было извлечено. Вот запись из детского дневника. А вот выдержка из доклада профессора Кулика, сделанного им Академии наук в 1939 году:

«Факт падения тунгусского метеорита около 7 часов утра 30 июня 1908 года отмечен многочисленными наблюдателями... при ясном небе и тихой погоде... После падения болида на тайгу над ней взвился к небу «столб огня», а затем раздалось три-четыре мощных удара, слышимых за тысячу километров. Воздушной волной в реках воду гнало «валом», людей и животных сбивало с ног, опрокидывало заборы, повреждало постройки, сотрясало дома, качало в них висячие предметы».

Как можно говорить, что метеорита не было, мой уважаемый друг? Или вы считаете заслуживающей доверия лишь свою проникновенную интуицию, а не показания многих тысяч людей?

Так вот вам объективные записи бесчувственных приборов.

Воздушная волна была дважды зарегистрирована в Лондоне, то есть обошла вокруг земного шара два раза. Сейсмические станции в Иркутске, Тбилиси, Ташкенте и Иене отметили земную волну с эпицентром в районе Подкаменной Тунгуски.

Что вы можете противопоставить этому, мой дорогой ученый физик? Воплощенную самонадеянность?

Я перебирал многочисленные свидетельства очевидцев:

«Огненный шар ярче солнца... огненный столб, видимый за сотни километров... черные клубы дыма, превратившиеся в тучу на безоблачном небе... стекла, лопнувшие на расстоянии 400 километров!»

Это показания корреспондентской сети Иркутской сейсмической станции. Ими нельзя пренебрегать.

Прочтем дальше: «разметало чумы...», «кончало оленей...», «ворочало лес...» — это эвенки.

«Пахнуло таким жаром, что будто рубашка загорелась...» — это рабочий в Вановаре. Даже близ Канска, за 800 километров от места падения, машинист, испугавшись грохота, остановил поезд.

Нет мой почтенный, но легкомысленный оппонент, время, когда профессору Кулику приходилось доказывать факт падения тунгусского метеорита, прошло. С тех пор под руководством Кулика было проведено несколько экспедиций в район падения. Там были обнаружены следы поразительных разрушений: на площади в восемь тысяч квадратных километров вся тайга сплошь повалена. Вы сами увидите в районе гигантского бурелома, как стволы исполинских лиственниц лежат, показывая своими вывороченными корнями в одно место — в центр феноменальной катастрофы. Вы убедитесь, что в радиусе тридцати километров не устояло ни одно дерево, а в радиусе шестидесяти километров деревья вырваны на всех возвышениях. Чтобы вызвать взрыв такой силы, нужны сотни тысяч тонн сильнее взрывчатого вещества.

Откуда могла появиться такая энергия? Я отвечу вам, мой дорогой ученый, как вы сами ответили бы школьнику. Метеорит, сохранивший свою космическую скорость, ударился о землю, а вся его кинетическая

энергия мгновенно перешла в тепло, что равносильно взрыву.

Обращу ваше внимание, мой ученый противник, никогда не бывавший в районе тунгусской катастрофы, что для местных жителей падение метеорита не представлялось спорным. Старожилы уверяют, что к месту, где спустился с неба бог огня и грома — ослепительный Огды, не приближался ни один местный житель. Оно проклято шаманами. Лишь в первые дни после катастрофы эвенки ходили по бурелому, разыскивали обугленные туши своих оленей, погибшие лабазы с имуществом, видели фонтан воды, бивший три дня из-под земли. Пожалуй, лучше будет, мой, безусловно заслуживающий лучшей участи оппонент, если вы вместо гипотезы, отрицающей очевидное явление, придумаете объяснение этому запоздалому страху местных жителей.

И, наконец, последнее необъясненное явление, свидетельствующее о связи его с каким-то космическим событием.

Передо мной на столе лежит фотография, сделанная в Наровчатке, Пензенской губернии, местным учителем. Снимок сделан ночью, через сутки после падения метеорита в Сибири. А вот ссылка на находившегося той ночью в Ташкентской обсерватории, ныне здравствующего академика Фесенкова, тщетно ждавшего темноты для начала своих наблюдений.

После падения метеорита во всем районе, от бассейна реки Енисея до Атлантического океана, даже в Средней Азии и на Черном море, стояли белые ночи, позволявшие читать в полночь. На высоте 83 километров были замечены светящиеся серебристые облака неизвестного происхождения.

Вот вам задача, тщетно жаждущий лавров, дорогой мой оппонент. Объясните связь этого явления с упавшим метеоритом, а не компрометируйте себя спором по поводу установленного факта падения болида.

Словом, я был заражен полемическим азартом, и язвительная блестящая статья, громившая не известную мне антиметеоритную гипотезу, была уже в моей чернильнице. Мне не терпелось знать содержание переданного мне конверта.

В шитике стоит чернокожая женщина, по ветру развеваются рыжие волосы.

Но нетерпение мое, равно как и полемический азарт, было подвергнуто большому испытанию.

С 3 апреля по 14 августа 1945 года я не получал от своих доверителей никаких известий.

Сообщение о пресловутой атомной бомбе, сброшенной на Японию, отвлекло меня от всяких мыслей о физике, геолого-этнографии и об их гипотезах. Но внезапно полученная телеграмма представила мне все в новом, неожиданном свете.

«Сравните сейсмические данные сотрясений 30 июня 1908 года и второго американского подарка. Ищу негритянку».

Сомнений быть не могло. Мой физик имеет в виду атомную бомбу, о которой услышал по радио.

Не скрою, я пережил ощущение, будто меня ударили туго набитым мешком по голове.

С волнением принялся я изучать подробности взрыва спящей бомбы в штате Нью-Мексико, когда с места испарившейся стальной башни к небу поднялся огненный столб, видимый за многие десятки километров.

С пристальным вниманием читал я описания взрывов бомб в Хиросиме и Нагасаки, где ослепительный огненный шар газов, раскаленных до температуры в двадцать миллионов градусов, взвился вверх, оставив за собой столб пламени, который прожег облака и расплылся по небу гигантским грибом черного дыма.

Руки у меня дрожали, когда я сравнивал эти подробности с так тщательно подготовленными мной для дискуссии описаниями взрыва в тунгусской тайге.

Чтобы проверить себя, я побывал в Академии наук, в Комитете по метеоритам и получил дополнительный материал о «тунгусском падении». Там же я узнал о гибели профессора Кулика.

Замечательный русский ученый в первые же дни Отечественной войны добровольно встал на защиту родины с такой же верой в победу, какой удивлял мир при розысках тунгусского метеорита.

Как жаль, что этот выдающийся ученый не смог завершить свои исследования сопоставлением сейсмических записей падения метеорита и атомного взрыва!

Это сопоставление с помощью Института Академии наук удалось сделать мне.

Характерной особенностью сейсмических записей тунгусского сотрясения была регистрация двух толчков с тем большим расстоянием во времени друг от друга, чем дальше от места взрыва отстояла сейсмическая станция. Второй толчок в районе регистрирующей станции вызывался воздушной волной, распространявшейся от места взрыва с меньшей скоростью, чем волны земной коры.

Анализ показаний сейсмографов, отметивших атомный взрыв в Нагасаки, с поражающей точностью воспроизвел картину записей 30 июня 1908 года.

Неужели же в 1908 году мы имели дело с первым атомным взрывом на земле?

Передо мной лежал конверт, скрывавший мысли русского теоретика-физика, гениально угадавшего атомную реакцию в тунгусской катастрофе. Я едва мог побороть раздражение против ученого, разыскивающего в тайге какую-то рыжую негритянку вместо опубликования своих идей.

Я считал колебания излишними и вскрыл конверт.

Меня ждал сюрприз, оправдавший мои действия. Кроме гипотезы об атомном взрыве тунгусского метеорита, там был теоретический доклад молодого ученого о проблеме использования атомной энергии. Не будучи специалистом, я не смог полностью понять всех смелых мыслей, прогнозов и обобщений этого труда, который я немедленно отослал в Академию наук. Статью же, в которой была изложена метеоритная гипотеза, я направил в набор.

Я оказался прав в своих запоздалых догадках. Мой теоретик предвидел все.

Да, тунгусская катастрофа, во время которой взрывы были слышны за тысячу километров, катастрофа, вызвавшая небывалые разрушения и настоящее землетрясение, породившая ослепительный шар газов, раскаленных до температуры в десятки миллионов градусов, который превратился затем при стремительном

взлете в огненный столб, видимый за 400 километров, — эта катастрофа могла быть только атомным взрывом.

Физик предполагал, что влетевший в земную атмосферу метеорит, вес которого он определял не в тысячи или сотни тысяч тонн, как прежде считали, а максимально в сто килограммов, был не железо-никелевым, как обычные металлические метеориты, а урановым, или состоял из еще более тяжелых трансурановых элементов, не известных на земле.

Огромная температура, которую метеорит, пролетая через земную атмосферу, приобрел, была одним из условий, при которых стала возможной реакция атомного распада. Метеорит взорвался, выделив свою атомную энергию, так и не коснувшись земли. Все его вещество, в основной массе, мгновенно испарилось, а частично превратилось в энергию, равную энергии взрыва двухсот тысяч тонн взрывчатого вещества.

Вот почему не смог найти профессор Кулик каких-либо остатков метеорита или его воронки. В центре бурелома оказалось лишь болото, образовавшееся над слоем вечной мерзлоты.

Наконец и два последних загадочных момента тунгусской катастрофы объясняла гипотеза моего физика. Таинственные серебристые облака, освещавшие ночью землю, были остатками радиоактивного вещества метеорита, выброшенными силой взрыва до слоя Хевисайда. Радиоактивный распад их атомов вызывал свечение окружающего воздуха.

Суеверный страх эвенков, бродивших в первые дни после катастрофы по бурелому, вызван «гневом» бога грома, ослепительного Огды. Все, кто побывал в проклятом месте, погибли от страшной и непонятной болезни, поражающей изъемами внутренние органы человека. Бедные эвенки оказались жертвами атомного распада мельчайших остатков вещества метеорита, рассыпанных в районе катастрофы.

Какими блестящими и тонкими казались теперь соображения моего физика! Ведь именно с этим явлением столкнулись японцы в Нагасаки после взрыва атомной бомбы. Распад оставшихся атомов мог продолжаться в течение полутора-двух месяцев.

Очередной номер журнала со статьей физика был уже сверстан и направлен в типографию, когда я получил от него телеграмму из Вановары:

«Гипотеза неверна. Уничтожьте рукопись. Видел чернокожую. Возвращаюсь».

Я был вне себя от изумления. Теперь я снова не хотел верить физик. Постороннему человеку трудно было бы себе представить, до чего мне было жаль расстаться с гипотезой об атомном взрыве метеорита! Я не мог... не мог заставить себя позвонить в типографию. Хорошо еще, что я хоть доклад физика об атомной энергии отослал в Академию наук.

Но как же быть? Какие опровержения мог найти физик на месте катастрофы?

Принесли еще одну телеграмму — опять из Вановары. Трясушимися пальцами развернул я бланк:

«Последний отпрыск доледниковых чернокожих сибириков найден. Публикуйте».

С недоумением разглядывал я телеграмму Сергея Антоновича. Какое же влияние могла оказать доледниковая негритянка на гипотезу атомного взрыва?

Наконец я сообразил, что все равно ничего понять не смогу. Мне казалось, что тут надо иметь воображение по меньшей мере помешанного.

Махнув рукой на все догадки, я вскрыл конверт Сергея Антоновича и стал прикидывать, сможет ли его статья заменить по объему другую, уже заверстанную в очередной номер журнала.

Я так увлекся этим профессиональным занятием, что не заметил, как дверь ко мне открылась и в комнату вошел бородатый человек в грязных сапогах, оставлявших следы на паркете. Расстегнув меховую куртку и сняв шапку-ушанку, он протянул мне руку, как старому знакомому.

Выжидательно смотря на незнакомца, я вежливо поздоровался и... вдруг сразу узнал его.

Борода! Отсутствующие очки! Однако как же мог он так скоро оказаться в Москве? Ведь я только что получил его телеграмму!

Я взял в руки телеграфный бланк и посмотрел на дату отправления: ну, конечно... задержка.

— Рукопись... — тяжело дыша, видимо от быстрой ходьбы, проговорил физик. — Я спешил с аэродрома...

— Журнал еще в типографии, — ответил я. — Но где же ваши очки?

Физик махнул рукой.

— Они разбились.

Молча он уселся в кресло, вытащил из кармана кисть, свернул заглубившимися коричневыми пальцами цыгарку и достал кремень с трутом.

Я протянул ему электрическую зажигалку. Посетитель смущенно улыбнулся.

— Одичал, — односложно сказал он прикуривая.

Мы сидели молча друг против друга. Я рассматривал моего преобразовавшегося ученого. Он казался теперь шире в плечах. Здоровый загар и окладистая курчавая борода делали его похожим на доброго молодца. Затягиваясь крепкой махоркой, он мечтательно смотрел в угол. Повидимому, мыслями он был далеко.

— Рассказывать? — односложно спросил он.

— Конечно же!

— Вы знаете, — он посмотрел на меня и вдруг, близко-руко прищурившись, превратился в уже знакомого мне теоретика-физика. — До сих пор я никогда не спал в лесу, а болото видел только из окна вагона. Я не выношу комаров и поэтому избегал ездить на дачу. Ванну я принимал два раза в неделю, — он сбросил пепел на пол, потом усмехнулся и виновато посмотрел на меня. — Словом, одичал, — совсем непоследовательно добавил он.

Мы помолчали.

— Вас, вероятно, интересует, зачем же, собственно, я ездил на место тунгусской катастрофы, что там искал? Я начну с пейзажа тайги в месте бурелома. Представьте себе: в центре катастрофы, вокруг болота, прежде считавшегося основным кратером, где, казалось бы, действие взрыва было страшнее всего, лес остался на корню. Деревья, поваленные всюду в радиусе тридцати километров, там не лежат, а стоят. Из земли торчат огромные палки, между которыми уже порос молодняк... Это бывшие деревья, корни их давно мертвы, на них нет коры, она обгорела, обвалилась. Все ветви срезаны чудовищным вихрем, а на месте каждого сучка — уголек. Телеграфные столбы — вот на что похожи эти деревья. Они могли устоять только под вертикальным ураганом, под ураганом, улавлившим сверху.

Мой посетитель сильно затянулся и с видимым наслаждением выпустил в потолок густой клуб дыма. Я не прерывал его молчания.

— Именно эта картина и нужна была мне, — продолжал он, с видимым трудом отрываясь от своих мыслей. — Почему устоял этот мертвый лес? Только потому, что деревья в том месте были перпендикулярны к взрывной волне. А это могло быть лишь в том случае, если взрыв произошел над землей! Раскаленные до температуры в сотни тысяч градусов, газы, пролетев с огромной скоростью, срезали ветви, ожгли деревья и создали за собой разряжение. Холодный воздух, устремившийся следом, загасил пожар.

— Так, значит, взрыв все же произошел? — почти обрадовался я.

— Да, на высоте трехсот пятидесяти метров над землей. Я подсчитал эту высоту, исходя из размеров площади мертвого леса, оставшегося на корню. Простая геометрическая задача.

— Никакого взрыва, кроме атомного, не могло произойти, если метеорит не коснулся земли. Теперь я готов защищать вашу гипотезу даже против вас самого! — с жаром воскликнул я.

— Это интересно, — сказал физик. — Научная дуэль? Защищайтесь!

И вот мы приступили к довольно странной дискуссии. Физик все-таки оказался моим оппонентом, но... мы поменялись с ним ролями.

— Отчего же мог произойти мгновенный взрыв метеорита? — спросил физик, затягиваясь махорой.

— Надо полагать, что он был из изотопа урана с атомным весом 235, способного к так называемой «цепной реакции».

— Правильно. Или изотоп урана, или еще более тяжелый радиоактивный металл плутоний, уже не встречающийся на земле, но искусственно создаваемый из урана. Теперь опишите картину цепной реакции, и вы сразу увидите слабость защищаемой вами гипотезы.

— Охотно вам отвечу. Если атомы изотопа урана бомбардировать нейтронами, электрически не заряженными элементарными частицами материи, то при попадании нейтрона ядро будет делиться на две части, высвобождая огромную энергию и выбрасывая, кроме того, три нейтрона, которые разбивают соседние атомы, в свою очередь выбрасывающие по три нейтрона. Вот вам картина непрерывной цепной реакции, которая не прекратится, пока все атомы урана не распадутся.

— Совершенно правильно. Но ответьте, что требуется для начала атомной реакции?

— Разбить первый атом, попасть нейтроном в первое ядро.

— Вот именно. Но здесь-то и кроется ловушка. Вы знаете, как далеко друг от друга расположены атомы? Расстояния между ними подобны расстояниям между планетами, если приравнять величину планет и атомных ядер. Попробуйте попасть несущейся кометой, какой можно себе представить нейтрон, в одну из планет — в ядро. Физики подсчитали, через какую толщу урана надо пропустить нейтрон, чтобы по теории вероятности он попал в атомное ядро. У некоторых получилось, что для начала цепной реакции так называемая критическая масса урана должна быть не менее 80 тонн.

— Неправда! Вы прибегаете к нечестным приемам. Так думали прежде. Но ведь я сам направил в Академию наук ваш собственный доклад. Вы забыли об этом? Вы доказали вздорность этого утверждения и подсчитали, что для начала атомной реакции достаточно, чтобы урана было только один килограмм.

— Согласен, — улыбнулся физик. — Вы бьете меня моим же оружием, но не разгадали еще моего коварства. Да, действительно, в полкилограмме урана цепная реакция под влиянием потока нейтронов начнется не может, в килограмме урана она начнется обязательно. Что же из этого следует? Как будто уже ясно, что падавший метеорит должен был иметь изотопа урана 235 не менее килограмма.

— Совершенно верно.

— Но, с другой стороны, нужны летящие нейтроны. Скажите мне, отчего же началась реакция? Откуда взялись потоки нейтронов?

— А космические лучи? В них ведь встречаются летящие нейтроны?

— Вы подготовлены, безусловно подготовлены, — усмехнулся физик. — Но ведь такой поток нейтронов существовал и за пределами атмосферы. Почему же метеорит не взорвался там?

— Решающую роль здесь должна играть скорость нейтронов. Ведь при большой скорости нейтроны могут не причинить ядру вреда, подобно пуле, пробивающей доску, но не роняющей ее.

— Замечательно верно, — ударил физик кулаком по столу. — Для начала цепной реакции летящие нейтроны надо притормозить.

— Если на изменение скорости нейтронов повлияла высокая температура, нагревание метеорита при прохождении им атмосферы...

— Попались! — закричал физик вскакивая. — Вы разбиты, дорогой оппонент! Нам уже приходится делать допущения. «Если!» Никаких «если!» Я не знаю, как сделали американцы свою атомную бомбу, но мы с вами сейчас невольно разобрали весь ее «механизм». Да, самое трудное, что американцам пришлось сделать — это затормозить нейтроны. И в этом они вряд ли обошлись без тяжелой воды.

— Верно, американцы действительно применили тяжелую воду. Как, однако, вы были хорошо осведомлены, находясь в тайге!

— Я был осведомлен не в тайге, а до тайги. Я ведь теоретик. Теоретики должны видеть решение задачи за много лет вперед, за много лет до того, как она будет решена практиками, эмпириками. Так вот, в нашем с вами метеорите трудно себе представить наличие тормозящих элементов, включающихся в нужный момент. Ведь в американской атомной бомбе они были сделаны искусственно.

— Так что же вы искали в тунгусской тайге, если до отъезда туда знали, что атомного взрыва произойти не могло?— вскопчил я, готовый броситься на физика, с такой убийственной холодностью опровергавшего самого себя.

— Я искал «то», что могло быть там до катастрофы. Для этого я с миноискателем в руках исходил немало километров, в кровь искусанный проклятым гнусом.

— С миноискателем?

Я устал был в физика и несколько мгновений молчал соображая.

— Что же, найденное там изменило ваши взгляды?— почти закричал я.— Неужели вы подозреваете, что взрыв был подготовлен искусственно, что мы имели дело с атомной бомбой?

— Нет, — спокойно возразил физик.— Этот атомный взрыв не был вызван бомбой.

— Я сдаюсь. Я больше не могу. Значит, все неверно... Вы ничего не нашли?

— Да, в течение полутора месяцев пребывания в районе бурелома я не нашел ни метеоритного кратера, ни осколков метеорита или его следов, ни каких-либо металлических предметов, которые могли быть там до взрыва. Это и немудрено. Взрывом даже деревья вдавливалось в торф на четыре метра. Но...

— Что «но»? Не мучайте... Рассказывайте, что же вы нашли?

— Не прерывайте. Я расскажу вам все по порядку.

— Я сдаюсь. Я уже не оппонент, но лишь слушатель. Разрешите только записывать.

— Как я уже вам сказал, поиски с миноискателем не дали мне ничего. Так как экспедиция только начинала работу, то я вынужден был после поисков в районе бурелома отправиться вместе с Сергеем Антоновичем, по нашему с ним уговору, разыскивать его дурацкую чернокожую женщину, жившую где-то в тайге. Конечно, я тогда не думал, что она сможет опровергнуть мою первоначальную гипотезу. Мы достали проводников-эвенков и верхом на их оленях двинулись в путь.

— Атомный взрыв и чернокожая! Какая связь? — простонал я.

— Вы обещали не прерывать.

— Но должна же быть у вас, ученых, логика. Ну, хорошо, молчу.

— Около двух месяцев гонялись мы безустали за последней из племени чернокожих сибиряков. Мы узнали, что она была жива и чуть ли не шаманила где-то. Мы добрались до нее, наконец, в стойбище, около местечка с удивительно звучным названием «Таимба», неожиданным и для русского и для эвенкийского языка. Привел нас туда эвенк Илья Потапович Лючеткан, когда-то служивший проводником профессору Кулику, несмотря на шаманские запреты. Это был глубокий старик с коричневым морщинистым лицом и настолько узенькими глазами, что они казались почти всегда закрытыми.

— Шаманша—непонятный человек, — говорил он, поглаживая голый подбородок. — Сорок или меньше лет назад она пришла в род Хурхангырь. Порченная была.

Мы знали, что порченными эвенки называют одинаково и контуженных и безумных.

— Говорить не могла, — продолжал Илья Потапович, — кричала. Много кричала. Ничего не помнила. Умела лечить. Одними глазами умела лечить. Стала шаманшей. Много лет ни с кем не говорила. Непонятный человек. Черный человек. Не наш человек, но шаман... шаман... Здесь еще много старых эвенков. Русского царя давно нет. Купца, что у эвенков мех отбирал, давно нет, а у них все еще шаман есть. Другие эвенки давно шамана прогнали. Учителя звали. Лесную газету писать будем. А здесь все еще шаманша

есть. Зачем ее смотреть? Лучше охотничью артель покажу. Так вам говорю, баё.

Сергей Антонович всячески пытался, из какого рода сама шаманша, надеясь узнать ее родословную. Но удалось нам установить только то, что до появления ее в роде Хурхангырь о ней никто ничего не знал. Возможно, что языка и памяти она лишилась во время метеоритной катастрофы, повидимому, окончательно не справившись от этого и до наших дней.

Лючеткан говорил:

— Эвенков при царе заставили креститься, а они шаманов оставили, не хотели царя слушаться. Все черной гагаре, рыбе тайменю да медведю поклонялись. А теперь шаманов прогнали.

Он же рассказал нам, что у черной шаманши были свои странные обряды.

Она шаманила ранним утром, когда восходит утренняя звезда.

Лючеткан разбудил нас с Сергеем Антоновичем. Мы тихо встали и вышли из чума. Рассыпанные в небе звезды казались мне осколками какой-то атомной катастрофы вселенной.

В тайге нет опушек или полян. В тайге есть только Солота.

Конический чум шаманши стоял у самой топи. Сплошная стена лиственниц отступала, и были видны более низкие звезды.

Лючеткан остановил нас.

— Здесь стоять надо, баё.

Мы видели, как из чума вышла высокая, статная фигура, а следом за ней три эвенкийские старушки, казавшиеся совсем маленькими по сравнению с шаманшей. Процессия гуськом двинулась по топкому болоту.

— Бери шесты, баё. Провалишься — держать будет. Стороной пойдем, если смотреть хочешь и смеяться хочешь.

Словно канатоходцы, с шестами наперевес, шли мы по живому, вздыхающему под ногами болоту, а кочки справа и слева шевелились, будто готовые прыгнуть. Даже кусты и молодые деревья раскачивались, цеплялись за шесты и, казалось, старались заслонить путь.

Мы повернули за поросль молодняка и остановились. Над черной уступчатой линией леса, окруженная маленьким ореолом, сияла утренняя звезда.

Шаманша и ее спутницы стояли посередине болота с поднятыми руками. Потом я услышал низкую длинную ноту. И, словно в ответ ей, прозвучало далекое лесное эхо, повторившее ноту на какой-то многооктавной высоте. Потом эхо, звуча уже громче, продолжило странную, неясную мелодию. Я понял, что это пела она — шаманша.

Так начался этот непередаваемый дуэт голоса с лесным эхом, причем часто они звучали одновременно, сливаясь в непонятной, но околдовывающей гармонии.

Песня кончилась. Я не хотел, не мог двигаться.

— Это доисторическая песнь. Моя гипотеза о доледниковых людях в-в-верна, — восторженно прошептал Сергей Антонович.

Днем мы сидели в чуме шаманши. Нас привел туда Илья Иванович Хурхангырь, сморщенный старик без единого волоска на лице. Даже ресниц и бровей не было у лесного жителя, не знающего пыли.

На шаманше была сильно поношенная эвенкийская парка, украшенная цветными тряпочками и ленточками. Глаза ее были скрыты надвинутой на лоб меховой шапкой, а нос и рот закутаны драной шалью, словно от мороза.

Мы сидели в темном чуме на полу, на вонючих шкурах.

— Зачем пришел? Больной? — спросила шаманша низким бархатным голосом. И я сразу вспомнил утреннюю песнь на болоте.

Подчиняясь безотчетному порыву, я пододвинулся к чернокожей шаманше и сказал ей:

— Слушай, баё шаманша. Ты слышала про Москву? Там много каменных чумов. Мы там построили большой шитик. Этот шитик летать может. Лучше

птиц, до самых звезд летать может, — я показал рукой вверх. — Я вернусь в Москву, а потом полечу в этом шитике на небо. На утреннюю звезду полечу, которой ты песни поешь.

Шаманша наклонилась ко мне. Кажется, понимала.

— Полечу на шитике на небо, — горячо продолжал я. — Хочешь, возьму тебя с собой, на утреннюю звезду?

Шаманша смотрела на меня совсем синими испуганными глазами.

В чуме стояла мертвая тишина. Чье-то напряженно-внимательное лицо смотрело на меня из темноты. Вдруг я увидел, как шаманша стала медленно оседать, потом скорчилась и упала на шкуру. Вцепившись в нее зубами, она стала кататься по земле. Из ее горла вырывались kloкочущие звуки — не то рыдания, не то непонятные, неведомые слова.

— Ай, баё, баё, — закричал тонким голосом старик Хурхангырь, — что наделал, баё!.. Нехорошо делал, баё. Очень нехорошо... Иди, скорей иди, баё, отсюда. Священный звезда, а ты говорил — плохо...

— Разве можно задевать их в-в-верования? Что в-в-вы наделали? — злобно шептал Сергей Антонович.

Мы поспешно вышли из чума. С непривычной быстротой бросился Лючеткан за оленями.

Я не знаю более миролюбивых, кротких людей, чем эвенкийские лесные охотники, но сейчас я не узнавал их. Мы уезжали из стойбища, провожаемые урюмыми, враждебными взглядами.

— В-в-вы сорвали этнографическую экспедицию Академии наук, — с трудом выговорил Сергей Антонович, придерживая своего оленя, чтобы поравняться со мной.

— Гипотеза ваша не верна, — буркнул я и ударил каблуками своего рогатого коня.

Мы поссорились с Сергеем Антоновичем и все три дня, прошедшие в ожидании гидроплана из Красноярска, не разговаривали с ним ни разу.

Один только Лючеткан был доволен.

— Молодец, баё, — смеялся он, и глаза его превращались в две поперечные морщины на коричневом лице. — Хорошо показал, что шаманша только порченный человек. В эвенкийскую лесную газету писать буду. Пускай все лесные люди знают.

Странные мысли бродили у меня в голове. Прилетевший гидроплан от быстрого течения уже подрагивал на чалках. Уже шитик доставил меня к самолету, но я все не мог оторвать взгляда от противоположного берега Подкаменной Тунгуски.

За обрывистой, будто топором срезанной скалой река, как бы нехотя, поворачивала направо. туда... к местам атомной катастрофы. Но на противоположном берегу ничего нельзя было разглядеть, кроме раскачивающихся верхушек уже пожелтевших и покрытых ранним снегом лиственниц.

Вдруг я заметил над обрывом подпрыгивающую фигуру. Послышались выстрелы. Какой-то человек, а рядом с ним сохатый!

Эвенк на лосе!

Ни минуты не колеблясь, я сел в шитик, чтобы плыть на ту сторону. Неожиданно в лодку тяжело прыгнул грузный Сергей Антонович. Ангарец налег на весла. Эвенк перестал стрелять и стал спускаться к реке.

Шитик с разбегу почти наполовину выскочил на камни.

— Баё, баё! — закричал эвенк. — Скорей, баё! Времени бирда хок. Совсем нету. Шаманша помирает. Велела тебя привести. Что-то говорить хочет.

Эвенк неистовствовал, он погонял сохатого диким криком и свистом.

Он разорвал свою статью на аккуратные мелкие кусочки.

Впервые со времени нашей ссоры с Сергеем Антоновичем мы посмотрели друг на друга.

Через минуту лось мчал нас по первому снегу, между обрывистым берегом и золотисто-серой стеной тайги.

Когда-то я слышал, что лоси бегают со скоростью восьмидесяти километров в час. Но ощущать это самому, судорожно держась за сани, чтобы не вылететь... Витьте пронесшиеся, слитые в мутную стену пожелтевшие ливневенны... Щуриться от лежащего в глаза снега... Нет, я не могу вам передать ощущения этой необыкновенной гонки по тайге! Эвенк ченствовал. Он погнался ссхатого диким криком и сзнстом. Комья снега били в лицо, словно была пурга. От ураганного ветра прихватывало то одну, то другую щеку.

Вот и стойбище. Я протираю запорошенные глаза. Очки разбиты во время дикой гонки.

Толпа звенков ждет нас. Впереди старик Хурхангырь. — Скорее, скорей, баё! Времени совсем мало! — По щекам его одна за другой катятся крупные слезы.

Бежим к чуму. Женщины расступаются перед нами. В чуме светло. Трещат смолистые факелы. Посредине, на каком-то подобии стола или высокого ложа распростерто чье-то тело.

Невольно я вздрогнул и схватил Сергея Антоновича за руку. Окаменевшая в предсмертном величии, перед нами, почти не прикрытая, лежала прекрасная статуя, словно отлитая из чугуна. Незнакомые пропорции смолисто-черного лица были неожиданны и ни с чем не сравнимы. Да и сравнишь ли красоту скалы из дикого черного камня с величественной красотой греческого храма!

Мужественная энергия и затаенная горечь создали

изгиб этих с болью сжатых женственных губ. В напряженном усилии поднялись у тонкой переносицы строгие брови. Странные выпуклости надбровных дуг делали застывшее лицо чужим, незнакомым, никогда не встречавшимся.

Рассыпанные по плечам волосы отливали одновременно и медью и серебром.

— Неужели умерла?

Сергей Антонович наклонился, стал слушать сердце.

— Не бьется, — испуганно сказал он.

Ресницы черной богини вздрогнули. Сергей Антонович отскочил.

— У нее сердце в-в-в правой стороне! — прошептал он.

Вокруг стояли склонившиеся старухи. Одна из них подошла к нам.

— Баё, сна уже не будет говорить. Помирать будет. Передать велела. Лететь на утреннюю звезду будешь, обязательно с собой возьми...

Старушка заплакала.

Черная статуя лежала неподвижно, словно и в самом деле была отлита из чугуна.

Мы тихо вышли из чума. Надо было уезжать. Ледостав мог сковать реку, гидроплану — не подняться в воздух. Ну вот... и я здесь.

Физик кончил. Он встал и, видимо в волнении, прошелся по комнате.

— Она умерла? — нерешительно спросил я.

— Я вернусь, обязательно вернусь еще раз в тайгу, — сказал мой посетитель, — и может быть... увижу ее.

К его гипотезе об атомном взрыве метеорита мы уже дописали несколько фраз, когда в комнату вошел тоже обросший бородой Сергей Антонович.

— Опубликовали мою гипотезу о чернокожей? — спросил он, даже не здороваясь от волнения.

Вместо ответа я протянул ему страницу, на которой я начал писать под диктовку физика. Ошеломленный Сергей Антонович несколько минут сидел молча, не выпуская из рук бумажки. Потом встал, попросил у меня свою статью и методически разорвал ее на аккуратные мелкие кусочки.

Я еще раз перечитал добавление к гипотезе физика:

«Не исключена возможность, что взрыв произошел не в урановом метеорите, а в межпланетном корабле, использовавшем атомную энергию. Приземлившись в верховьях Подкаменной Тунгуски путешественники могли разойтись для обследования окружающей тайги, когда с их кораблем произошла какая-то авария. Подброшенный на высоту трехсот пятидесяти метров, он взорвался. При этом реакция постепенного выделения атомной энергии перешла в реакцию мгновенного распада урана или другого радиоактивного топлива, имевшегося на корабле в количестве, достаточном для его возвращения на неизвестную планету».

В Н Е С К О Л Ь К О С Т Р О К

❖ Южноафриканские жуки-носороги настолько велики и сильны, что, налетая с размаху на электрические лампочки, они разбивают их вдребезги.

❖ Малайская летучая ящерица бескрыла. Делая прыжок, она раскрывает широкие перепонки, натянутые на подвижные, далеко выступающие концы ребер, и несколько мгновений держится в воздухе.

❖ Первая экспедиция к истокам Нила была послана римским императором Нероном в первом веке нашей эры.

❖ На Северном полюсе человек оказывается на двадцать один километр ближе к центру Земли, чем на экваторе.

❖ Ледяные горы полярных морей плавают в соленой воде, но сами состоят из пресного льда материкового происхождения.

❖ На морском дне живет мало-подвижное червеобразное животное — голотурия. Некоторые разновидности голотурий в момент опасности как бы выворачиваются наизнанку, выбрасывая прочь внутренности, которые затем отрастают вновь.

НИК. БОГДАНОВ

Фото Н. Петрова

1. ЯПОНИЯ СВЕРХУ

На борту амфибии.—Страничка из Гончарова.—Над островом Хонсю.—На токийском аэродроме.—„Летающие гробы“.

Японию мы увидели 31 августа 1945 года в час пополудни с высоты трех тысяч метров. Погода стояла чудесная. Накануне во Владивостоке мы купались. Всю дорогу под нами сверкало перламутровой чешуей Японское море, волнуемое легким ветерком. Словно подгоняемая им, наша голубая амфибия, пилотируемая морским летчиком Ячменевым, плавно и быстро неслась на восток. Впереди шла амфибия капитана Цурбанова, на которой летели кинооператоры.

Вдруг ведущая машина клюнула носом вниз, привлекая наше внимание. После нескольких часов однообразия полета над водной гладью мы видели впереди черно-зеленые силуэты гор и белую кайму прибоя.

— Справа островок Хекура-сима, слева остров Садо-сима, — сказал наш штурман, лейтенант Швецов, — а прямо по курсу сама Япония.

Под нами уже земля. Каждая страна с воздуха выглядит по-своему. Япония как бы шахматная. Все ее долины расчерчены квадратиками рисовых полей. Ее леса — искусственного насаждения. Высоко в горы поднимаются терраски с посевами. Вся она словно сделанная, а не естественная.

Западный берег острова Хонсю, обращенный к нам, был весь залит солнцем. Стоило подлететь к горному хребту, разделяющему остров как бы на две половины, как внизу мы увидели восточную половину его, закрытую облаками, задернутую мраком непогоды. А над хребтом нас сильно встряхнуло, и в стекла кабин ударила самая настоящая снежная буря.

«Странная, замечательная пока своей неизвестностью земля растянулась от 32 до 40 с лишним градусов широты, следовательно, с одной стороны южнее Мадеры. В ней господствует зной и морозы, растут пальма и сосна, персик и клюква. Там есть горы, равные

нашим высочайшим горам, в горах — мы знаем уже — родится лучшая медь в свете, но не знаем еще, нет ли там лучших алмазов, серебра, золота, топазов и наконец, что дороже золота, лучшего каменного угля».

Так почти сто лет назад писал Гончаров — первый русский писатель, побывавший в этой стране.

Путешественники ошибались в оценке богатств Японии. На ее островах не оказалось ни коксующегося угля, ни хорошей железной руды, никаких драгоценностей, кроме миллионов нищих людей, подневольный труд которых был основной ценностью, которой владели японские богатен.

Впрочем, нам с высоты видно, что Япония богата «белым углем». На ее многочисленных горных речках всюду плотины гидроэлектростанций. Линии высоковольтных передач сверкают стальной паутиной над этой словно искусственной страной.

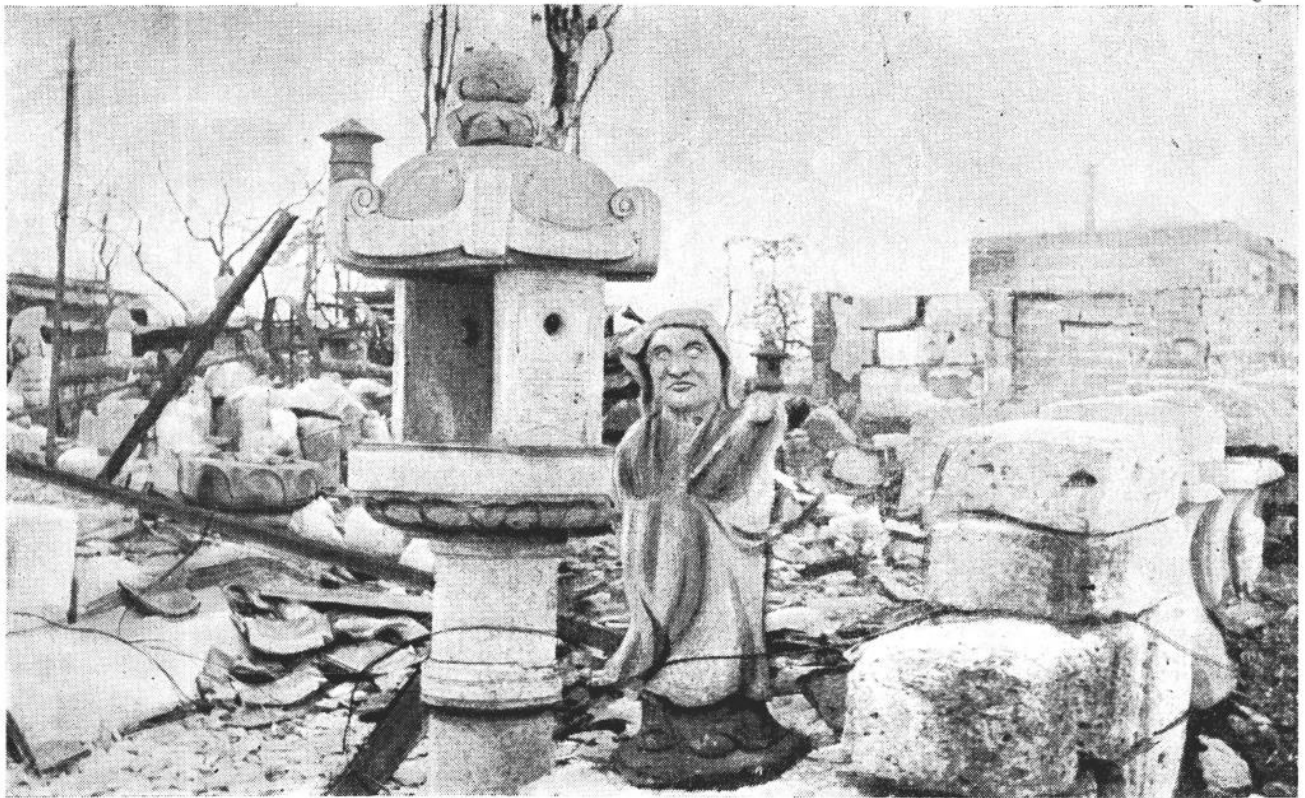
Сильный ветер иногда разрывал облака, и мы видели на восточном побережье острова Хонсю те же квадратики рисовых полей, а среди них корпуса фабрик и заводов, линии дорог. Снова плотины гидроэлектростанций и линии оросительных каналов.

Но трубы фабрик и заводов не дымили, на дорогах не видно движения. Страна была словно мертвой. Неожиданно внизу показалась водная гладь, такая необъятная, что стало больно глазам. Мы перелетели поперек всю Японию и увидели Тихий океан. Облака занавешивали только землю, а над водой их не было.

Наши самолеты снижаются. Летчики хотят разглядеть кромку берегов, найти лазейку к токийскому аэродрому, находящемуся где-то под облаками.

— Вышли точно, — говорит штурман. — Смотрите, под нами флот союзников!

Сверху эта армада в тысячу кораблей казалась лишь стайкой птиц, присевших на воды, — так велик был океанский простор. А ведь среди них был и линкор «Миссури» — самый большой военный корабль Америки, и самые мощные линкоры Англии — «Король Георг V» и «Герцог Йоркский».

На пожарищах Токио сиротливо стоят японские боги, брошенные людьми...

Наступила темнота. Наш самолет нырнул в облака, как под одеяло. Стекла кабин запотели. Облака были так насыщены влагой, что вода так и брызгала из них. Амфибия стала мокрой, как мышь. Откуда-то капало за шиворот. Судя по альтиметру, мы быстро снижались.

Это был самый рискованный момент перелета. Каждый из нас напряженно вглядывался вниз. Ячменев, стиснув зубы, сжимал штурвал, готовый к таким неожиданностям, как высокое здание, отдельная гора, фабричная труба... Эти самые нелюбимые предметы летчика сейчас были особенно опасны.

Но по всем расчетам, под нами где-то должен быть токийский аэродром Ацуги, с широкими бетонированными полосами. Летчик уверенно ведет машину вниз.

Вот мелькает светлая полоска. Это река. Снижаемся так, что видим домики и выбегающих на шум моторов людей. Идем над рекой. Поворот с резким креном. Видно какое-то серебряное сверканье. Мелькают алюминиевые крылья больших самолетов. Значит, сюда попали. Это американские «Летающие крепости». На них должен был прибыть в Японию главнокомандующий войсками союзников генерал Макартур и с ним советский уполномоченный на подписание акта о безоговорочной капитуляции генерал-лейтенант Деревянко.

Бетонная посадочная полоса струилась от дождя, как широкая река. Амфибия капитана Цурбанова приземлилась, вздымая веер брызг.

Приземляемся вслед за ведущей машиной капитана Цурбанова. Уф, наконец земля! Винты закрутились в обратную сторону. Машина покатила по инерции быстрее гоночного автомобиля. Летчик смотрит, куда подруливать. Нас никто не встречал, в такую погоду не ждали. На аэродроме было безлюдно. Наконец появился зеленый малютка «виллис», так знакомый по германскому фронту. Значит, здесь американцы. Мы слышали, что два дня тому назад в районе Токио высадились части авиадесантной дивизии. А вот и сами парашютисты. Не успела наша амфибия подрулить на

стоянку, как нас окружает толпа военных в свободных, спортивного покроя, костюмах, с автоматами, подвешенными подмышками, в больших касках.

Только вылезли из машины, как услышали радостное приветствие десятков голосов:

— О-кей, Иван! Вери гуд, Иван!

На лицах неподдельное радушие. Поднятые вверх пальцы означали высшую степень одобрения нашей отличной посадке в нелетную погоду.

Стоило нам произнести несколько русских фраз, как в ответ зазвучала славянская речь. Среди американских парашютистов оказалось немало ребят славянского происхождения. Тут и чехи, и словены, и сербы, и поляки. Их деды и прадеды переселились когда-то в Америку, но и сейчас многие эти американцы знают отчий язык.

Мы отлично понимаем речь словена из Истрии Майко Радака. А вот к нам подбегает американский лейтенант Генри Иванович Зинковский. Его дедушка из царской России отправился искать счастья в Америку. Внучек все же знает русский язык и отчетливо произносит:

— Разрешите доложить в штаб, что прибыли советские корреспонденты из Москвы?

И тут же шутит:

— О, как вы не спутали адрес в такую дурную погоду?

— А мы хорошо изучили эту дорогу, — отвечает наш штурман по-английски. — Мы думали возить сюда бомбы, но война так быстро кончилась, что привезли корреспондентов.

Раздается одобрителный гул. Американцы любят и ценят в разговоре шутки, остроты, неожиданные обороты.

— Сколько же вам пришлось лететь, чтобы посмотреть на выражения лиц японских вояк, когда они будут расписываться в поражении? — бросает по-русски Генри Зинковский.

— Двенадцать тысяч километров.

— О-кей, какой длинный путь, при такой короткой

Таким возникает Токио из пепла... (Снято 3 сентября 1945 года.)

войне! Ведь японцы сдались на второй день после того, как вы ее объявили?

— Да, если не считать, что после этого нашим войскам пришлось разбить миллионную Квантунскую армию, преодолеть пустыни Чахара, Хинганские горы, железобетонные укрепления на сопках Манчжурии, уложить при этом восемьдесят тысяч японских солдат да пленить тысяч пятьсот...

Громкий хохот американцев одобряет этот ответ.

— Какова Япония? — спрашивает штурман.

— Издалека она казалась значительно лучше, — усмеваются парашютисты.

Нам поданы машины. Прощаемся. Все хотят на память о встрече иметь сувениры. Достаем из карманов случайные гривенники и двугривенные. Их расхватают мгновенно. Майко Радак объясняет, что он просверлит в гривеннике дырку и привесит его в качестве брелока к часам.

Когда мы ехали по аэродрому, то за строем «Летающих крепостей» разглядели довольно много японских самолетов. Темнозеленые машины с желтыми значками теснились на задворках аэродрома, ими были забиты прилегающие вишневые сады и бамбуковые рощи.

Генри обратил наше внимание на коротенькие, толстобрюхие самолеты с какими-то крупными иероглифами на крыльях.

— Это для камикадзе, для летчиков-смертников, — сказал он. — Мы отыскивали до двухсот таких машин. Самые настоящие летающие гробы. Пилот, садясь в такой самолет, отправлялся сразу на тот свет. Он должен был спикировать на вражеский корабль и — фьють! — Американец выразительно свистнул.

Мы внимательно присматривались к этим самолетам. Начиналось «японское».

2. ТОКИО ПОСЛЕ ВОЙНЫ

На пепелище императорского Токио. — В советском посольстве. — „Спасительная“ хризантема. — „Пустой день“ японской столицы.

Узнав, что подписание акта о капитуляции отложено на два дня, мы поехали посмотреть японскую сто-

лицу, громадный город, неестественно выросший в какое-нибудь полстолетие на острове Хонсю, на краю «океанской пропасти». Японцы считали, что у них в «большом Токио» восемь миллионов жителей. Они гордились, что в нем сочетаются чудеса Запада и Востока и обычаи старины уживаются рядом с достижениями современной культуры.

На его улицах можно было видеть и домики старинной японской архитектуры, из сосны и лакированного картона, с раздвижными бумажными стенками, и железобетонные здания европейского типа.

По асфальту мчались автомобили новейших моделей, а рядом стучала деревянными сандалиями — «гета» — толпа, сверкая разноцветными шелковыми халатами — «кимоно».

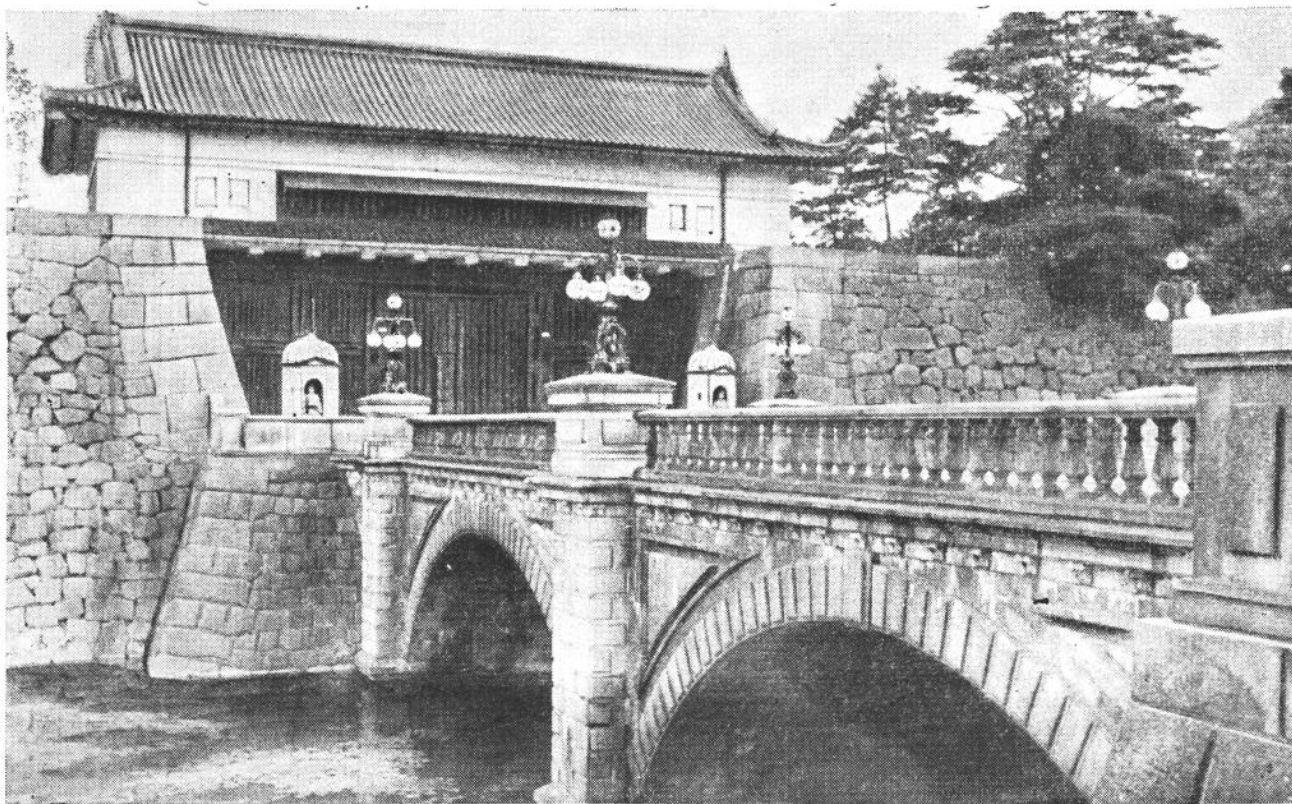
В торговом квартале, на Серебряной улице, можно было купить все, что есть в мире. Французские духи и благовонную амбру, радость малайских модниц. Усовершенствованные немецкие подтяжки и старинные японские ножи для совершения «харакири». Роскошный автомобиль любой марки и сверчка в крошечной лакированной клеточке. В специальных магазинах любители часов просяживают у клеточек, щекоча сверчков соломинками, чтобы вызвать стрекотанье и выбрать лучшего музыканта.

Тут в огромных кинотеатрах шли американские комедии с участием Чарли Чаплина, а рядом в маленьких храмах поклонялись лисице, почитающейся божеством.

Здесь можно было в любом ресторане заказать и бифштекс по-английски и отведать заливного из спрута, любимого кушанья японцев.

В Токио издавалось столько же газет, сколько в Нью-Йорке, если считать на душу населения. Но вместо букв там были иероглифы, древнейший вид письменности, и читались они снизу вверх.

В этом городе, залитом электрическим светом, жил в своем дворце неограниченный владыка Японии — император, которого официально именовали «сыном солнца», «братом луны», «воплощением божества на земле».

...За восемь „священных“ прудами, за восьмиугольником стен, под крепкими замками живет император Японии.

Этот «живой бог» по имени Хирохито любил ездить на автомобиле, занимался ботаникой и любил выдавать себя за ученого, а сам мечтал железом и кровью завоевать весь мир. Теперь он кандидат на скамью подсудимых, как один из главных военных преступников.

Кучке богачей (говорят, их две тысячи семейств), которая, сплотившись вокруг императора, владеет семидесятимиллионным японским народом, показалось мало своих рабов. Они задумали поработить весь мир.

Но мечты эти лопнули, как мыльный пузырь, когда миролюбивые народы объединились. Вступление Советского Союза в войну против Японии заставило ее капитулировать.

Как же выглядит Токио после войны?

Оказывается, несколько километров мы уже ехали по городу, не замечая города. Под колесами машины бежал асфальт, виднелись заржавленные рельсы трамвая, — других признаков городской улицы не было. Направо и налево расстились бурые пустыри, посыпанные пеплом. Вот в диком поле появилась широкая асфальтированная площадь. На ней стоял полицейский, регулировавший движение. И площадь и движение есть, а домов и даже следа не видно. Слово мы ехали по дну незримого города, смытого фантастическим наводнением.

Вдруг в районе Серебряной улицы мы увидели множество черных прямоугольников. Это на месте торгового квартала остались тысячи несгораемых шкафов. Все магазины японских купцов сгорели дотла, а несгораемые шкафы для хранения денег и ценностей уцелели. Они похожи на мрачные памятники прогоревшему купечеству.

Ближе к центру стали попадаться остовы сгоревших автомобилей и трамваев. Вызвали удивление сгоревшие танки. Откуда взялись они? Ведь в Токио не было уличных боев.

Пораженные этим зрелищем, мы приехали в советское посольство. Железобетонное здание посольства расположено на холме, в вечнозеленом саду. Оно вид-

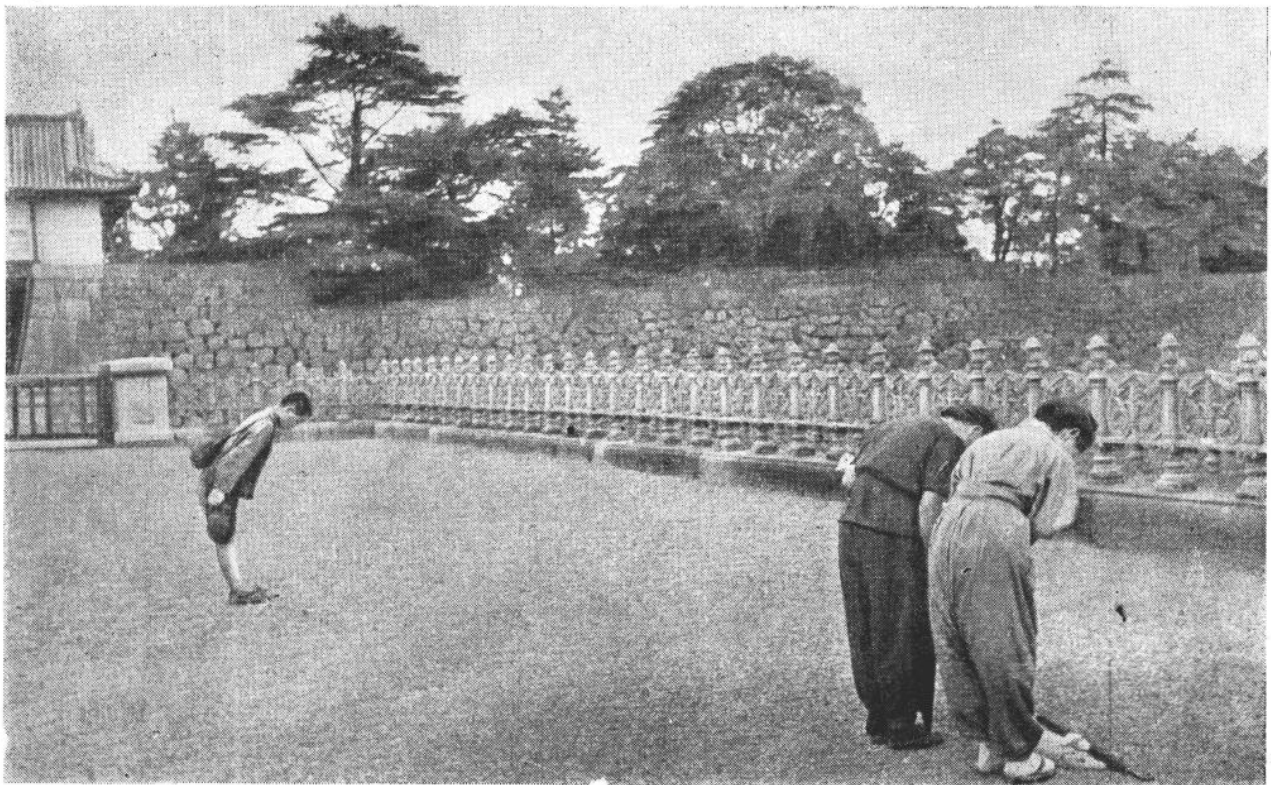
елось издалека — цветущий островок среди черного моря пожаров. Над ним величаво реял огромный красный флаг.

Когда мы спросили, что случилось с Токио, Николай Борисович, работник посольства, проживший здесь двадцать пять лет, подвел нас к бетонной ограде и указал с холма вниз.

— Отсюда, — сказал он, — мы смотрели когда-то на причудливый японский город. Нас окружали тысячи домиков из дерева, фанеры и лакированного картона. Их черепичные крыши с загнутыми углами напоминали носки старинных китайских туфель. Домики лепились так тесно, что по многим улицам не было автомобильного движения. В знойные дни лакированные стенки поднимались, создавая сплошной навес. Внутренность домов становилась открытой. Хозяева могли пить чай, перебрасываясь словом с соседями. Мимо лавировали велосипедисты да шуршала по-муравьиному толпа своих деревянными и соломенными сандалиями. Бедная, но пестрая и, пожалуй, живописная толпа. Дешевые кимоно женщин и детей сверкали всеми цветами радуги. Японские мужчины тоже любили щеголять в этом национальном наряде. Когда шел дождь, толпа поднимала зонтики из промасленной бумаги. Получалось довольно занятное зрелище. По вечерам внутри старинных, разноцветных фонариков зажигались электрические лампочки, создавая причудливую картину. Тоненько звонили маленькие колокола синтоистских храмов — служители официальной государственной религии, основанной на поклонении предкам и обожествлении императора, призывали верующих на вечернюю молитву. С ними соперничали звонкие голоса мальчишек — продавцов вечерних газет. Бывшие правители японского народа не жалели средств на пропаганду своих бредовых идей расового превосходства японцев над другими народами, и потому в Токио выходило много газет. А теперь, поглядите, какая здесь пустыня!

Японские правители думали завоевать весь мир, а как только появились первые «летающие крепости»

Дворцу императора поклоняется до сих пор обманутый народ... (Снято 3 сентября 1945 года.)

американцев, удрали в свои имения и замки, бросив жителей на произвол судьбы. Город загорелся от первых зажигательных бомб. В тот день был сильный ветер. И скоро вокруг забушевало сплошное море огня.

— Языки пламени лизали забор, окружавший здание нашего посольства, — видите, оно потрескалось и кое-где обвалилось. Жар был такой, что в саду загорелись пальмы. Они и сейчас стоят черные. Загоралась трава. Мы вооружились брандспойтами и поливали сад, здание, окатывали водой друг друга. В борьбу включились все, от шофера до посла. Пожар был такой силы, что отдельные клубы пламени переносились через наш островок и снова ввергались в бушующее огненное море. Мы кричали и не могли услышать друг друга, так ревели огненная буря.

И нам было радостно.

В несколько часов все было кончено. Город исчез, как приснившийся. Сейчас в Токио осталось не больше пятнадцати процентов домов. Уцелели в основном здания европейского типа — министерства, посольства, банки.

Мы долго смотрели на черные долины, усеянные битой черепицей, на обуглившиеся деревья, торчавшие на месте бывших садов, на валявшихся там и тут каменных божков, потрескавшихся от жары, никому больше не нужных.

Потом вместе с Николаем Борисовичем отправились побродить пешком по остаткам японской столицы.

Стоял душный, безветренный день. После утреннего дождя особенно чувствовался отвратительный запах гари.

Всюду кучи мусора. Висят оборванные провода. У обочины тротуара прислонились железные остовы сгоревших легковых автомобилей, красные, как скорлупки вареных раков.

Николай Борисович постучал своей тросточкой по пустой железной скорлупке и сказал:

— Даже легковая машинка не успела удрать — представляете себе, что здесь было? Американцы бро-

сали зажигательные бомбы по особой системе, создавая кольца пожаров. Куда японцы ни бросались, всюду их встречала стена огня. Чтобы проложить путь бегущим толпам, были посланы танки. Они стали проламывать проходы среди горящих домиков, но тоже были захвачены пожаром. От огня жители бросались в воду. Здесь много каналов и даже домашних прудов для купанья. Но жар был такой силы, что в маленьких водоемах вода закипала, а в больших люди погибали от духоты. Японцам напоминали об их варварских бомбардировках беззащитных китайских городов.

Навстречу нам двигалась толпа. Женщины с детьми, подвязанными к спине широкими полотенцами. Мужчины с каким-то скарбом на спинах. Усталые, хмурые лица, оборванная, грязноватая одежда. Все мужчины, начиная от мальчишек и кончая старцами, в зеленом, солдатском обмундировании. Все женщины в неуклюжих штанах. Где же цвета и краски, куда подевались шелковые кимоно?

Оказывается, в Японии с начала войны не вырабатывали шелка. Кроме того, специальным указом император запретил носить кимоно. Неудобно было в широких халатах бегать тушить зажигательные бомбы, рыть окопы и щели, строить укрытия. Согласно указу все японские женщины надели штаны — «момпэ», и сразу обнаружилось, как много среди них низкорослых и кривоногих.

Солдатская одежда, обмотки на ногах не красят и японских мужчин. Особенно безобразна их новая обувь.

Захватив много каучука в Голландской Индии, военное министерство изобрело новый вид обуви. У японцев, носивших деревянные сандалии на ремешке, оттопырены большие пальцы ног: по заказу министерства были оттиснуты резиновые тапочки с отдельным большим пальцем.

Возможно, это удобно, но некрасиво. Шлепали японские мужчины в этих тапочках бурого цвета, словно на раздвоенных копытах.

Выйдя из метро, можно прокатиться по Токио на „машине“ в одну человеческую силу.

Обгоняя эту серую толпу, мимо нас проезжали многочисленные велосипедисты. Чего только не везли на велосипедах! И солому, и дрова, и даже мебель. Повидимому, это основной вид транспорта для зажиточных японцев, так же как для американцев — автомобиль. Можно было видеть, как мимо нас проезжал японский папаша, с важным видом правивший рулем велосипеда, на багажнике солидно сидела бабушка, а на бабушке верхом — внучка.

Попадались новые жилища погорельцев. Иным служил жильем остов сгоревшего автомобиля. Другие построили себе шалаши из волнистой жести, служившей когда-то крышей. Каждое семейство уже повесило фонарик с иероглифами своей фамилии, чтобы ночью не пройти мимо и не споткнуться. Тут же готовили пищу женщины, окруженные детворой, иные с младенцами за спиной.

Таковы были картинки столичного быта.

— Помогало ли японское правительство погорельцам, которым оно хвастливо обещало господство над миром? — невольно напрашивался вопрос.

Оказывается, помогало, но довольно своеобразно. В городе Йокагама, так же пострадавшем, как Токио, к погорельцам явились высшие чиновники. Они принесли цветущую хризантему в горшочке, поставили ее на пожарище и пригласили всех поклоняться в знак того, что дух Японии, несмотря на все бедствия, никогда не увянет, так же как этот священный цветок.

В Токио поступили проще. Прямо на перроне вокзала насыпали груды солдатских сухарей и предложили людям, уезжавшим в деревню и мелкие города в поисках крова, запастись на дорогу. Но жители столицы были оскорблены такой подачкой правительства. Тысячи людей проходили мимо сухарей, не взяв и горстки.

К центру города мы поехали трамваем. Публика оглядывала нас, тщательно скрывая свое любопытство. Японцы умеют косить глаза, не поворачивая головы. Они молчаливы и вежливы даже в трамвае. Мы гляде-

ли в разбитые окна, но картины были все те же. Вдруг, на повороте, трамвай замедлил ход, кондуктор позволил и что-то сказал сюсюкающим голосом. Все поклонились в одну сторону. Оказывается, это специальная остановка — чтобы поклониться дворцу императора. Отсюда виден кусочек дворцовой черепичной крыши из-за каменной стены.

На первой же остановке мы слезли и пошли к дворцу через широкие площади и парки. По дороге решили посмотреть метро. В Токио существует несколько линий метрополитена. Когда мы приблизились к станции, наши фотокорреспонденты сразу схватились за свои лейки. Еще бы! Такое сочетание Азии и Европы в одном кадре не везде найдется: у входа в метро сидели рикши — люди-лошади. Можно, сойдя с электропоезда, выйти из метрополитена и тут же пересечь на «машину» в одну человеческую силу. Нас не прельстила поездка на человеке, и, сфотографировав еще один из контрастов Токио, мы пошли к дворцу.

В те дни американцы еще не вступали в столицу. Штаб Макартура помещался в Йокагаме. Дворец императора охраняли японские войска. Большие отряды стояли у всех восьми ворот, ведущих внутрь каменного восьмиугольника, окруженного восемью священными прудами. Пройти поближе нам не удалось, за пропуском надо было ехать к высшему начальству, и мы полюбовались только внешним видом жилища «живого бога».

Старый дворец, где жил император, низок и мал, из-за стен видна только его крыша. Новый, где он давал приемы, сгорел от американских «зажигалок».

Японские офицеры, охранявшие дворец, скучали. Они уныло разгуливали парочками по мостам либо катились на велосипедах.

Каждый из них был вооружен современным пистолетом — пазабеллумом — и старинным самурайским двуручным мечом. Забавно было смотреть, как эти воинственные на вид офицеры крутили вензеля, положив мечи на руль велосипеда.

Император запретил им носить кимоно. Все женщины надели неуклюжие штаны — «момпэ»

Мы вдоволь нагулялись по парку и около священных грудов, заросших тиной, ряской и полных лягушек, которым тут раздолье, ибо все живущее в этих прудах священо и неприкосновенно. Пора бы и уходить, но наш любезный проводник что-то медлил.

Оказывается, уважаемый Николай Борисович хотел показать нам место, где вчера происходило дикое зрелище, которое еще можно было встретить в Токио, — коллективное «харакири».

Накануне здесь, в парке «Мейдзи», двенадцать молодых людей из «ассоциации помощи трону» сели на лужайке и под руководством учителя зарезались в знак соборезнования императору, проигравшему войну.

Тут же в виду императорского дворца сделали себе «харакири» несколько одиночек. Некоторые министры и крупные военные зарезались на дому.

Мы расхаживали, поглядывая по сторонам и держа наготове фотоаппараты, а Николай Борисович рассказывал:

— В Японии существует до сорока способов «харакири». Собственно, способ распарывать живот один, а предлогов много. Можно зарезаться, чтобы отомстить несправедливо обидевшему начальству, а можно зарезаться, чтобы попасть в рай вместе с умершим императором. Такое «харакири вдогонку» сделал себе известный японский маршал Ноги, когда умер император Мейдзи. Согласно обычаю, министрам императора в случае его смерти приличествует следовать за ним в иной мир. И вот маршал, командовавший современной армией, человек, окончивший академию, в наш век радио и электричества решил поступить по этому дикарскому обычаю. Он вооружился специальным кривым острым ножом, сел на соломенную циновку, обнажил живот и приступил к делу. За компанию рядом устроилась и его жена. Супруги вонзили ножи, как полагалось, глубоко в левый бок и провели к правому боку, разрезавшись поперек. Супруга тут же умерла, а маршал еще успел разрезаться снизу вверх. Такое отличное «харакири» было воспринято как подлинно самурайский подвиг, и маршал прославился им больше, чем

Средневековый способ ношения детей сохранился и в столице Японии.

своими военными заслугами. Домик, где он резался, был превращен в музей, и потом школьников водили любоваться циновками, пропитанными кровью, и ножами, которыми резались доблестные супруги.

Все это происходило в городе, где под землей грохочут поезда метрополитена, а над землей летают самолеты.

День, который мы провели в парке «Мейдзи», газеты называли потом «пустым» и сетовали, что по такому великому поводу, как проигрыш войны, так мало совершается «харакири».

На окраинах в полной сохранности, не затронутые бомбежкой стояли самолетостроительные заводы компании «Мицубиси», пушечные заводы «Мицубиси».

Это один из контрастов сегодняшнего Токио. Дома жителей сгорели, как спичечные коробки, а военные заводы уцелели. И в центре города сохранились банки, министерства, посольства, парламент — все, откуда можно управлять страной и войной.

...Ночь. Нам долго не спится. Мешают тропические цикады, огромные, как воробьи. Они врываются в окна с каким-то деревянным треском. Больно кусаются черные японские комары, покрупнее наших.

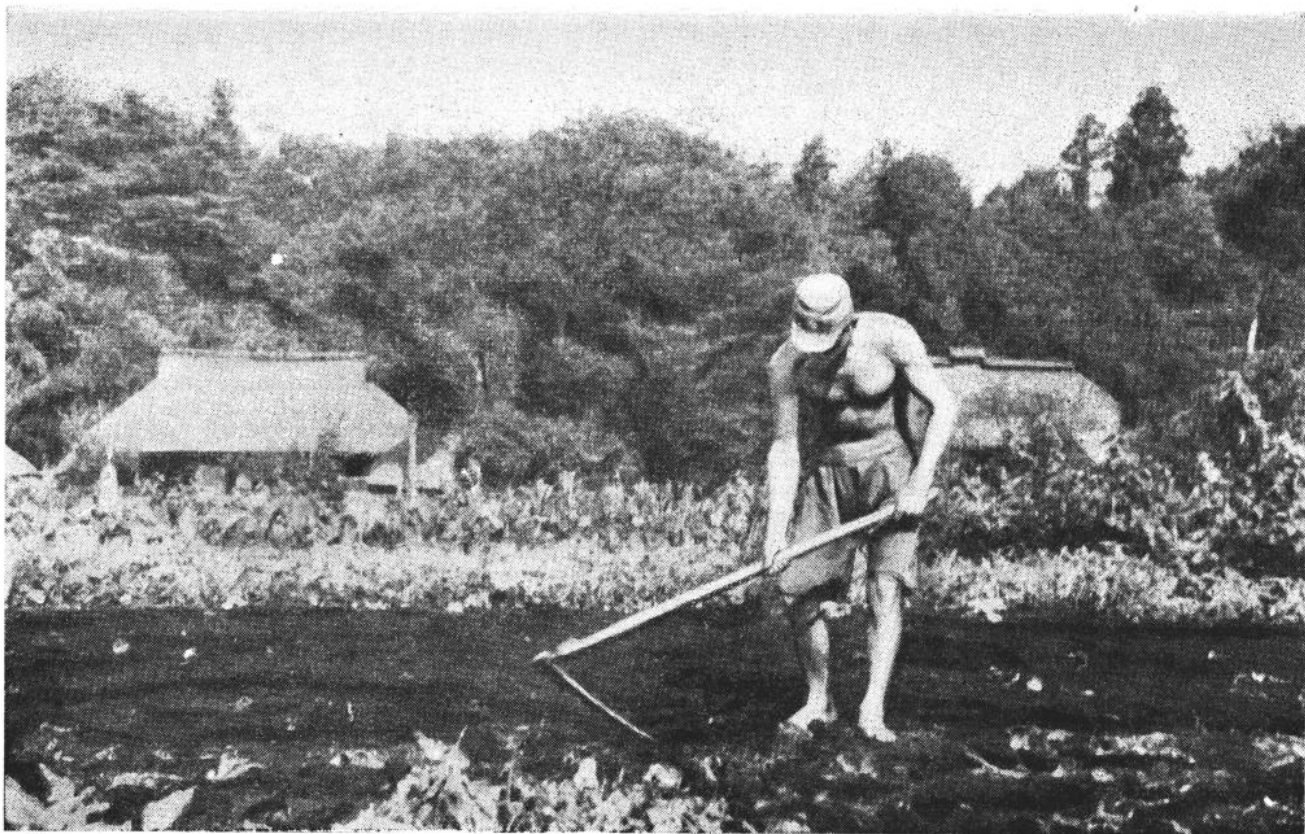
Мы долго смотрим на темный, молчаливый город, вспоминаем все виденное в нем сегодня.

И невольно вспоминается другая столица мракобесия — Берлин. Совершенно разные по внешности, расположенные на разных концах света, эти два очага средневековья напоминали друг друга многими чертами быта и нравов. Они соперничали в человеконенавистничестве, — теперь могут посоперничать развалинами.

3. УРОК ЯПОНСКОЙ ИСТОРИИ

Плещ из соломы. — «Потомки богов». — Четыре тысячи иероглифов. — Чему учили в японской школе.

Мы поехали в Иокагаму, где при штабе Макарута уже собралось двести тридцать корреспондентов всех

„Потомки богов“ и подданные императора обрабатывают землю мотыгой...

стран. От Токио этот промышленный двухмиллионный город совсем недалеко, они соприкасаются окраинами. Между ними курсируют электропоезда, на одном из которых мы отправились в путь.

И вот снова путешествие, полное контрастов.

Нас мчал электровоз, машина, построенная по последнему слову техники, а правил ею японский машинист в очках, в шляпе, но босой.

Большинство пассажиров читали газеты, надев очки и сняв с себя все, кроме трусиков. День был жаркий, и голышом ехать приятнее.

Наше внимание привлек крестьянин в плаще из рисовой соломы, с мотыгой в руках. На нем была одежда, изобретенная с тысячу лет назад. Соломинка к соломинке привязывается так ловко, что дождик стекает по былинкам вниз не хуже, чем с резинового плаща. Нам даже понравилось. Но когда случайный порыв ветра, неожиданно ворвавшийся в вагон, взъерошил все эти былинки и на нас взглянули из вороха соломы два черных, сверкающих глаза, стало как-то не по себе...

Этот бедный крестьянин ехал за сорок километров, чтобы обработать участок, арендованный у помещика на основе старинной испольщины, за половину урожая.

Мелькнули заболоченные рисовые поля, где работали по колено в грязи обнаженные люди в конических соломенных шляпах. Эту древнюю картинку сменили современные городские виды. Показались фабрики и заводы Йокагамы, корпуса которых построены из железа, бетона и стекла.

В этом городе, так же как в Токио, жилища горожан были сметены пожаром, а заводы, верфи, военные склады уцелели. В центре оказалось больше разрушений, чем в Токио. По какому-то капризу уцелели все три лучшие гостиницы.

Сойдя с поезда в районе порта, мы увидели высадку американской дивизии, прибывшей для охраны штаба Макартура.

С удивлением смотрели японцы на высадку американских солдат. Еще вчера их уверяли, будто это невоз-

можно. Газеты писали, что любой японский школьник ножом зарежет первого же чужого солдата. Именем императора уверяли, что высадки не допустит грозная японская армия и «бог гнева», что сама земля японская не потерпит, чтобы ее топтали «белолицые дьяволы».

Затаив дыхание, смотрит средний японец, как беспрепятственно к нему на дом жалуют чужие солдаты.

Для японцев, считающих себя потомками богов, наблюдать это зрелище, повидимому, тяжело. Они застывают, словно в столбняке. А потом, не обмолвившись ни словом, идут прочь с окаменевшими лицами.

В компании с одним американским журналистом зашли мы в японскую школу.

Стояла тишина, как в храме. Школьники внимательно занимались чистописанием.

По выставленным у входа деревянным сандалиям можно было сосчитать учеников. Бурные резиновые тапочки военного образца говорили о том, что и учитель в школе.

Увидев наши офицерские мундиры, учитель подтянулся, как старый солдат, хотя был в штатском, а ученики сделали стойку «смирно».

Мальчики были все черноголовые, черноглазые и в полувоенной форме так походили друг на друга, что казались совершенно одинаковыми.

Прижав к груди лакированную палочку, которой он бьет по рукам нерадивых учеников, учитель, поклонившись, спросил, что нам угодно.

Через переводчика мы объяснили цель нашего прихода.

Учитель охотно ввел нас в класс. Он велел ученикам вернуться к прежнему занятию. Они сели на пол, устланный соломенными коврами, обмакнули кисточки в пузырьки с тушью и начали рисовать иероглифы, держа листки бумаги на коленях.

— Половину учебного времени у нас занято изучением иероглифов, — сказал учитель. — Их необходимо изучить не менее четырех тысяч.

— Но ведь это очень тяжелый труд. Почему бы вам не перенять более усовершенствованную европейскую азбуку?

— Японский народ трудолюбив, а ради красоты иероглифов стоит трудиться, — улыбнулся учитель.

— Но это затрудняет общение с другими странами, вам, очевидно, нелегко переводить современные слова на свой язык. Для того чтобы перевести такое слово, как «крейсер», вы рисуете иероглиф моря и иероглиф молнии. Получается «морская молния». Не сразу можно и догадаться, что это такое.

Но у японца на этот счет было свое мнение.

— О, нет! — ответил он учтиво. — Чувство фантазии широко развито у японцев. Вот, например, для того чтобы написать слово «ссора», мы рисуем иероглиф двух женских фигурок — две женщины означают ссору. — И учитель улыбнулся, довольный своей шуткой.

— Но стоит нарисовать к ним третью женскую фигурку, как смысл настолько изменится, что никто и не угадает, что это будет означать уже не драку и не базар, а государственную измену, — ответил наш переводчик.

Я молчал, вспоминая, что ст. латинского шрифта японцы отказались только потому, что хотели сохранить «самобытность» своей культуры, хотя иероглифы заимствованы ими у китайцев.

Американский корреспондент сказал:

— Я слышал, что эту допотопную письменность сохраняет японское правительство для лучшего обмана иностранцев. У них есть иероглиф — восемь углов под одной крышей, — который выражал понятие «восемь родственных азиатских народов под властью японского императора». А после первых успехов в войне против нас и англичан японцы так возгордились, что стали читать этот иероглиф так: «весь мир под властью японского императора». Возможно, поэтому они и считают иероглифы весьма для себя подходящими...

С лица японца не исчезла улыбка, хотя он отлично знал, как все японские интеллигенты, английский язык. В университетах многие дисциплины у них ведутся на английском языке, особенно те, где иероглифы мешают смыслу.

Школьники с большим старанием вырисовывали свои иероглифы. Научиться правильно изображать их — немалое искусство. Каждый иероглиф — целая картинка. Чтобы написать иероглиф, означающий понятие «буйный, цветущий, урожайный», надо сделать двадцать шесть черточек.

Нас заинтересовало, как маленькие японцы изучают свою историю, и с позволения учителя мы спросили одного из лучших учеников о происхождении японского народа.

Мальчик, закрыв глаза, звонко произнес хорошо зазубренные фразы:

— Народ Японии произошел от императора Дзимму Тенно, который был земным сыном богини Аматерасу-сми-ками. Таким образом, он является народом божественного происхождения и находится под покровительством своей великой праматери.

— Неужели вы верите в эту ерунду? — спросил американский корреспондент учителя.

Японец зашипел, как рассерженный гусь, вбирая в себя воздух сквозь зубы, и ответил:

— Я учу тому, что написано в книгах.

Мы просмотрели несколько учебников. Нас заинтересовала «География Великой Восточной Азии для детей» некоего Сокомато. Она написана в форме беседы отца с детьми.

Отец спрашивает, что такое «Великая Азия», а дети хором отвечают:

«— Знаем, папочка! Великой Восточной Азией называется территория, включающая в себя восточную часть Азии, страны южных морей, Австралию и Новую Зеландию.

— Правильно, хорошо усвоили. Если мы посмотрим на карту, то Великая Восточная Азия будет представлять

М. М. ГРОМОВ

Герой Советского Союза,
генерал-полковник авиации

Журналу „Вокруг света“

«Вокруг света»... Сколько болнующих мыслей и воспоминаний вызывают эти два слова! Старинные рукописи о первых кругосветных плаваньях, рисунки с изображениями фрегатов и каравелл... Парусные корабли, смельчаки на шхунах... Выцветшие фотографии пароходов, преодолевших первыми кругосветный рейс. Книжные герои Жюль-Верн — любимцы поколений. Газетные рекламы о «чудаках, идущих вокруг света пешком»... И, наконец, новый этап в культурной жизни мира — этап воздушный. Я говорю о знаменитом перелете великого русского летчика Чкалова, о Сталинском маршруте. Ведь прямо за этим следует мечта о большем — о рейсе «вокруг Земли над Землей».

Два эти слова в кавычках — «Вокруг света» — знакомы многим из нас, людям старшего поколения, еще с детства: так назывался юношеский географический журнал, издававшийся в начале XX века. Какие мечты о путешествиях и приключениях будили в юношах толстые комплекты журнала! Но жизнь в те времена представляла слишком мало возможностей для самого человека, и зачастую мечта оставалась мечтой. А перед современной, советской молодежью раскрылись широчайшие горизонты, и, открывая книгу путешествий, юноша знает: «Я тоже могу быть там, я тоже преодолю все препятствия, это для меня!»

«Вокруг света» назывался и тонкий журнал, издававшийся уже в наши, советские годы, до войны. Журнал был еще не богат материалом, но даже этих тоненьких выпусков читатель ожидал всякий раз с нетерпением. Тем радостнее выход «Вокруг света» сейчас, в новом, лучшем образе, на более широкой основе. Мне, кажется, писатели и ученые должны подойти к этому делу серьезно, с увлечением, сознавая, что делают немаловажное дело.

И хотелось бы мне, чтобы авторы и работники журнала не забывали, что современный путешественник, исследователь, смельчак, изучающий мир, — это крылатый человек сталинской эпохи, эры Великого воздушного океана. Человеком с честью пройден уже гигантский путь от парусного суденышка до авианосца, от речной пироги до вездесущего самолета.

Я от всей души желаю журналу «Вокруг света» плодотворной и долгой жизни. Пусть он будит в сердцах наших молодых людей любовь к просторам, волю к научным завоеваниям, к путешествиям и открытиям во славу родины!

собой восточную часть Сибири, Манчжоу-Го, Японию, Китайскую республику, Французский Индо-Китай, Таи...

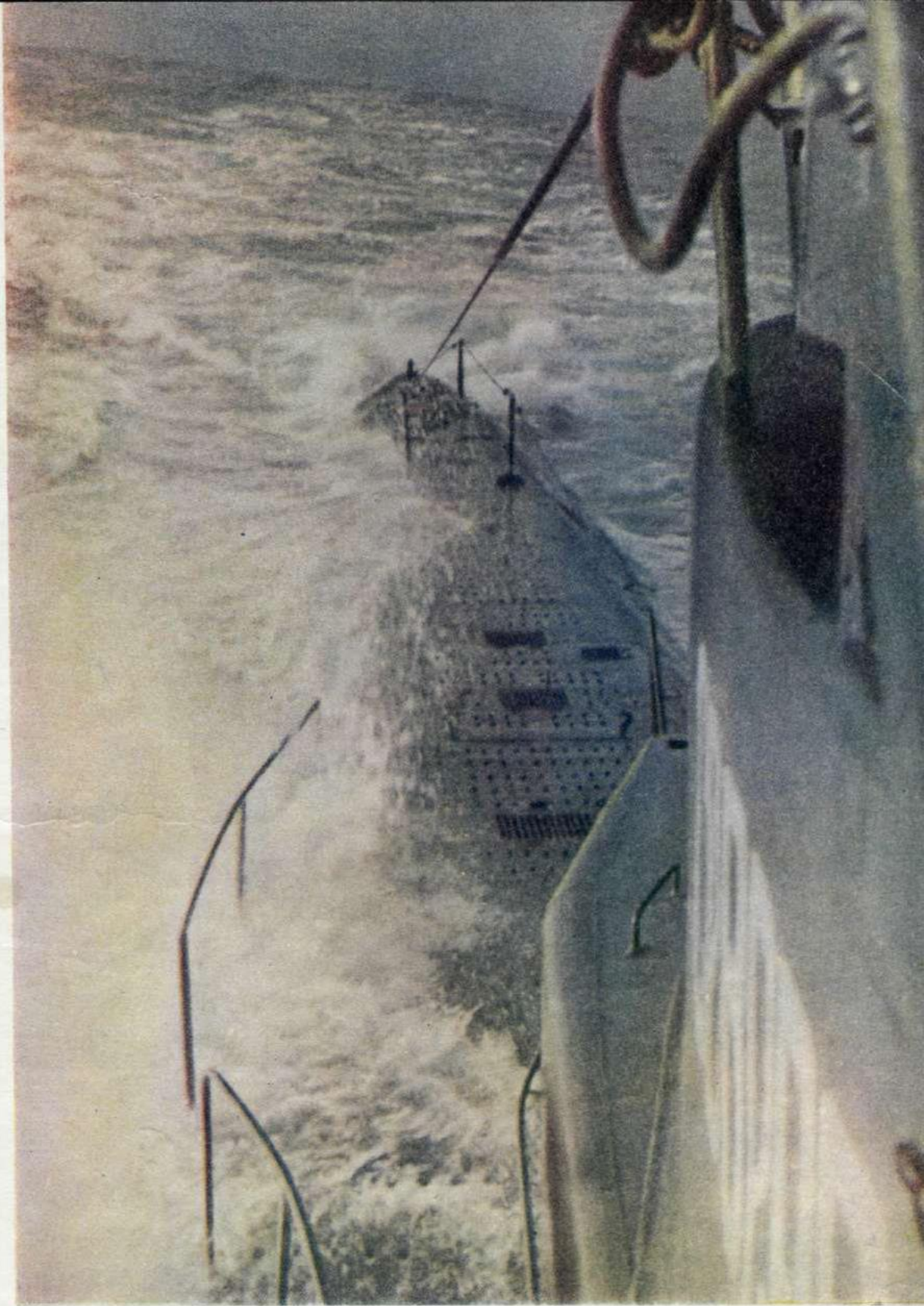
— Уж очень большая территория.

— Правильно, это очень обширная сфера, дети.

По такому учебнику вел преподавание японский учитель после того, как японских захватчиков вышибли и из Манчжоу-Го и из Новой Гвинеи, когда мимо школы проходили американские войска и на завтра было назначено подписание безоговорочной капитуляции Японии.

(Окончание следует)

ВОКРУГ **СВЕТА**

1 1960
ЯНВАРЬ

Здравствуй, новый год семилетки!

Здравствуй, год тысяча девятьсот шестидесятый, второй год великого семилетия! Радостно приветствует тебя советский народ, готовый к новым трудовым подвигам, к новым мирным свершениям.

В этом году у нас много дел, дел трудных, неотложных, беспрецедентных по своим масштабам. Предстоит выполнить ответственные задания, начертанные в семилетнем плане.

И сейчас, празднуя начало нового года, мы твердо уверены, что выполнение этих заданий выльется во всенародное движение, целью которого будет — досрочно осуществить взятые на себя обязательства, победить сам 1960 год, опередить время.

Сейчас уже отчетливо видно, что время не успевает за поступью наших шагов. Ритм дней отстает от ритма дел. Перевыполнив план 1959 года примерно на 4 процента.

1960

ВОКРУГ СВЕТА

**№ 1
ЯНВАРЬ**

Журнал основан в 1861 году

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

мы тем самым опередили календарь на полмесяца. А ведь выигрыш времени имеет решающее значение и в нашем мирном соревновании с капиталистическими странами. И, может быть, самой замечательной чертой наших дней является то, что мы побеждаем время сразу на двух направлениях, — мы работаем меньше, а делаем больше. Кажется, что это не согласуется между собой. Кажется, что сокращение рабочей недели не совместимо с неуклонным ростом продукции. Да, так оно и есть в любом капиталистическом государстве. Но в нашей стране победившего социализма более короткая рабочая неделя и неуклонный подъем производства не противоречат, а дополняют друг друга, так как направлены к одному — к обеспечению максимально лучших условий жизни трудящихся. И то и другое — свидетельства нашего неуклонного движения к коммунизму.

Твердой, уверенной поступью шагает по стране семилетка. В первых рядах создателей новых городов, промышленных предприятий, шахт, железных и шоссейных дорог трудится героический комсомол.

Художник М. Скобелев совершил недавно путешествие по Сибири, побывал с мольбертом в руках на многих комсомольских стройках. О своих впечатлениях он рассказывает в серии рисунков, которые мы печатаем в этом номере.

Ветерана пятилеток — Кузнецкий металлургический комбинат недаром называют вечно молодым. Он непрерывно растет.

В КРАТЕРЕ ВСЕ СПОКОЙНО

Фото и текст В. Гиппенрейтера

О вулканах мы впервые услышали от геологов. Они рассказали, что недалеко от границы между Бурятией и Тувой, в пустынном, труднодоступном районе, есть долина, заполненная потоками лавы. Называется эта долина Хи-Гол.

Мы, семеро московских туристов, отправившихся в путешествие из Бурятии в Туву, колебались недолго. Решено было изменить маршрут и, сделав «небольшой» крюк, навестить вулканы.

Тропа жметя к рекам — сначала вниз по Оке, потом вверх по Синце. Река петляет по широкой долине, оставляя на ней по сторонам много озер-стариц. Чем выше мы поднимаемся, тем выше травостой. Встречаются колхозные стада сарлыков, коров и хайнаков (помесь сарлыка и коровы). С удовольствием пьем сарлычье молоко, густое, как сливки.

Через два дня пришли к слиянию рек Дундагола и Дарыла, образующих Синцу. Здесь организовали «базовый» лагерь и, отклонившись от маршрута, поднялись на пик Топографов (3 044 метра). А через три дня берем курс на вулканы...

В полдень пришли на ключ Аршан. Здесь горячие целебные источники, издавна известные тувинцам, бурятам и монголам.

Наконец перевал — плоское заболоченное плато. За ним в широкой котловине озеро, безжизненное и холодное. Со склона прямо под воду сбегает большой снежник. От вулканов нас отделяют еще двенадцать километров. И хотя теперь мы идем вниз, но все равно тяжело. Под ногами сырой мох, кочки, вязкая, раскисшая земля. Кончилось болото, начались курумы — осыпи больших камней.

Перед нами открывается широкая долина с плоским, необычно поднятым дном. А справа — силуэт горы. У силуэта форма трапеции. Да ведь это вулкан! Теперь только мы заметили, что пропиленная рекой долина залита потоками лавы и потому выглядит так необычно.

Вносится трезвое предложение:

— Может быть, разобьем здесь бивак, а завтра налегке спустимся вниз?

Предложение заманчиво, все мы очень устали. Но желание увидеть вулкан пересиливает и, невзирая на усталость и наступающие сумерки, идем дальше.

— Заночуем в кратере! — решаем мы бодро.

Заросли карликовой березы сомкнулись, тропа исчезла. С трудом продираемся напрямик к реке и... попадаем в топкое болото. Но вот так же неожиданно, как и потерялась, тропа нашлась снова. На ней следы оленей, свежие отпечатки лап медведя, направленные в ту сторону, куда идем мы.

Граница растительности резко обрывается. Сюда подползла лава. Впечатление такое, будто застыла она совсем недавно.

Видно, как когда-то горячие потоки лавы взрывали изнутри успевшую затвердеть корку. Образовались нагромождения самых причудливых форм. Мы с трудом выбираем место для каждого шага, петляем в сложном лабиринте, перепрыгиваем

Любители подводного плавания на службе науки. См, страницу 56.

Карта — наш проводник.

через трещины и впадины, огибаем вертикальные пласты. Уже вечерееет, а еще надо решать вопрос с биваком. Поэтому, махнув рукой на поток вывороченного земного нутра, с облегчением ступаем на мягкую, заросшую травой почву.

И вот мы подошли к подножию вулкана Перетолчина. Склоны его заросли кустарником и даже редким лиственным лесом. Сбоку в ущелье виден еще один конус. Это, конечно, вулкан Кропоткина, который тоже помечен на нашей карте. Сняв рюкзаки, ползем по крутому склону. Вот и кратер — воронка глубиной примерно 60—70 метров.

Ночевка в кратере, как мы замыслили, не удалась. Пришлось согласиться с истиной, что вулкан для жилья не приспособлен: нет дров, нет воды, нет даже ровного «пятка» для палатки. Пришлось обосноваться по соседству у подножия вулкана. С трудом разыскали воду, едва сочившуюся по каменистому ложу ручья.

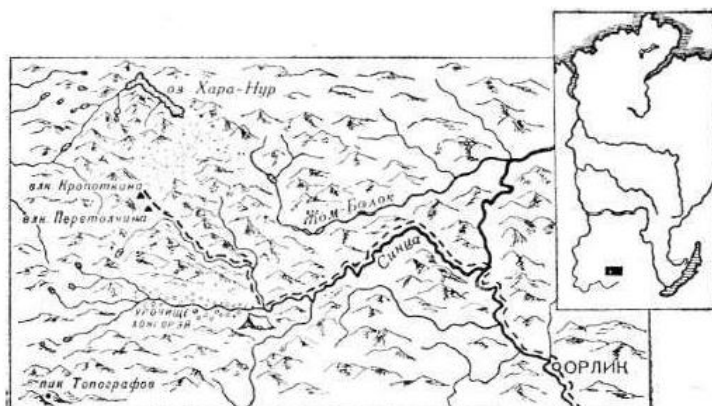
10года испортилась. Над долиной нависли свинцовые тучи. Облака срезали вершины гор. Черный силуэт вулкана над нами да размытый сеткой дождя вулкан Кропоткина вдали выделялись своими правильными очертаниями из серого хаоса гор и облаков. Ни птиц, ни зверей, ни единого звука. Застывшая, мрачная тишина.

Утром пошли к вулкану Кропоткина. Как ни торопились, расстояние в три километра отняло почти два часа.

Шлаковый конус вулкана будто поставлен на ровную поверхность лавы. Легкие пористые камни расползаются под ногами. Воронка этого вулкана уже и тоже глубиной метров семьдесят. С высоты видна голая долина, замкнутая крутыми горами, обрамленная ржаво-красными осыпями шлаков по склонам. Хорошо виден мощный лавовый поток. Выше по долине виден еще один сильно разрушенный конус, заметны провалы лавы, а еще выше, подпертое лавовым потоком, отражает крутую гору синее озеро.

Семья сарыков.

Дальше лошади не пройдут.

На обнаженных осыпях вулкана и даже на внутренних стенках его кратера мы увидели следы зверей: очевидно, из любопытства сюда заходят олени и медведи.

Я решил сфотографировать кратер на фоне гор и для масштаба попросил товарищей стать на противоположном краю воронки. В ожидании, пока выглянет солнце, смотрю на каменный поток. Кое-где группами или в одиночку высятся небольшие, в несколько метров высотой, ржаво-красные шлаковые конусы. Взгляд перебегает вдоль склона ущелья, и вдруг я вижу... медведя. В первый момент глазам не поверил: большой светло-бурый медведь ходит, как корова, по совершенно открытому месту.

Забыв о съемке кратера, я скатываюсь по осыпи и бегу по колючей лаве к медведю. Прикрываясь выступами, подползаю к границе лавы с винтовкой и аппаратом наготове. Осторожно выглядываю из-за камня... Медведя нет. Медведь исчез, будто сквозь землю провалился. Как мы его ни искали, увидеть больше не смогли. А когда шли к биваку, где-то очень высоко над нами несколько раз гремели камни: медведь словно знал, что он уже в безопасности, и не боялся выдать себя шумом.

Весь вечер, сидя у костра рядом с навсегда угасшим вулканом, мы делились впечатлениями дня, пока мрачная падь Хи-Гол не погрузилась в черноту осенней ночи.

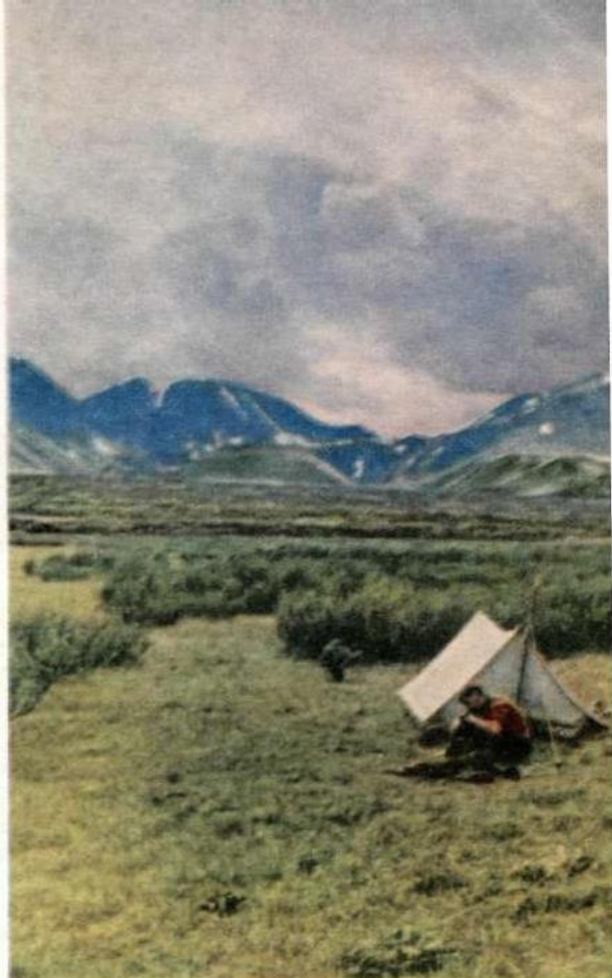

Идем к вулкану Перетолчина.

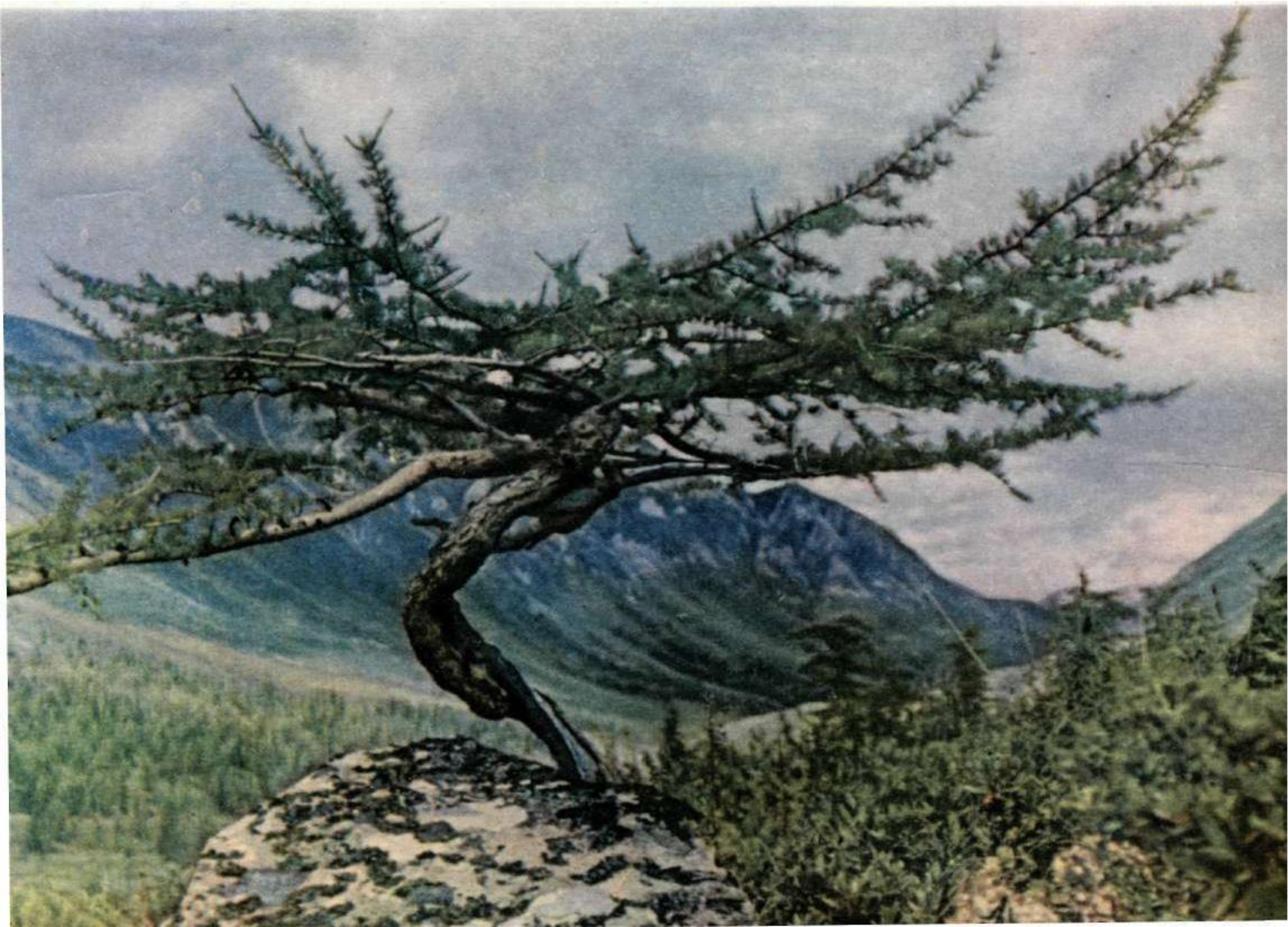

Там, за перевалом, падь Хи-Гол.

Наш бивак.

Несокрушимая лиственница.

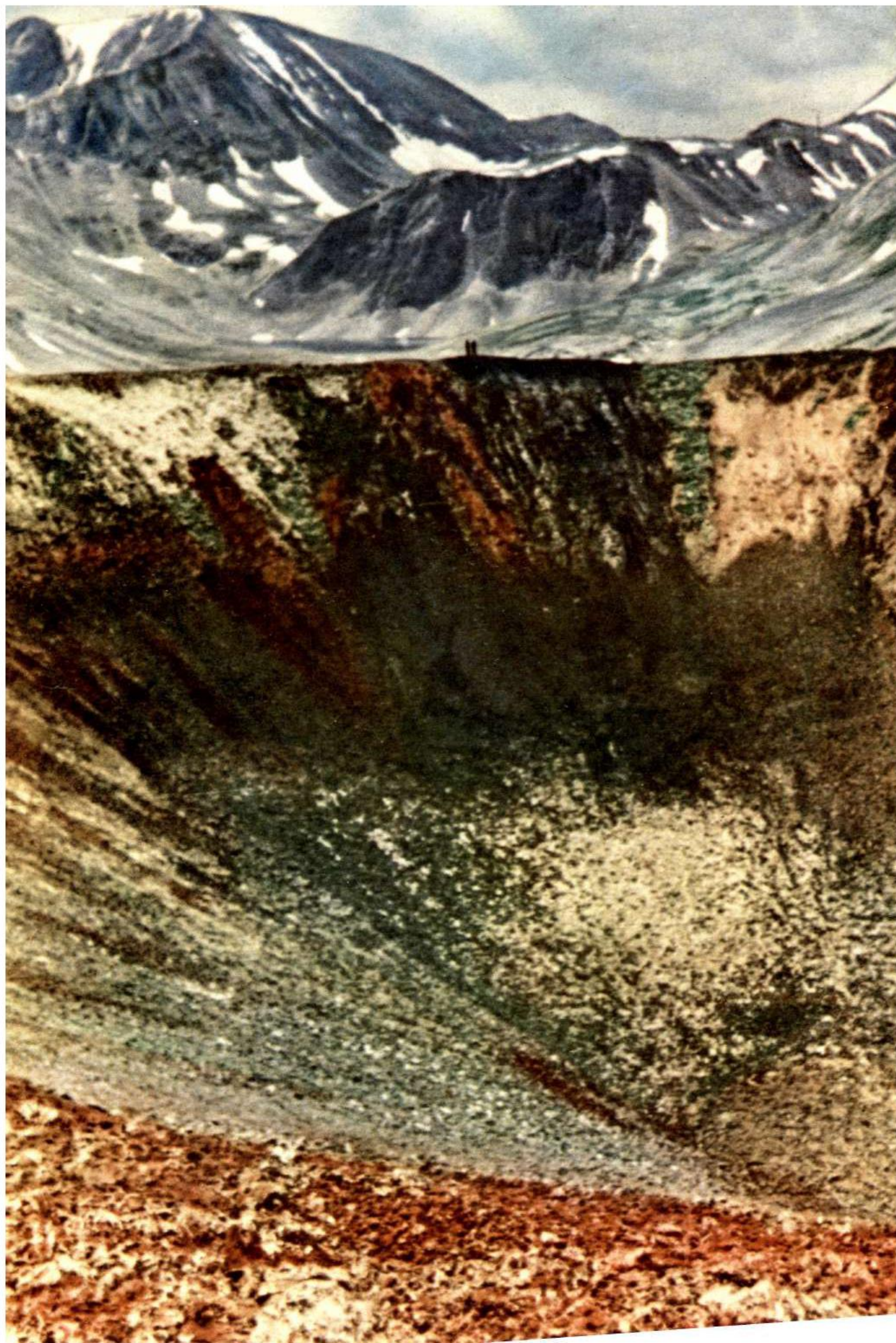
Лавовое поле.

Карликовая береза, растущая на стенках кратера. На краю кратера.

Вулкан Кропоткина.

В. КАССИС

Берег озера Рупкунд — место гибели сотен людей.

ТАЙНА „ТРАГЕДИИ РУПКУНДА“

Припорошенные снегом скалы окружают гималайское высокогорное озеро Рупкунд. Оно расположено в районе Гархвал индийского штата Уттар-Прадеш на высоте около пяти тысяч метров. Тишина и безлюдье царили здесь до последнего времени. Но вот уже несколько лет подряд необычное оживление наблюдается у озера Рупкунд. Одна за другой направляются сюда экспедиции. Озеро стало объектом научных споров. Появилась «тайна Рупкунда». В чем же дело?

К северу от Рупкунда лежит священное место индийских пилигримов — Хомкунд. Один раз в 12 лет тысячи людей посещают эти труднодоступные места. Этот поистине альпинистский подвиг они совершают в честь богини Парвати.

На их пути лежит озеро Рупкунд, которое они обгибают по берегу.

В 1951 году во время очередного паломничества неподалеку от Рупкунда неожиданно разразился сильный снегопад. Паломники-индуисты разбили лагерь на берегу озера и разожгли огонь. Когда снег подтаял, паломники заметили на скалистом откосе человеческие кости. Весть об этой находке облетела Индию. Как попали в этот горный район человеческие кости? Каков их возраст? Кому они принадлежат? Заинтересовались неожиданной находкой и ученые.

В течение 1956—1958 годов к озеру Рупкунд посылались научные экспедиции, в которые входили крупнейшие индийские ученые-палеонтологи, антропологи, геологи, анатомы. Буквально целое кладбище костей и черепов было обнаружено на дне озера.

Отбросив мистику, которой уже успела обрасти тайна «Рупкундской трагедии», ученые приступили к тщательному изучению вопроса. С помощью радиоактивного метода удалось установить возраст костей — 650 лет. Была определена группа крови, к которой принадлежали погибшие люди. Они не были местными жителями. Откуда и с какой целью появились они на берегах озера Рупкунд?

Версии выдвигались одна за другой. Один ученый утверждал, что здесь в 1841 году погибли отряды генерала Зоравар Сингха. Но ведь войны погибли в середине XIX века, а не 650 лет назад. Кроме того, в воинском отряде не могло быть так много женщин и детей, чьи останки были также обнаружены.

Другие считали, что в озеро сбрасывали трупы умерших. Но было установлено, что жители близлежащих районов никогда не совершают такого обряда захоронения. Возникло и такое предположение: может быть, люди пострадали в результате обряда жертвоприношения (некогда озеро Рупкунд считалось священным).

Но большинство исследователей «Рупкундской трагедии» сходятся на том, что в районе озера погибла большая группа паломников, принадлежавших к индуистской религии. Участник трех экспедиций индийский ученый Свами Пранавананда, ссылаясь на исторические источники, утверждает, что трагедия близ озера Рупкунд разыгралась в XIV веке. Раджа Джасдхаул объявил местечко Хомкунд священным — в честь покровительницы домашнего очага богини Парвати. Он сам стал инициатором паломничества и отправился сюда вместе с большой группой приближенных.

Когда люди поднялись немного выше озера, в горах произошел обвал и разразился снежный буран невиданной силы. Спасти никому не удалось. Ливни постепенно смыли кости погибших в озеро Рупкунд.

Казалось, что гипотеза Пранавананды была правдоподобной. Но и тут возникло возражение. Дело в том, что обнаружены остатки кожаной обуви, хотя известно, что ни один паломник-индуст не имеет права осквернить ношением обуви святое место. Однако Свами Пранавананда утверждает, что это было не путешествие обычной группы паломников, а своего рода прогулка нового раджи со свитой, в которую входили женщины и дети.

Остатки тентов, зонтов, кожаных мешков для денег и других предметов домашнего обихода говорят за то, что погибшие не принадлежали к обычным паломникам, которые совершают свои переходы без сопровождения женщин и никогда не берут с собой домашнюю утварь.

Итак, окончательные выводы делать пока еще рано. Индийские ученые продолжают заниматься изучением «Рупкундской трагедии».

1517 году близ старинного польского города Кракова расположились усталые, измученные пленники. С затаенным изумлением рассматривали их местные жители. Громадная, страшная в своей неизвестности Русь, страна снегов, откуда пригнали этих людей, была в то время загадкой для остальной Европы. В книгах античных географов можно было прочесть, что там, возле огромных Рифейских гор, живут нервы, способные превращаться в волков, гипербореи, не знающие естественной смерти, воинственные амазонки, одноглазые аримасцы, которые владеют несметным количеством золота. «За аримасцами и Рифейскими горами проклятая часть мира, где постоянно идет снег», — писалось в одной из тогдашних хроник.

Многие пытались расспрашивать пленных об их стране, но только один человек добился их доверия — профессор медицины местного университета Матвей Меховский. Исторические документы — а все удивительные сведения, которые будут здесь рассказаны, взяты только из документов — не сообщают, чем сломал лед недоверия между собой и пленными Матвей. Быть может, он врачевал раны, помогал деньгами и добротой, которая на чужбине дороже всяких денег.

По вечерам профессор торопливо записывал все, что узнавал днем: он готовил трактат «О двух Сарматиях». В трактате он писал о Восточной Европе, о ее истории, географии, нравах и обычаях жителей. Матвей Меховский, смеясь над баснями древних авторов, старался излагать только проверенные факты. Правда, не все верили и его трактату. Ученый-географ Франческо да Колло, например, не поверил, что Волга впадает в Каспийское море, и обстоятельно «доказывал» невозможность этого.

Одно из сообщений трактата казалось особенно неправдоподобным. Меховский пытался проверить смутные слухи, что у неприступных Рифейских гор есть бездна, в которой спрятана колоссальная статуя из чистого золота. Ему отвечали, что никаких неприступных гор в московской земле нет, но в лесах за Вяткой и Пермью действительно находится почитаемая местными племенами

Золотая баба, которой все жертвуют что могут, хотя бы шерстинку из одежды. Точно об этой бабе никто не знает, потому что сделали и караулят ее люди не русские, местная чужь. Но и самим чудинам бабу не показывают их колдуны.

— Правда ли, что эти люди — одноглазые аримасцы? — спрашивал профессор.

— У нас так чудина не называют, — отвечали ему. — Но верно, если встретишься с ним в бою, то можно признать его за одноглазого, потому что когда он целится из лука, то зажимивает один глаз.

Сообщение о Золотой бабе на-

«Злата баба, — эти слова Герберштейн написал по-русски латинскими буквами, а дальше продолжал по-латыни, — т. е. Золотая старуха, есть идол, находящийся при устье Оби в области Обдоре на более дальнем берегу... Говорят, что этот идол, Золотая старуха, есть статуя в виде некоей старухи, которая держит в утробе сына, и будто там уже опять виден ребенок, про которого говорят, что он ее внук. Кроме того, будто бы она поставила там некие инструменты, которые издают постоянный звук, наподобие труб. Если так, то я думаю, что это происходит от сильного непрерывного дуновения ветров в эти инструменты».

...Сквозь даль четырех столетий перед нашими глазами встают бескрайние леса Северной Сибири. Редкие, убогие были здесь поселения, бедные, забытые люди. Когда им становилось совсем уж невмочь в одиночку сражаться с суровой природой, они собирали что есть самого ценного в доме и уходили вниз по Оби и Енисею к океану.

Вот пройдены сотни верст, пережиты лишения и опасности. Измученный человек выходит на берег холодной реки — и над верхушками сосен вдруг навстречу ему несется стонущий вой, заглушенный расстоянием. Путник падает. Дальше идти нельзя. Дрожащими руками он раскладывает на земле дары: их заберут хмурые, словно немые, потомственные хранители святыни, которые ходят в странных красных одеждах...

А теперь вернемся в наш здравомыслящий век и попробуем разобраться: что же представляло собой это золотое пугало, которое тем и было страшно, тем и обезоруживало природный здравый смысл людей, что его никто никогда не видел.

Вспомните безобидную лакированную матрешку, внутри которой помещается другая поменьше, а в той еще и еще... И те, кто теперь точит и раскрашивает матрешек, и, конечно, те, кто уверенными ручонками добирается до самой маленькой, самой потаенной куколки, не знают, что некогда ее свирепая бабушка обирала бедных и темных людей, что она олицетворяла самую великую тайну природы — тайну продолжения * рода.

Только так можно понять слова Герберштейна о старухе, ее сыне и внуке.

До наших дней вопрос о том, как организм воспроизводит сам

Л. ЛИВШИЦ, Л. ТЕПЛОВ

Рисунки П. Павлинова

делало в Европе немало шуму. С этого времени на картах, изображающих Русь, у берегов Ледовитого океана стали рисовать благообразную женщину — даже женщину с детьми, потому что скоро об этой статуе появились дополнительные известия...

Барон Сигизмунд Герберштейн, австрийский дипломат, дважды побывав в самой столице Русской земли Москве и написал о ней обстоятельное сочинение.

— Правда ли, что в земле, называемой Вятка и Пермь, у вас стоит Золотая старуха? — допытывался у московитов Герберштейн.

— Наши люди к Уралу ходили и про ту Золотую старуху узнавали, — отвечали ему. — Теперь она стоит за Уралом, в земле Обдорской.

— Видел ли ее кто-нибудь из ваших?

— Нет, видеть ее невозможно.

В 1549 году вышла из печати книга Герберштейна «Записки о московитских делах».

себя, остается невыясненным до конца. Тем более не могли правильно объяснить это люди, жившие в сибирских лесах сотни лет назад. Они полагали, что в теле каждой женщины скрываются маленькие дети, а в девочках, которые сами еще не родились, — еще меньшие дети, и так без конца. Такая, с позволения сказать, гипотеза носит в науке название «преформизма» — она возникала в разное время у разных народов. Несмотря на трогательное единство мысли создателей ложной теории преформизма, ни один народ на свете, кроме нашего, до матрешки не додумался. Неисчислимо количество разных чудищ было выдумано и древними египтянами, и индийцами, и народами Африки. С птичьими головами, многорукие; то уродливо-отталкивающие, то прекрасные боги и богини населяют сейчас музеи, а вот такого яркого символа чередования поколений среди них нет.

Золотая баба впервые прямо упоминается в русской летописи, датированной 1398 годом. Значит, шестьсот лет назад она уже существовала. Неясные указания на нее находятся и в самом начале нашего летописания. Не исключено, что именно богатые золотом аримасы, о которых говорил древнегреческий историк Геродот две с половиной тысячи лет назад, были ее первыми создателями.

Геродот говорит, что аримасы сами не добывали золота, а получали его от каких-то «грифов». Первая Золотая баба не могла быть особенно большой. Накапливая золото, аримасы, как это предусмотрительно делали и другие народы, могли обращать весь запас в священные предметы, например в статуи богов. Когда запас увеличивался, отливали новые статуи. Но вполне мог возникнуть и такой прием: из нового металла делать оболочку для старой святыни, тем самым увеличивая ее размеры. С этим приемом пришла и преформистская символика мат-

решки — быть символом плодородия, богатства и удачи.

Но довольно домыслов: у нас есть факты хоть и недавнего происхождения, но все же немаловажные. Лет сто тому назад этнографы, начав систематическое изучение Приуралья и Зауралья, обнаружили следы Золотой бабы — Му-Кылчин. Это были, конечно, не ограды в заповедных лесах и не склады приношений — следы остались в памяти людей.

Когда-то, очень давно, как говорили старики, сокровищница находилась действительно у Вятки и Перми, где-то в верховьях реки Камы, — в земле, которая тогда звалась Биармией. Но от Новгорода и от Москвы сюда шли русские поселенцы. Тогда хранители перенесли Золотую бабу за Урал, спрятали ее в пещере, что в истоках реки Сосьвы у горы Денежкн камень. Потом через болота Конты и Юконды ее вынесли на Обь. Этнограф Хр. Лопарев записал воспоминания о том, что баба стояла у Белых гор, где Обь сливается с Иртышом.

Другой этнограф, К. Носилов, совершил длинное путешествие по следам бабы. В верховьях Конды он нашел дряхлого старика манси, который был не только при-

частен к некоторым тайнам Золотой бабы, но даже хранил у себя серебряную отливку с нее. Отливка была маленькая, возможно — с самой древней, внутренней части составной статуи. После того как однажды некий молодой манси по имени Сенька украл ее, продал попу и старики едва выкупили ее обратно за десяток лучших соборелей, хранитель Серебряной бабы носил ее всегда за спиной и никому не показывал. Где она теперь — неизвестно.

Если бы местный священник не поддавался соблазну спекуляции и отправил отливку «богопротивного идола», как полагалось, по начальству, мы, может быть, имели сейчас представление хотя бы о части бабы.

— Где же сама Золотая баба? — допытывался Носилов у старика.

— Здесь, на Конде, ее нет давно, — неохотно отвечал тот. — Унесли к Казыму, а может быть, в Таз (Тазовскую губу).

Несколько позже этнограф С. Кузнецов обнаружил сравнительно свежую легенду о том, что Му-Кылчин и все ее семейство стали невидимыми. Попросту говоря, бабу спрятали. Где, когда — неизвестно. Последние хранители сумели до конца сохранить тайну ревущего золотого идола.

Но если немного ПРОДОЛЖИТЬ на карте путь, который прошла Золотая баба аримасов, убегая от новой жизни, неумолимо наступающей на ее дикие владения, то линия упрется в место, которое, кажется, самой природой приготовлено для сокрытия кладов. Это мрачные, безжизненные горы Путорана на Таймьре за нынешним индустриальным Норильском. Там до сих пор есть места, где не ступала нога человека.

И. может быть, там, в пещере, которую уже никто из живых людей не помнит, вместе со своими трубами на истлевших мехах лежит гигантская драгоценная матрешка — безмолвный свидетель тысячелетней истории нашей земли. игрушка мрака, который ушел навсегда.

ФОТОКОНКУРС
ВОКРУГ СВЕТА

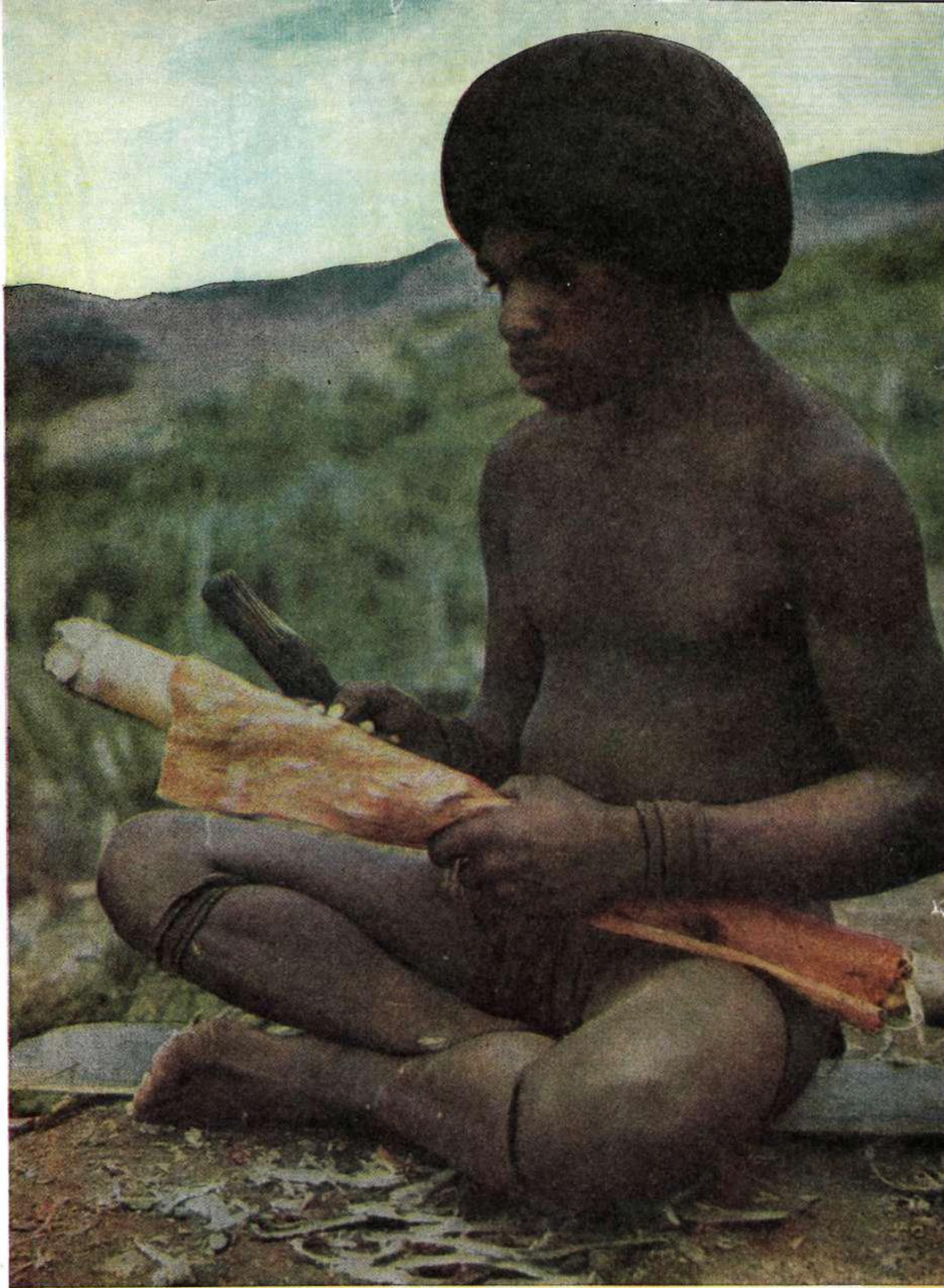
ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Присылайте нам свои лучшие фотографии и сюжетные фотоочерки, сделанные в туристском походе или экспедиции, на отдыхе или на прогулке, а также в поездке за рубежом.

В этом году за лучшие снимки установлено восемь премий — восемь бесплатных подписок на журнал «Вокруг света» на 1961 год.

Просьба присылать отпечатки на глянцевой бумаге размером 9х12, 13х18, 18х24 см. Указывайте полностью имя, отчество и фамилию, а также адрес. Фотографии, присланные на конкурс, не возвращаются.

ВОКРУГ СВЕТА

12 1964
ДЕКАБРЬ

А была ли баба золотая?

Рисунки А. ЗЕФИРОВА

Л. ЛАШУК

Любопытна и неодинакова судьба древних легенд: одни из них подтверждаются научными данными, другие, напротив, опровергаются и становятся только достоянием мифологии. Но некоторые легенды, неоднократно и, казалось бы, убедительно опровергнутые, живут по сей день.

Сотни лет разыскивали исследователи «Золотую бабу» — легендарного идола урало-сибирских народов. Над ее загадкой ломали голову многие¹.

Мне довелось немало ездить в северных местах по роду своей профессии этнографа, изучать материальную культуру, обычаи, прежние верования хантов, манси, коми, ненцев. И, конечно, меня не мог не волновать вопрос: а существовала ли на самом деле Золотая баба или это лишь чей-то домысел, ставший легендой? Пришлось зарыться в старинные книги, и вот к каким выводам привели меня поиски.

Легенда о Золотой бабе, по всей видимости, родилась на Руси в XIV—XV веках — в ту пору, когда крепнущее Московское государство стало активно расширять свои

Глава из книги «Легенды и были истории Севера», над которой автор — этнограф, исследователь Крайнего Севера Евразии — работает в настоящее время. См. «Вокруг света» № 1 за 1960 год, статья Л. Лившиц и Л. Теплова «Золотая баба аримаспов».

владения на северо-восток. Московские служилые люди закрепили тогда за Русью земли по рекам Вычегде, Печоре, Каме; переправились через Урал, проникли в бассейн великой Оби и наложили на тамошнее разноязычное население «государеву» дань.

Вслед за военными и торговыми людьми в эти земли потянулись и православные попы, усердно насаждавшие христианство среди местных «идолопоклонников». Впервые о Золотой бабе упоминает Софийская летопись под 1398 годом, рассказывая о деятельности одного из православных миссионеров — Стефана Пермского.

Нет основания подозревать летописца в том, что Золотую бабу он придумал. Видимо, на Руси уже ходили смутные рассказы об этом идоле «человецех незнаемых в восточной стороне». Но в то же время писатель конца XIV века Епифаний Премудрый, подробно и со знанием дела описавший дохристианские верования коми-пермичей, ни словом при этом не обмолвился о таком «чуде», как Золотая баба. По его словам, пермские идолы были деревянными, приношения же им делались различными предметами, главным образом пушиной (но иногда и вещами из драгоценных металлов).

Очень важно, что в дальнейшем ни один русский документ, за исключением послания митрополита Симона 1501 года, повторившего сообщение Софийской летописи, не содержит прямых свидетельств о Золотой бабе. А ведь, казалось бы, кому, как не русским, повествовать об этой диковинной фигуре. Вместе с тем рассказ о ней приобрел со временем большую известность в западноевропейской литературе XVI—XVII веков; редкий автор, говоря о Московии, не упоминает о «женщине из золота».

Начало было положено в 1517 году польским писателем М. Меховским, который, со слов русских военнопленных в Кракове, поведал Европе, что «за землею, называемой Вяткой, находится большой идол Злата баба... золотая женщина или старуха, окрестные народы чтят ее и поклоняются ей».

В 1516—1518 годах в России побывал С. Герберштейн — дипломат, автор известной книги «Записки о Московских делах». В ней он, в частности, ссылаясь на какую-то русскую рукопись, сообщил новые сведения о Золотой бабе... Оказывается, это божество находилось не

за Вяткой, а «при устье Оби, в области Обдоре, на более дальнем берегу».

По словам Герберштейна, «этот идол Золотая старуха есть статуя в виде некоей старухи, которая держит в утробе сына, и будто там уже опять виден ребенок, про которого говорят, что он ей внук. Кроме того, будто бы она там поставила некие инструменты, которые издают постоянный звук наподобие труб».

Вот с этого-то, собственно, все и началось! Авторитет великого хитреца Герберштейна был настолько высок, а вера европейцев во всякие чудеса в России настолько прочной, что почти никто на Западе не усомнился в достоверности описания Золотой бабы. И она проделала поистине триумфальное шествие по книгам многих иностранных авторов.

Но обратимся к куда более скромному сообщению Сибирской (Кунгурской) летописи, относящемуся к периоду походов Ермака в бассейн среднего течения реки Оби.

Наибольшей точностью и достоверностью в этом повествовании отличается рассказ о походе в 1582 году Богдана Брязги «с товарищами» вниз по Иртышу до Оби. Исследователи полагают, что первоначальная запись об этом походе была сделана кем-то из его участников.

Для нашей темы важен тот отрывок, где говорится о появлении отряда Брязги в Белогорье — важнейшем религиозном центре хантов на левом берегу Оби. Вот он полностью: «ту бо у них молбище большее богини древней, нага с сыном на стуле сидящая, приемлюще дары от своих, и дающе ей статки во всяком промысле; а иже кто по обету не даст, мучит и томит; а кто принесет жалеючи к ней, тот пред нею пад умрет, имея бо жрание (молбения с жертвоприношениями) и съезд великий. Егда же вниде им слухи приезд Богдана, велела спрятаться и всем бежати, и многое собрание кумирское спряташа и до сего дни».

Далее белогорское божество упоминается дважды. После гибели Ермака один из его панцирей ханты «отдаша в приклад белогорскому шайтану». А когда ханты осадили городок, построенный русскими при устье Иртыша, то принесли с собой «большого белогорского болвана», надеясь на его помощь. Казаки выстрелили из пушки, «и кумира их с древом на многие части раздробили».

Как видно, Белогорский идол-женщина «помогал» среднеобским хантам во всех случаях жизни; поэтому ему полагались богатые приношения, в том числе и панцирь грозного Ермака. Это божество тщательно оберегали, а когда появились казаки Брызги, то «многое собрание кумирское» — видимо, само изображение и все, что было принесено ему в жертву, — оказалось спрятанным.

Описание «богынни древней с сыном» чрезвычайно напоминает то, что иностранцы со слов русских людей, бывавших в Сибири, сообщали о Золотой бабе. Однако русский летописец ни словом не обмолвился, что белогорское божество — золотое.

В конце XVI века появилось сочинение «О государстве Российском», написанное английским послом при московском дворе Д. Флетчером. В нем имеются сведения и о Сибири, тем более ценные, что составлены они из рассказов очевидцев. И Флетчер начисто отвергал версию о Золотой бабе как «пустую басню».

Возражения были серьезными: «Только в области Обдорской, со стороны моря, близ устья большой реки Оби, есть скала, которая от природы (впрочем, отчасти с помощью воображения) имеет вид женщины в лохмотьях, с ребенком; на руках». Далее он сообщает, что на этом месте обыкновенно собираются обдорские ненцы по причине его удобства для рыбной ловли и действительно иногда (по своему обычаю) колдуют и гадают о хорошем или дурном успехе своих путешествий, рыбной ловле, охоте и т. п.»

Сведения, сообщаемые Флетчером, во многом совпадают с более поздними и совершенно достоверными фактами, собранными в 1771 году в районе Обдорска замечательным русским путешественником и ученым В. Ф. Зуевым. По его словам, главнейшее для

идолослужения место у обских хантов и ненцев имеется подле Воксарских юрт, 70 верст ниже Обдорска... «Там имеются два болвана, один в мужском, другой в женском платье одеты. Оба по остояцкому (хантскому) манеру с особенным великолепием убраны разными материями и шубами украшены; платье окладено разными медными и железными из блях фигурами, всяких животных изображающими, на голове же имеют по серебряному венцу».

За сто лет до того, в 1675 году, по Сибири проехал Н. Спафарий — глава русского посольства в Китае. Для него сибирская администрация специально собирала различные сведения о местных народах. И вот что Спафарий писал впоследствии: «А около Березова есть капища идольские остояцкие, и про них пишут земнописатели, что тут есть идол Золотые Бабы, однакож де золотых не сказывают, а что серебряных, деревянных крашенных множество и медных льют же».

Итак, большинство наиболее добросовестных исследователей утверждает, что идолы северных народов не были золотыми.

Что же все-таки послужило основанием для так прочно удержавшейся легенды?

Интересно, что священное место хантов, указанное Спафарием, географически совпадает с теми Кылысянскими юртами, где находилась Калташ — важнейшее женское божество хантов и манси.

Но, может быть, это и есть настоящее имя Золотой бабы? Как бы ее ни расписывали различные авторы, все они сходились в одном — данное божество было великой матерью, наставницей и покровительницей приобских охотников и рыболовов.

А ведь такое божество ханты и манси и называли по имени Калташ, Калташ эква (женщина Калташ), Калташ сянъ (мать Калташ). Она представлялась как «мать земли» и прародительница многих родов хантов и манси. От ее воли будто бы зависели рождение, вся жизнь и смерть любого человека.

Этнограф К. Д. Носилов — один из защитников существования Золотой бабы, — путешествовавший в начале XX века записал рассказ старика манси о серебряной фигурке мансийского божества.

Так вот, по его словам, «серебряная баба помогает сильно бабам; и промыслам тоже помогает; кто ей жертвует, тот лучше всех промысляет». Это описание целиком совпадает с тем, что рассказывали о Калташ.

Простодушные ханты и манси полагали, что Калташ давала детям душу в утробе матери, а при рождении каждому ребенку вписывала насечками на особой деревянной палочке — фетише его последующий жизненный путь.

Калташ имела сына, известного под разными именами: Мир сусне хум (за народом смотрящий человек), Эква пириш (сынок матери), Ун-урт (большой богатырь).

Как же ханты и манси представляли свою Калташ? По К. Д. Носилу, кондинский старик рисовал ее золотой или серебряной женщиной, но по другим записям, скажем В. Н. Чернецова, «старики говорят, что она всего три личины (заяц, гусь и береза) имеет». Вот вам и Золотая баба! В одной из песен-заклинаний, обращенных к Калташ, она характеризуется как «летний заяц, нежная женщина; осенний заяц, нежная женщина...» Головку зайца обские угры вырезали на рукоятках женских весел, на концах крюков, поддерживавших крышу, на бытовых предметах.

Часто Калташ представляли и в образе гусыни, сидящей в гнезде: «В хорошем образе золотого (!) гуся садится», «В счастливым гнезде из тонкого шелка сидит, в богатом гнезде из тонкого сукна сидит».

Калташ могла быть и березой, точнее, деревянным — обязательно березовым — изображением. Как тут не вспомнить свидетельства Кунгурской летописи о том, что при осаде казачьего городка при устье Иртыша «остяки в утрии ж принесомо с собою болшого белогорского болвана, и поставица под древо березу, и молясь и жряху!»

Не случайно березовый идол разлетелся на куски, будучи пораженным из малой казацкой пушки.

Но почему ее все-таки называли «Золотой бабой»? Объяснение может быть двояким. Хотя в стране хантов и манси золота не добывали, но некоторые золотые и серебряные изделия они получали от южных соседей скифо-сарматов, в свою очередь, связанных со Средней Азией и Ираном. Не удивительно, что обско-угорское название золота «сарни» — иранского происхождения.

Археологи обнаруживают предметы из драгоценных металлов обычно на древних жертвенных местах, где некогда стояли идолы.

Украшением многих наших музеев являются золотые и серебряные кув-

шины, блюда, тарелки, нередко с изображениями реальных и диковинных зверей, доставленные с древних капищ хантов и манси. Все эти вещи изготовлены не в Западной Сибири, а в Средней Азии, Иране, на Кавказе и имеют солидный возраст — от нескольких сот до полутора-двух тысяч лет.

Судя по археологическим находкам, дорогие вещи из серебра и золота в качестве жертвоприношений накапливались подле особо чтимых бо-

жеств, сделанных из дерева или сшитых из шкур и тканей в виде кукол. Со временем драгоценные сосуды сами становились предметом почитания как атрибуты богов.

Вот именно этот-то, говоря словами Кунгурской летописи, «приклад» и породил, видимо, легенду о Золотой бабе.

С другой стороны, в обско-угорской мифологии постоянно фигурирует золото как признак необычайности, знатности, счастья и удачи. Калташ

сидела «золотым гусем» в гнезде, богатырские доспехи Мир сусне хума были «золотыми»; выражение «у меня вырастет золотой рог» в былинном эпосе иртышских хантов означало: «я буду счастлив».

Вот и все, что можно сказать о Золотой бабе. С некоторой грустью расстаюсь я со своей «героиней». Поиск привел к крушению мифа. Что же, истина дороже заблуждений, в какие бы блестящие одежды они ни были облачены.

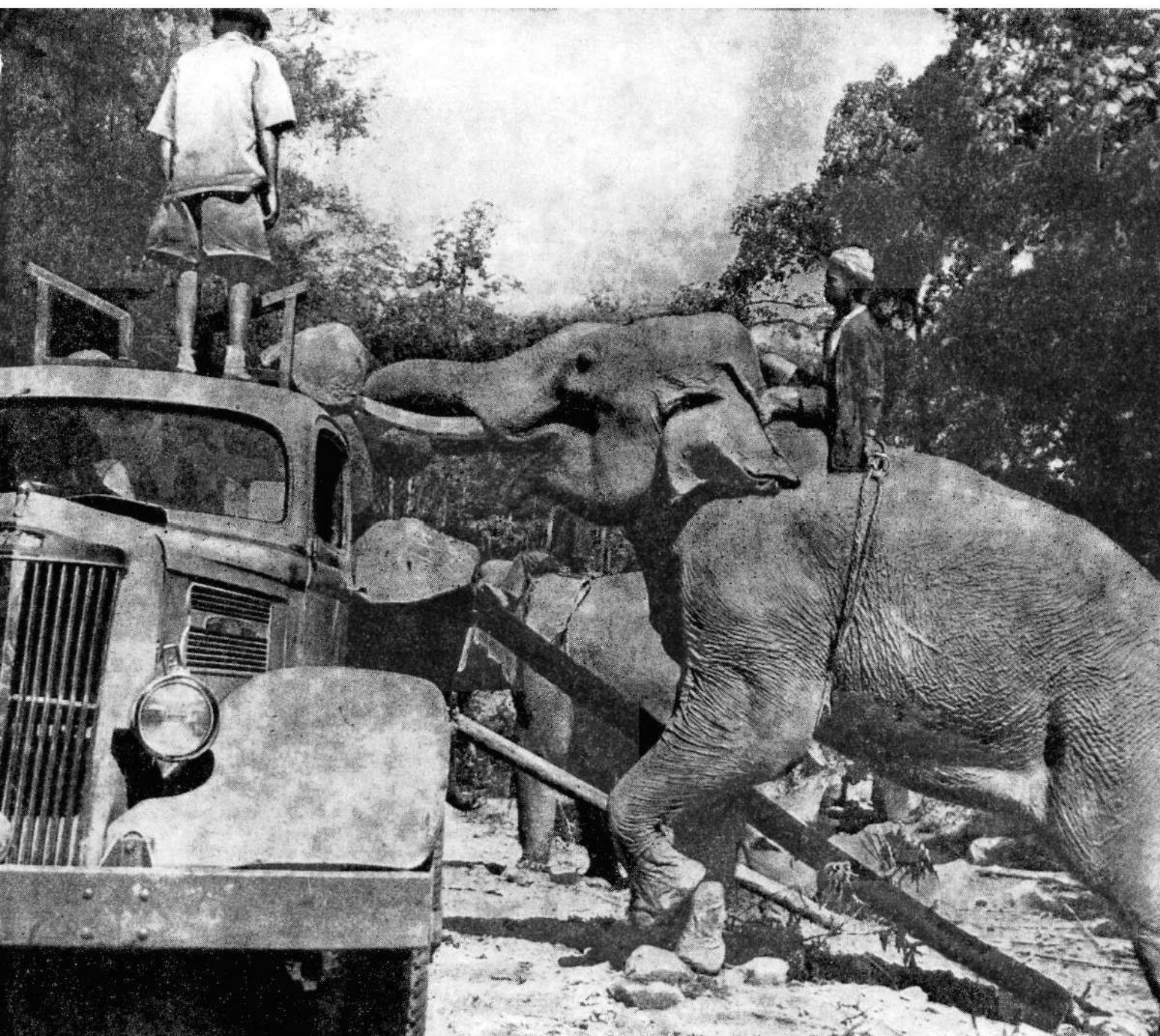
СЛОНЫ

НА ЛЕСОЗАГОТОВКАХ

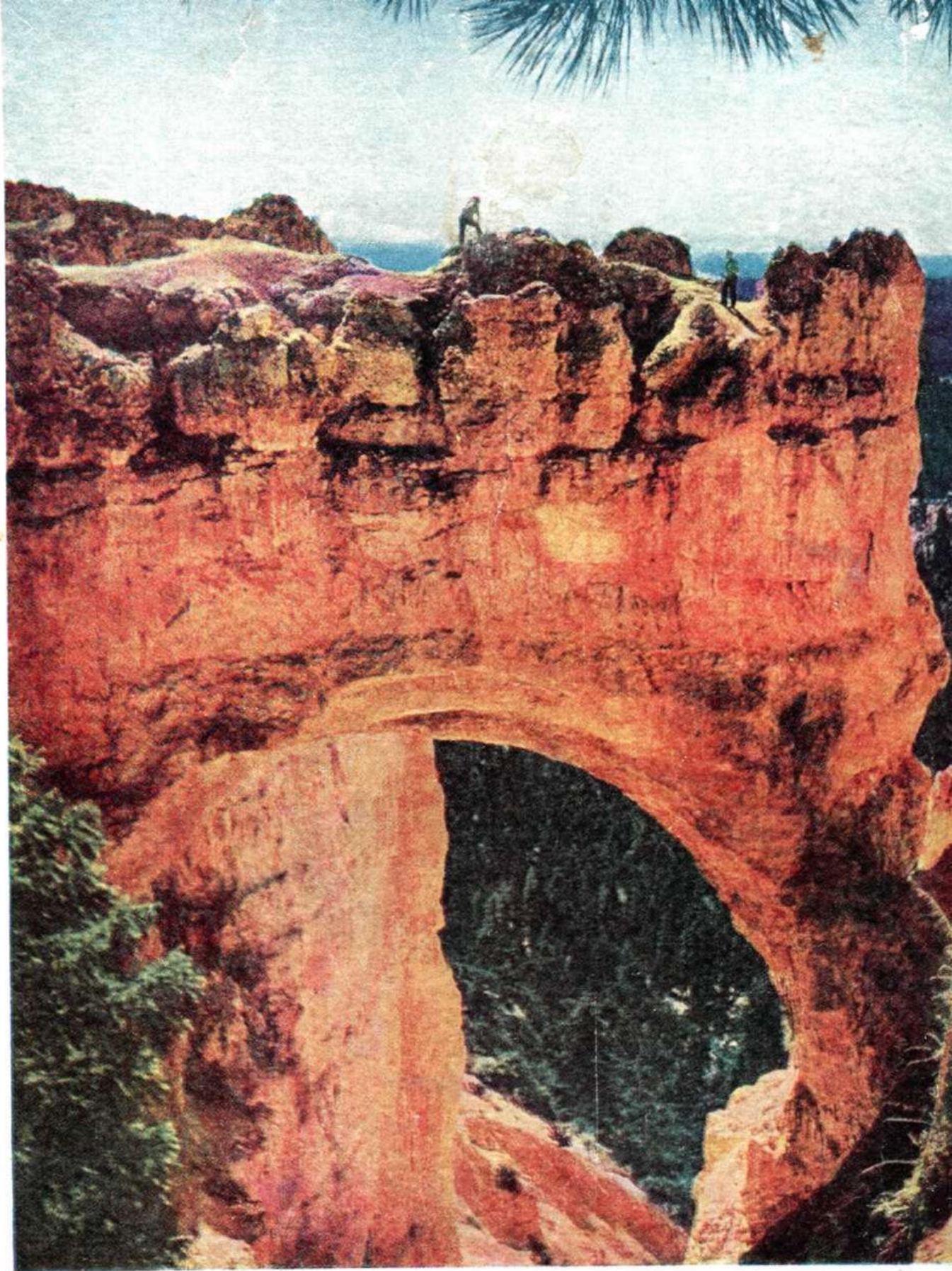
В джунглях северной части Таиланда растет туковое дерево, незаменимый материал для судов и вагонов, тропической мебели и облицовки самых лучших фотоаппаратов.

Но в джунглях нет туковых рощ — одно дерево отстоит от другого на десятки километров. Нет и дорог. Поэтому единственным гужевым транспортом здесь являются слоны. Только они могут вытащить огромные деревья из непроходимой чащобы на дорогу. Они же заменяют подъемные краны — грузят стволы на машины. Эта работа настолько утомительна, что после трех дней работы слонам дается два дня отдыха.

Слон, работающий на заготовках тукового дерева, должен знать не менее двадцати пяти рабочих движений и не только хорошо понимать своего погонщика — «магаута», но работать самостоятельно и в группе с другими слонами.

ВОКРУГ **СВЕТА**

6 1960
ИЮНЬ

«О, если бы все труды, заботы, издержки и бесконечное множество людей, истребляемых и уничтожаемых свирепством войны, были обращены на пользу мирного научного мореплавания! Не только были бы уже открыты донныне неизвестные области обитаемого мира... но могли бы быть, кажется, обнаружены неустанным усердием людей тайны самого дна морского».

М. В. Ломоносов

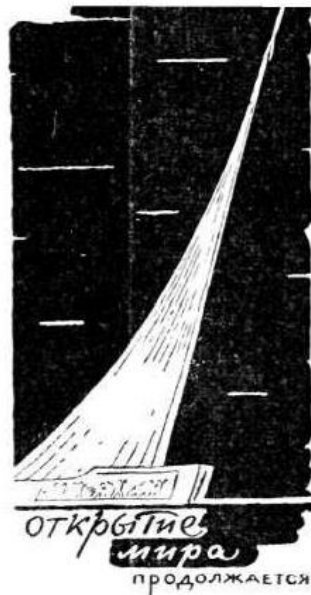
Огромное ледниковое плато. Медленно движется по нему цепочка снегоходов. Машины осторожно обходят нагромождения острых, как противотанковые надолбы, застругов. Иногда один из тягачей оседает, провалившись гусеницей в занесенную снегом трещину, и тогда остальные машины помогают ему выбраться из ловушки.

Нелегко приходится геофизическому отряду, путь которого лежит через неисследованные области Антарктиды. Сыпучий мелкозернистый снег останавливает маши-

диции. Давно уже стали привычными для нас названия советской обсерватории Мирный, американской — Литл-Америка, австралийской — Моусон. Интернациональное население шестого континента насчитывает около пятисот человек.

Да, Антарктида была избрана главным плацдармом обширных научных исследований, которые

А. ПОДОЛЬСКИЙ,
В. СИЛКИН

Год в 914 дней

ны. Теперь воздушная разведка должна доложить как обойти препятствие? Но самолеты, совершившие посадку, уже не могут подняться в воздух. Лыжи не скользят. Начальник отряда находит выход.

— Полить снег горючим, поджечь! — слышится команда.

После снежного пожара образуется дорожка, покрытая ледяной коркой. Самолеты взлетают. И отряд, пользуясь подсказкой воздушных разведчиков, трогается в путь. Все дальше и дальше, в глубь материка, в снежную пустыню, по которой никогда не ступала нога человека.

«На краю нашей планеты лежит, как спящая принцесса, земля, закованная в голубое. Зловещая и прекрасная, она лежит в своей морозной дремоте, в складках снежной мантии, светясь аметистами и изумрудами льдов... Такова Антарктида, материк, который по площади почти равен Южной Америке и внутренние области которого нам известны фактически меньше, чем освещенная поверхность Луны».

Так всего лишь тринадцать лет тому назад писал один из известных исследователей Южного полюса американец Ричард Берд. А сегодня мы уже не удивляемся регулярным сообщениям Московского радио: «В Мирном была зарегистрирована температура...»

Из Арктики в Антарктику переместился центр полярных исследований. 12 стран снарядили на шестой континент научные экспе-

велись по программе Международного геофизического года. Перед наукой стоит еще немало загадок, решение которых поможет глубже узнать нашу планету, проникнуть в самые сокровенные тайны природы.

Какова точная форма земного шара? Сколько льда на планете? В чем кроется причина магнитных бурь? Какие процессы проис-

ходят в недрах Земли? Чем обусловлено земное тяготение?

Этими и многими другими подобными вопросами занимается геофизика, наука о Земле.

Еще в конце прошлого века ученые многих стран пришли к выводу, что только объединенные геофизические исследования могут серьезно пополнить запас наших знаний о Земле. В то время, ко-

1960

ВОКРУГ ЗЕМЛИ И СВЕТА

№ 6
ИЮНЬ

Журнал основан в 1861 году

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

В этом номере:

ОТКРЫТИЕ МИРА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

УЧЕНЫЕ 65 СТРАН ИССЛЕДУЮТ ЛИЦО ПЛАНЕТЫ И КОСМИЧЕСКИЕ ПРОСТОРЫ.

КО ДНЮ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

**ПУТЕШЕСТВИЕ С ЭКИПАЖЕМ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА.
МРАК И СОЛНЦЕ В ДЖУНГЛЯХ МАПУЭРЫ-**

СВИДЕТЕЛЬСТВА НИКОЛАСА ГЭППИ.

ДИНОЗАВРЫ ШИВЫ?!

100 МЕЛЕЙ И ПЕРЕКАТОВ МИССУРИ.

РЕПОРТАЖИ ИЗ ТУРЦИИ, ЧИЛИ, ЯПОНИИ.

ОХОТНИЧЬИ БАСНИ

И. АКИМУШКИН

Рис. Н. Гришина

В первом номере нашего журнала за 1958 год была опубликована статья И. Акимускина «Змей-Горыныч» из Лох-Несса». С тех пор в редакцию пришло много писем, в которых читатели просят рассказать о дальнейшей судьбе этого странного существа, обитающего, по слухам, в небольшом шотландском озере. Однако тайна лох-несского «змея» — это лишь часть большой загадки. Подобные сообщения о странных водяных чудовищах поступают и из других стран. Ими заинтересовались многие ученые. В седьмом номере «Вокруг света» за 1959 год была помещена статья немецкого исследователя К. Петцольда, который, как он пишет, лицом к лицу встретился в лесах Африки с «мабо-мабо-абба» — гигантской рептилией неизвестного вида. За рубежом большой популярностью пользуются книги бельгийского зоолога доктора Б. Эйвельманса, английского натуралиста Фрэнка Лейна и американца Вилли Лея, посвященные загадочным существам животного мира. Книга Б. Эйвельманса в сокращенном переводе выйдет в этом году в издательстве «Детский мир».

Выполняя многочисленные просьбы наших читателей, мы публикуем статью кандидата биологических наук И. Акимускина, в которой приводятся некоторые новые данные о лох-несском «чуде», а также рассказывается об африканских «драконах» — двойниках лох-несского «змея».

НЕССИ НЕ ОДИНОК!

Вопрос о лох-несском чудовище до настоящего времени остается открытым. Не раз делались попытки установить «личность» загадочного Несси, как называют легендарного обитателя Лох-Несса местные жители. Говорят, что даже зна-

менитый покоритель океанских глубин Вильям Биб собирался якобы опуститься на дно Лох-Несса в своей батисфере. Но идея эта так и не была осуществлена: вода в озере слишком мутная, и на расстоянии всего нескольких метров уже ничего не видно. Поэтому английские ученые, пытающиеся сейчас установить причины столь упорных слухов о чудовищном обитателе Лох-Несса, отказались от услуг аквалангистов. Решено «ощупать» озеро с помощью эхолота.

Между тем мнение специалистов все больше склоняется к признанию существования Несси. Крупный английский зоолог доктор М. Бартон в своей статье, опубликованной в феврале этого года, на основании анализа свидетельских показаний высказывает предположение, что, возможно, под именем Несси «скрывается» гигантская беспанцирная черепаха, по образу жизни близкая к доисторическим плезиозаврам.

Шотландские власти уже поспешили объявить Несси *persona grata*, и отныне никто не смеет ни убивать, ни причинять ему вреда. Есть надежда, что в самое ближайшее время наконец-то будет разрешена эта одна из самых «шумных» тайн природы или... человеческой фантазии.

Но тайна Несси — лишь частица большого и интересного вопроса о возможном существовании на земле допотопных чудовищ. С разных концов земного шара — из Австралии, Новой Гвинеи, Якутии, Африки — приходят сообщения о таинственных ящероподобных созданиях, скрывающихся якобы в глубине уединенных озер и в лесных дебрях.

В Австралии это «буньип» — водяное чудовище очень неопределенного облика, в Новой Гвинее — фан-

тастический «рау» — помесь стегозавра с бронтозавром.

Недавно в адрес Якутского филиала Академии наук СССР пришло письмо от начальника геологической партии Восточно-Сибирского филиала АН СССР Виктора Александровича Твердохлебова. В нем рассказывается о том, что автор письма и техник Башкатов увидели плывшее по середине озера Ворота в Оймяконском районе большое животное. На фоне воды был отчетливо виден узкий гребень. На голове выделя-

лись два симметричных пятна овальной формы. Очевидно, это были глаза. Расстояние между ними составляло не менее двух метров...

Характерно, что эта встреча произошла неподалеку от другого озера — Лабынкыр. В нем, как рассказывают жители ближайшего к озеру поселка Томпор, обитает чудовищное животное, которое якуты называют чертом.

Якутское чудовище, вероятно, относится к семейству дельфиновых, разъясняет заместитель председателя президиума Якутского филиала АН СССР Н. В. Черский. Вместе с тем не исключена возможность, что таинственный якутский зверь

является потомком древних чудовищ, населявших землю 60—70 миллионов лет назад.

Гораздо богаче событиями истории другого водяного дракона по имени «лау», «шипекве», «либата», «мокле-мбембе» или «аилали». Много имен у этого дракона. Легенды о нем распространены на огромной территории. Чтобы познакомиться с ними, мы должны из холодной Якутии отправиться в Африку.

ПОЖИРАТЕЛИ ГИППОПОТАМОВ

Когда в 1907 году известный немецкий путешественник Ганс Шомбургк прибыл на озеро Бангвеоло в Северной Родезии, его поразило, что в этом огромном водоеме с болотистыми, заросшими камышом берегами не водятся бегемоты. «Ведь это идеальное место для их обитания», — подумал он.

Шомбургк поделился своими соображениями с местным проводником, и тот объяснил, что в озере водится хищное животное, которое истребило всех гиппопотамов. Через 25 лет, во время своего восьмого

путешествия в Африку, Шомбургк убедился в том, что рассказы об убийце бегемотов все еще живут на берегах Бангвеоло.

А когда Ганс Шомбургк прибыл на озеро Дилоло (в восточной Анголе), то и здесь он услышал рассказы о пожирателе гиппопотамов по имени «шипекве».

Возвратившись в Германию, Шомбургк рассказал обо всем Карлу Гагенбеку, на средства которого была организована его экспедиция. Но это сообщение оказалось не первым: о подобном загадочном чудовище — «полуслоне-полудраcone» — Гагенбек уже слышал и от других путешественников.

Карл Гагенбек решил, что это был один из переживших свою эпоху динозавров. А так как он всегда старался оправдать славу лучшего поставщика редких зверей, то немедленно организовал большую экспедицию к Бангвеоло с особым заданием — поймать живого динозавра! Но экспедиции не удалось попасть на озеро.

В 1913 году германское правительство направило в свои западноафриканские колонии картографическую и геологическую экспедицию под руководством капитана фон Штейна. Штейн обратил внимание на рассказы жителей Камеруна о фантастическом чудовище «мокле-мбембе», которое держало в страхе население значительной части страны. Причем люди, жившие в разных районах, давали довольно сходные описания этого существа.

«Животное серо-коричневого цвета, с гладкой кожей, ростом оно со слона или по крайней мере с гиппопотама. Очень длинная и гибкая шея и всего лишь один зуб, но очень длинный. Некоторые говорят, что это не зуб, а рог. Хвост длинный и мускулистый, как у крокоди-

ла. К чудовищу опасно приближаться на лодках: оно опрокидывает челноки и убивает людей.

«Мокеле-мбембе» живет в подводных пещерах под обрывистыми берегами. Днем оно вылезает на берег в поисках растительной пищи. Мне показали любимое его «блюдо» — лиану с большими белыми цветами, молочным соком и плодами, похожими на яблоки.

На реке Ссомбо я видел тропу, по которой якобы это животное выходит на берег за пищей», — сообщал Штейн.

А вот еще одно сообщение о таком же чудовище, но из страны, лежащей далеко от Камеруна.

В начале нашего века на крайнем западе Северной Родезии, на реке Замбези, существовало небольшое туземное королевство Бароцеленд. Его верховный правитель Леваника часто слышал рассказы об огромной, ростом больше слона, водяной рептилии, которая живет в болотах поблизости от его деревни. И он отдал приказ: всякий, кто увидит это чудовище, должен тотчас предупредить короля, чтобы тот мог посмотреть на дикий зверя.

И вот однажды три взволнованных человека рассказали ему, что видели гигантское чудовище, которое отдыхало на краю болота. На их глазах оно поднялось на ноги и, скользя по обрыву, спустилось в воду. У чудовища длинная шея, маленькая змеиная голова и лапы, как у гигантской ящерицы.

Леваника поспешил на болото.

Там он увидел истоптанный тростник. Похоже было, что на нем лежало какое-то грузное и огромное тело. Широкая тропа вела к берегу. И там, где она спускалась в болото, мутная вода еще стекала из ям-следов, оставленных чудовищем.

Леваника был настолько поражен, что немедленно послал донесение начальнику английской полиции в Бароцеленде полковнику Гардингу, в котором сообщал о «звере с головой змеи, ростом с вагон, следы которого достигают четырех с половиной футов в ширину».

ОХОТНИКИ НА ДИНОЗАВРОВ

Сообщения о допотопных чудовищах продолжали поступать и из других мест. В озере Виктория английские офицеры заметили длинношеее, как жирафа, существо. Негры сказали, что это было «лау». Известный исследователь Африки Грант видел подобное животное у истоков Нила, а Драммонд-Гей — в озере Ньяса. Сержант Стифенс встретил «морского змея» в болотах верхнего Нила.

История африканских драконов достигла своего апогея в 1919 году, когда в газетах появились сообщения о том, что животное, похожее на динозавра, напало на инженера, работавшего на строительстве железной дороги в Бельгийском Конго. Затем оно разрушило несколько деревьев и убило сотрудников амери-

канского Смитсоновского института. Прошел слух, будто этот институт объявил премию в 5 миллионов долларов тому, кто поймает динозавра живым или мертвым.

В Африку направились отряды охотников на динозавров. Одновременно спешно готовились и научные экспедиции для поисков допотопного реликта давно минувшей эпохи. Все это сопровождалось большой газетной шумихой. Официальный представитель Смитсоновского института был вынужден выступить в печати с опровержением всех этих слухов. Его письмо было опубликовано в «Тайме» 23 февраля 1920 года.

После такого скандала у газетных репортеров надолго отпало желание охотиться на динозавров.

Но вот в 1932 году две научные экспедиции — швейцарская и американская, пробираясь сквозь дебри западной Африки, вновь встретились с гигантской рептилией, «по сравнению с которой крокодил — младенец».

Руководителем американской экспедиции в Камеруне был тогда Иван Сэндерсон, ныне известный зоолог и писатель. Он сообщил, что на берегу Кроос-Ривер их экспедиция обнаружила отпечатки, похожие на следы бегемотов, но гораздо больших размеров.

Однажды Иван Сэндерсон и Джеральд Рассел проплывали на лодках мимо полустопленных пещер, расположенных в обрывистых берегах реки. Неожиданно раздался страшный грохот. Что-то очень массивное плюхнулось в воду из одной пещеры. Сэндерсон и Рассел успели только заметить его очертания на поверхности воды. «Оно» было гораздо крупнее гиппопотама, подняло в реке большие волны и с бульканьем ушло под воду.

О подобном же чудовище сделал сообщение зоолог швейцарской экспедиции доктор Монар.

По его описаниям, животное принадлежало к пресмыкающимся, оно больше и опаснее крокодила и гиппопотама.

В одной глухой деревушке на берегу реки Чиумбе, где, по слухам, «либата» (так местные жители называли этого гиганта) появляется особенно часто, швейцарские зоологи сделали несколько попыток выследить это существо. В качестве приманки они использовали даже отравленного стрихнином поросенка. Но тщетно. «Либата», привыкший питаться гиппопотамами, не польстился, видимо, на такую мелочь, как поросенок, и охотники вернулись ни с чем.

Посмотрите на крутой берег реки. Он почти всегда размыт течением. С удивительной ясностью вырисовывается его строение — чередование пластов, их толщина, протяженность и т. п. Такой природный геологический «макет» позволяет как бы заглянуть в глубь земли. Вот почему геологи всегда очень внимательно обследуют ущелья, овраги, карьеры, шурфы — те места, где породы, слагающие земную кору, выходят наружу.

...Вооружившись компасом и геологическим молотком, изыскатель выходит в поле. Нужно обследовать великолепное геологическое обнажение — глубокий, вырытый для стройки котлован. Почва песчаная, черная глина — слой за слоем внимательно осматривает изыскатель. Вот он заметил светлый, довольно широкий пласт. Известняк! Прекрасный материал для строительства!

Прежде всего геолог измеряет толщину пласта известняка: интересно хотя бы приблизительно прикинуть, велико ли открытое месторождение. Мощность пласта обычно определяется расстоянием между «кровлей» и «подшовой» — верхней и нижней границами пласта.

Затем геолог изучает пласты, лежащие над известняком. Геолога интересует их мощность, из каких пород они состоят, как располагаются грунтовые воды. Изыскатель определяет характерные особенности каждого слоя — цвет, строение, название породы, разные включения и окаменелости.

Когда геологу более или менее становится ясен характер обнажения, он достает блокнот, карандаш, фотоаппарат и, словно художник, начинает создавать его «портрет».

На рисунке геолог должен рассказать о взаимоотношении пород, условиях их залегания. Такой «портрет» необходим для дальнейшей работы, осо-

бенно если он сопровождается описанием данного обнажения. Далее геолог отбирает хорошие, неразрушенные образцы пород и составляет к ним подробный адрес: где и когда взят образец, номер пласта и т. п.

Теперь остается только отметить место, где найдены пласты, на топографической карте или, если ее нет, сделать глазомерный набросок местности.

Но бывает — и нередко, — что обнажение не открывает сразу выхода, скажем, каменного угля, который прячется поблизости, скрытый осыпью или слоем наносов. Тогда работа геолога усложняется — он просматривает обнажение в нескольких местах по всей его протяженности.

ГОВОРЯЩИЕ ПЛАСТЫ

Довольно часто при изучении геологических обнажений внимание изыскателей привлекает своеобразная окраска некоторых пород. Причина такой природной декорации очень проста: полезные ископаемые, разрушаясь при выветривании, окрашивают в свои цвета окружающие породы.

Так, железные руды можно разыскать по красно-бурой и ярко-желтой окраске пород. Если же в земных пластах обнаруживаются синие и зеленые потеки и примазки, можно с уверенностью сказать, что где-то поблизости залегают медные руды. На возможное присутствие кобальта указывают персиково-красные цвета пород, марганца — черные, свинца — желтые.

Однако при поиске полезных ископаемых по «окраске» все же следует соблюдать известную осторожность. Ведь некоторые минералы имеют одинаковый цвет.

Геологическое обнажение — это открытая книга Земли. Но читать ее может лишь тот, кто понимает язык природы.

Отдел ведет С. ГЛУШНЕВ

Доктор Монар писал в 1932 году: «Существование больших ящеров — потомков мезозойских рептилий — не может считаться теоретически невозможным. Хотя весь континент изъезжен сейчас вдоль и поперек, однако большинство путешественников следовали, по одним и тем же маршрутам, и поэтому в Африке до сих пор еще остались неисследованные области».

МОГЛИ ЛИ ДИНОЗАВРЫ ДОЖИТЬ ДО НАШИХ ДНЕЙ?

Как видите, имеется немало сообщений о живых потомках динозавров, некоторые экспедиции пытались даже выследить их. А тот факт, что такие попытки оказались тщетными, доказывает лишь, что эти доисторические чудовища представляют собой большую редкость и что живут они в совершенно недоступных районах, например в огромных болотах.

Африка располагает наилучшими условиями для выживания древних животных. Ведь климат ее не менялся существенно с давних пор. Это единственный континент, большая часть которого не затоплялась

морем по крайней мере уже 500 миллионов лет. Геологические изменения рельефа, которые 50 миллионов лет назад потрясли другие материки, фактически не коснулись африканского континента. Благополучно избежала Африка и оледенения, погубившего сто тысяч лет назад всю теплолюбивую фауну Европы, Сибири и Северной Америки.

Представители давно вымершего животного мира могли сохраниться в Африке лучше, чем где-либо в других местах. Надежной защитой им служили непроходимые леса, болота, пустынные скалы и устойчивый в течение тысячелетий климат.

Здесь, как в естественном палеонтологическом музее, живут многие очень древние животные. Лесное животное окапи, обнаруженное в начале нашего века в лесах восточного Конго, принадлежит к очень древней семье первобытных жирафов, обитавших некогда по всей Африке, Азии и даже в Европе. Все они вымерли десятки миллионов лет назад. И лишь окапи дожил до наших дней под защитой неприступных «фортов» девственного леса.

В глуши тропического леса Цен-

тральной Африки живет и одна из древнейших антилоп — бонго, полосатая, как зебра.

В начале нашего столетия в лесах Кении была открыта гигантская лесная свинья — древнее животное, совмещающее в себе признаки диких кабанов Европы и африканских свиней-бородавочников.

Можно назвать и других представителей раннетретичной фауны, и поныне здравствующих в Африке: ящер-панголин, водяная землеройка, златокрот, похожие на тушканчиков прыгунчики, оленьки, трубкозубы, копытные «кролики» — даманы, которых Кювье назвал «носорогами в миниатюре».

Не могли ли и отдельные мезозойские динозавры и морские ящеры дожить до наших дней? Многие в этом сомневаются.

Ведь до сих пор не было поймано ни одно из этих животных, и не найдены их ископаемые остатки. По дождем новых исследований и, может быть, новых интересных открытий.

1 Раннетретичный период — эпоха бурного развития первобытных млекопитающих животных, последовавшая за периодом вымирания мезозойских ящеров.

ВОКРУГ СВЕТА

2 1961
ФЕВРАЛЬ

**А. ЕФРЕМОВ,
Е. ФЕДОРОВСКИЙ**

Там, где 60-й меридиан встречается с железной дорогой Котлас — Воркута, а также с извилистой рекой Косью, на перекрестке искусственных и естественных дорог стоит город Инта, самый северный город меридиана, первый город на нашем пути.

И вот мы идем по улицам Инты. Идем, то и дело толкая друг друга локтями: «Гляди, какой красивый домик! И какой чистенький! А это здание! Правда, в нем есть что-то от древнерусских теремов?.. Строго и в то же время нарядно. А как тебе нравятся эти оконные наличники? А эти балкончики с резными колоннами? А этот сквер?..»

Да, мы были во власти той удивительно приветливой, ласковой улыбки, которой нас встретила Инта.

Город был очень красив. Красота его — северная, спокойная, строгая, уверенная. Красивы дома, ни разу не повторяющие друг друга, хотя почти все они окрашены в теплые кремевые тона, хотя все они по-северному крепко сбиты. Но у каждого дома в отделке, в деталях архитектурного облика есть что-то свое, и это свое придает домам уютный, «домашний» вид. Красивы улицы, на которых мы увидели нечто совершенно неожиданное для этих краев — цепочки молодых саженцев тополя. Красива, наконец, и вся панорама города с силуэтом водонапорной башни, увенчанной шпилем. Этот шпиль ради чистой красоты был сделан бригадой слесарей в свободное от работы время.

Кстати, все улицы строились так, чтобы дома противодействовали господствующим северным ветрам, чтобы бураны не закрывали окон и дверей.

Отчего же так красив этот город, построенный, казалось бы, наспех?

Его начали строить трудной осенью 1941 года. Стране был срочно нужен уголь. Людей, которые просились на фронт, направили сюда, чтобы в кратчайший срок на месте гиблых болот выросли шахты. Шахтам требовался бетон, кирпич, электроэнергия. Ничего этого не было. Землю, схваченную сорокаградусными морозами, долбили ломом. Ломы грели на кострах. На тех же кострах обжигали кирпич-сырец. У костров пытались согреться люди. Но вымоченная потом одежда не успевала просыхать. И снова ее превращал в броню ледяной ветер. Люди, строившие Инту, очень спешили.

Через сплошное болото они вели железнодорожное полотно. Болото жадно глотало бревна, из которых настилалась гать. Целые вагоны леса уходили в ненасытную пасть. И все-таки рельсы получили опору. Первый эшелон с интинским углем ушел в Ленинград, только что выдержавший мучительную и героическую блокаду.

Строители Инты очень спешили. Но они не хотели и не могли строить наспех. Так двадцать лет назад рождался этот город.

Как не вспомнить Маяковского:

Землю
    где воздух,
бросишь   как сладкий морс,
    и мчишь, колеся, —
но землю,
    с которой
    вместе мерз,
вовек
    разлюбить нельзя.

Каждый дом, каждый кирпич Инты согрет любовью ее строителей, ее жителей.

«Каждый кирпич» в данном случае выражение не фигуральное. У кирпичей, из которых склады-

Город Инта вырос на месте тундрового болота.
Фото А. ЕФРЕМОВА и Е. ФЕДОРОВСКОГО

1961 ВОКРУГ СВЕТА

№ 2 ФЕВРАЛЬ

Журнал основан в 1861 году

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

ЭКСПЕДИЦИИ ЖУРНАЛА
„ВОКРУГ СВЕТА“:

Шахтерский город
у Полярного круга;

Зеленое богатство Закарпатья.

РОКУЭЛЛ КЕНТ НАЧИНАЕТ
РАССКАЗ О ГРЕНЛАНДИИ.

ТЕЛЕКАМЕРЫ В ПЕЩЕРЕ;
ЗАПИСКИ СПЕЛЕОЛОГА
НОРБЕРТА КАСТЕРЕ.

К ЖЕРЛУ ДЕЙСТВУЮЩЕГО
ВУЛКАНА.

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИ И РАССКАЗ
И. ЗАБЕЛИНА.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО -
УЧАСТНИК ПЕРВОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ НА АРАЛ.

О ЗАГАДКЕ ДАЛЕКОГО
ЯКУТСКОГО ПЛАТО.

ПО ИТАЛИИ
С ФОТОАППАРАТОМ
И МОЛЬБЕРТОМ.

НИАГАРА И БИЗНЕС.

СНЕЖНЫЕ ЛАВИНЫ
ПОД МИНОМЕТНЫМ ОГНЕМ.

ИСКАТЕЛЬНИЦЫ ЖЕМЧУГА
С ОСТРОВА ТАТОКУ.

Имя Виктора Александровича Твердохлебова знакомо читателям «Вокруг света». О нем упоминалось в июньском номере журнала прошлого года, в очерке «Охотничьи басни?». В этом очерке было, в частности, рассказано о таинственном животном, которое В. Твердохлебов видел в одном из озер на Сордоннохском плато (Якутия).

Загадочное чудовище не единственная тайна далекого и малоизученного района, где В. Твердохлебов побывал во главе геологической партии. В этом номере редакция публикует в сокращенном виде его дневник, который поможет будущим исследователям продолжить изучение этого района нашей Родины.

В. ТВЕРДОХЛЕБОЕ

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

Край, жаждущий исследователей

Дневник геолога

1 июня 1953 года. Наш путь лежит к истокам реки Индигирки, к вершинам хребта Сунтар-Хаята, за которым начинаются реки бассейна Охотского моря — Ульбея и Охота.

В поселке Томтор мы получили девять не очень сытых, но здоровых якутских лошадок и, что самое главное, нашли проводника — могучего старика Варфоломея Владимировича Винокурова, водившего в свое время караваны Царегородского и Билибина, известных советских исследователей Сибири.

Нас девять человек, почти все — молодые ребята. Виктор Шатров, крепкий, плечистый паренек с Урала, приехал на Север после демобилизации из Советской Армии, Борис Башкатов — из Ростова. Оба новички и на Севере и в тайге.

Остальные — народ бывалый. В полдень 30 мая мы вышли из Томтора, на четыре месяца покинув населенные места.

«От Томтора на юг по широкой долине Куйдусуна идет старинная тропа на Охотск», — писал С. В. Обручев. По этой тропе зимой 1786 года прошел на оленях капитан Гав-

рила Сарычев, состоявший при морской экспедиции Биллингса. В августе он вернулся из Охотска на лошадях и отправился к Верхне-Колымску. Его именем названа теперь горная цепь, протянувшаяся между Индигиркой и ее притоком Нерой.

После Сарычева много людей ходило по этой тропе: купцы, казаки, красноармейские отряды, старатели с Аллах-Юня, охотники якутских колхозов и пастухи-звенки, перегоняющие олени стада с Охотского побережья.

Этой тропой в тридцатых годах прошли многие экспедиции Главсевморпути и Академии наук СССР. Тропа изучена достаточно подробно. Она широкая и утоптанная, местами можно ехать на телеге. Но местность по обе стороны ее оставалась «белым пятном». Лишь в сороковые годы эта территория была заснята. С тех пор прошло тринадцать лет. Насколько я знаю, за это время никто, кроме местных жителей, не посещал ее.

Теперь по тропе идет наша партия. Сделав около 70 километров вверх по долине Куйдусуна, мы

свернем влево и через перевал выйдем на обширное озерно-болотное Сордоннохское плато, лежащее между цепями гор. Часть его мы исходим вдоль и поперек. На плато, на берегу большого озера Лабынкыр, нас ждут завхоз, двое рабочих. Там склады с продовольствием и снаряжением, заблаговременно заброшенные по зимнему пути. Это наша база.

Об озере Лабынкыр сложено много легенд. Вечерами у костра старик проводник рассказывает нам, что в озере живет «черт». Он настолько велик, что расстояние между глаз у него, по словам Варфоломея, «шире, чем рыбачий плот из десяти бревен». Об этом «черте» я слышал не раз и раньше. В Усть-Нере мне рассказывали, что «черт» как-то проглотил собаку. Из воды появилась огромная пасть — и собака, поплывшая за подстреленной уткой, мгновенно исчезла. Один из жителей Томтора рассказал, что однажды нашел на берегу Лабынкыра кость, похожую на челюсть «черта»: если ее поставить вертикально, то под ней, словно под аркой, можно, дескать, проехать на лошади. Он сказал, что эта кость осталась у рыбацкой хижины на берегу озера.

Слышал я легенды о гибели каравана, провалившегося под лед озера Лабынкыр. Говорили, будто бы люди заметили торчащий из-под льда какой-то таинственный «рог», столпились около него и захотели его достать, но лед внезапно рухнул, и много людей и олень погибло.

Я знал, что якуты называют «чертом» все непонятные, необычные явления природы.

3 июня. С утра мы начали подъем на перевал. Вместо веселой, широкой долины Куйдусуна перед нами мрачные, пустынные, покрытые корявым лесом, кустарником и мхом склоны Тинне-Юрье. После обеда перешли перевал и начали спуск на Сордоннохское плато.

4 июня. Первый переход по плато. По этой местности, как писал С. В. Обручев, 30–40 тысяч лет назад прошел ледник. Ледниковые отложения — морены — образовали невысокие, до 50 метров, валы с сухой песчаной поверхностью, поросшей чистым лиственным лесом. Между валами расположены болотистые низины или озера. Днища озер выстланы мелкой, хорошо ока-

танной галькой. Берега мшистые, топкие и поросли густой щетиной осоки. Озера еще покрыты льдом. Лишь вдоль берегов оттаяла неширокая кромка. Сюда, к прогретой солнцем воде, пришли метать икру окуни. Их так много, что осока в некоторых местах шевелится.

Оказалось, здесь полным-полно щук. Среди них попадались такие громадные, что в их пасти свободно умещалась моя ладонь.

Поразило меня разнообразие пород уток, гнездящихся на здешних озерах. Многих из них я раньше не видел.

5 июня. Сегодня рано утром мы пришли на берег Лабынкыра, на базу. Нас ждали уютные палатки с нарами и настилами на полу, со столиками для работы и печками. После бани все собрались за праздничным столом. Глядя на его убранство, можно поверить, что мы действительно находимся в огромной природной кладовой. Я распорядился не делать никаких запасов: отстреливать дичи и ловить рыбы столько, сколько нам нужно для питания, не больше.

7 июня. Отдых. Возле озера растет только мох, поэтому каюр увел лошадей в другие места. Озеро Лабынкыр — четырехугольник, 15 километров в длину и 3 километра в ширину. Это затопленный участок долины древней реки. Огромная, высотой в 60 метров, природная плотина запрудила реку. Сейчас через эту плотину уже просочилась небольшая речушка Лабынкыр.

Несомненно, морена, перегородившая древнюю реку Лабынкыр, была одной из последних в жизни ледника. Всюду, насколько хватает глаз, видны оставленные ледником озера.

Развалины рыбацкой хижины, о которой нам говорили в Томторе, я нашел на берегу озера Лабынкыр. Тщательно обшарили хижину и ее окрестности, но никакой «кости» не обнаружили.

8 июня. Пользуясь тем, что озеро покрыто льдом, я решил провести промер глубин.

С утра мы вышли в маршрут. Жарко пекло солнце, но воздух оставался холодным. Первые же лунки показали, что толщина льда достигает одного метра. Глубина озера увеличивалась по мере нашего удаления от берега: 15 метров... 30... 50! У нас не хватило шну-

ра, и мы собрали все, что могли: ремни от винтовок, пояски от одежды. Почти 60 метров отделяло нас от дна озера!

На его середине — два маленьких острова. Здесь царство чаек. Потребованные нашим вторжением, они взвились целыми стаями, тревожно и пронзительно крича.

Солнце уже начало садиться, когда мы тронулись в обратный путь. За день жаркое солнце и вода изъели лед, и он стал жухлым. Было немного страшновато думать, что под рыхлым льдом глубина в несколько десятков метров. И потом эти легенды... Чем «черт» не шутит?

20 июня. Начались маршруты, а с ними и первые приключения.

Однажды я и Виктор Шатров забрались по узкой расщелине на маленькую площадку над обрывом и с удовольствием подставили искусанные комарами лица прохладному ветерку. Недалеко от нас было большое гнездо, в котором лежали яйца. Виктор направился было к нему. Я не успел его предупредить. Сверху послышался тревожный крик, и большой коршун, делавший круги над нами, сложил крылья и с огромной высоты понесся на нас. Когда он выровнял полет, я отчетливо увидел у своих глаз острые изогнутые когти. Птица и не думала прекращать нападение. К ней присоединилась другая — наверное, самка. Одна за другой птицы входили в стремительное пики. Они могли поранить нас или даже сбить со скалы. Мы легли на спины. Виктор, отличный стрелок, вскинул малокалиберку. От выстрела переднюю птицу бросило в сторону, полетели перья. Но я вновь увидел у своих глаз широко раздвинутые острые когти. Птицы по очереди пикировали, мы по очереди стреляли. Наконец у нас кончились патроны, но и птицы, видимо, раненные, жалобно крича, стали описывать широкие круги в небе. Мы спустились вниз.

Кстати, о наших «стрелках». Виктор, как истый горожанин, палит из малокалиберки направо и налево, лишь бы была живая мишень. Борис, в противоположность ему, не отличается охотничьим азартом. Он очень любит животных. Как-то Виктор, увидев в траве голову куропатки, выстрелил, как обычно, без промаха. Это оказалась тощенькая самочка, сидевшая на яйцах. На синем брюшке у нее не было ни одной пушинки — она все выщипала для утепления гнезда. Борис поднял ее с земли, и на глазах у него выступили слезы. Виктор весь день не поднимал глаз.

23 июня. Здешний угол плато — гористый. Миллионы лет назад его залили потоки лавы. Реки распилили их на сопки распадами и ущельями.

Среди густого кустарника торчат мрачные, черные скалы, иногда с красноватым отливом. Там, где кустарника нет, местность, усеянная обломками базальта, выглядит дико,

мрачно и напоминает о первобытном хаосе.

В опалово-желтых лавах липарита нам попадаются маленькие, со спичечную головку, прозрачные и чистые, как слеза, аметисты. Я готов поклясться, что от них исходит живой, теплый свет. Но через несколько часов аметисты тускнеют, словно покрываются пылью, и теряют всякую привлекательность.

Мы отдыхаем у чистейших миниа-турных озер в каменных чашах. Здесь, словно в аквариуме, плавают хариусы. От солнца прячешься в маленьких гротах и пьешь воду из водопадов. Говорят, что пьющие воду из водопадов проживут до ста лет.

25 июня. В последние дни я увлекся новой идеей: мне захотелось восстановить направление лавовых потоков. День и ночь ползаю по скалам с компасом.

Сегодня одна скала особенно заинтересовала меня — здесь явно на-кладывались друг на друга несколько лавовых потоков, виднелись за-пекшиеся корки лав, шлаковые конусы. Найдя такое сокровище, я уселся на обломок базальта и принялся, не торопясь, всматриваться в каменные узоры скалы. И вдруг... я вскопчил, точно от удара бича. Что-то случилось... Но все было тихо кругом: далеко внизу голубел Лабанкыр, и шел дымок от кухни на нашей стоянке. Мирно курились туманом после недавнего дождя голубоватые сопки.

Что же все-таки произошло? Медленно пришло какое-то смутное воспоминание... За мгновение до страха — глухой и грозный подземный гул! Так вот оно что — маленькое землетрясение! Я подозрительно покосился на окрестные сопки, но они продолжали мирно дремать под туманным небом.

Мои поиски все-таки увенчались успехом. Лавовые потоки привели нас к остаткам древнего вулкана, напоминающего развалины замка. Мы почти до утра лазали по вулкану. Виктор сделал несколько зарисовок.

3 июля. Завершив съемку юго-западного гористого участка, мы вернулись на базу. Теперь нам предстоит снимать обычные для северо-востока Сибири песчано-глинистые толщи. Но здесь они во многих местах закрыты слоем ледниковых отложений.

Несколько дней назад случилось загадочное происшествие. Ребята вели маршрут по самой южной окраине озера Лабанкыр. Засняли устье впадающей в озеро речки и полезли по осыпающемуся склону на правый берег долины. Щебень и песок, слагающие его, сползали вниз, обваливались. Вдруг из песка выкатился человеческий череп и, постукивая, покотился вниз. За ним другой, третий... Целое кладбище черепов! Но почему одних только черепов? Как они оказались в крутом обрыве?

6 июля. Лабанкыр уже очистился ото льда. Большие волны, подгоняемые ветром, обрушиваются на северный берег. Мы сколотили маленький плот и отправились ловить рыбу. С плота хорошо видно налимиков. Они лежат как темные поленья, уткнув носы в песок. Налим ленив. Чтобы вытащить его из воды, мы подвели крючок с наживкой прямо к его носу. Он глотал его, не торопясь.

В первый вечер после возвращения я прилег на чистую постель, положил голову на подушку... И тишина сразу исчезла, наполнилась гулом, скрежетом, звоном. Поднял голову — все тихо. Опустил — снова гул, скрежет и звон. Очевидно, это гудела морена, на которой стояли наши палатки. Под какими-то сводами стукались друг о друга огромные глыбы, словно кто-то неутомимо их перекатывал. Очевидно, морена успела протаять и теперь, как огромный резонатор, усиливала звуки прибой.

20 июля. Второй рейс охватывает центральную часть района, представляющую обширный озерно-болотный край. В центре его озеро Ястребиное.

Последнее время у всех нас сильно расшатались нервы. Маршруты очень тяжелы. Солнце печет нещадно. От жары местность заволакивается густой голубоватой дымкой. У нас появилась одышка, сердцебиение, осунулись и пожелтели лица, ввалились глаза. Ночь не снимает усталости, и мы всё позднее и позднее выходим в маршруты, и все чаще и чаще ночь застает нас в маршрутах. Все жалуются на головную боль.

Я помню, что с такой же ситуацией столкнулся в 1951 году, когда вел съемку Рей-Урхи («Речки мучений»). Там были обширные болота, покрытые высокими кочками. Несколько километров такого пути с трудом переносили самые крепкие лошади, а люди чувствовали себя, как на судне в качку.

Там тоже все было затянато голубоватым туманом, и хотя маршруты были короткими и сопровождалась длительным отдыхом, у нас пожелтели лица, а сердце, казалось, было готово выскочить при малейшем движении. Позднее один знакомый врач сказал мне, что отравлял нас туман. Оказывается, это ядовитые испарения эфирных масел багульника, которым заросла вся местность. Испарения эти сильно действуют на нервную и сердечно-сосудистую систему человека.

24 июля. Сегодня мы вышли во время маршрута на берег озера Ястребиного. На прибрежном иле мы заметили свежую широкую и глубокую борозду, как будто в берег

врезалась лодка. Но на озере не было лодок. Такого следа не могло оставить и дерево, оно застряло бы в иле, да и неоткуда ему было получить такой разбег.

Мы пошли дальше, так и не догадавшись, что же здесь произошло.

26 июля. Поймали в одном из озер рыбку величиной с хариуса, но не похожую на обычных рыб, которые встречаются здесь. Когда ее сварили, то оказалось, что мясо у нее оранжевого цвета, такое же, как у свежей вареной кеты. И что поразительно, вкус мяса также совершенно точно походил на вкус мяса кеты...

28 июля. Теперь наша стоянка на белом сухом мху у озера Ворота. Все разбрелись кто куда. Одни блаженно отсыпаются в спальных мешках, другие ловят щук в осоковых зарослях. Мишка построил плотик и отправился промерять озеро Ворота. Оказалось, глубина его, как и на Лабанкыре, 60 метров. Но оно значительно меньших размеров.

В этом районе плато возвышается горная гряда. Озеро пересекло ее поперек, за что и получило свое название — Ворота. Втиснутое в красновато-серые горы, оно выглядит мрачно, безжизненно. Неподвижная вода в лучах заката кажется тяжелой и блестящей, как расплавленное серебро. Склоны озерной впадины круты и скалисты.

Если в солнечный день смотреть на озеро со склона, то под слоем воды можно увидеть затопленные, затянутые песком речные террасы...

По вечерам, у костра, я мысленно подвожу итоги всему увиденному. Принято считать, что около миллиона лет назад, в конце третичного периода, в этих местах был теплый и влажный климат, пышная теплолюбивая растительность: дуб, бук, ясень, грецкий орех... А местность представляла собой равнину. Потом, по-видимому, древние равнины оказались поднятыми на разную высоту. Резко похолодал климат, и на равнинах, оказавшихся поднятыми выше снеговой границы, начали скапливаться массы льда. Одновременно реки размывали древнее плато, уничтожая его, создавая горный рельеф.

Но встречаются в горных районах земного шара участки, где древнее третичное плато уцелело от размыва. Эти участки представляют большую ценность для науки. Таким было и плато, на котором мы работали. Предполагают, что последний ледник ушел отсюда 30—40 тысяч лет назад, а по некоторым данным даже 3—4 тысячи лет назад. Здесь, наверное, дольше, чем в окружающих районах, пролежал ледниковый покров. Он, словно щитом, прикрыл плато от размыва. Но кое-какие наблюдения над плато заставляли сомневаться в том, что все эти преобразования произошли так давно.

На склонах блюдцеобразных впадин в отложениях ледника мы часто наблюдали черную кайму. Она отмечает собой уровень льда, пролежавшего здесь долгое время. Спрашивается, когда же исчез лед из впадинок, если растущие на их дне деревья лишь немного превышают высоту человеческого роста и имеют возраст не более 20—30 лет? Во впадинах морены лежал «мертвый», то есть не связанный с телом ледника, лед, и исчез он, видимо, не 30—40 и не 3—4 тысячи, а всего лишь несколько десятков лет назад!

Конечно, этих наблюдений мало, чтобы доказать выдвигаемое положение. Ведь я мог принять случайности за закономерность. Но «случайностей» все же достаточно, чтоб высказать сомнение в правильности существующих представлений о возрасте оледенения плато.

Да и с кем, собственно, спорить? Ведь никто еще точно не доказал, что ледник приходил сюда 30—40 тысяч лет назад или 3—4 тысячи лет назад. Ведь эти цифры ученые называют условно, по аналогии с возрастом оледенения в Европе. Известно всем, что в сотне километров отсюда, на вершинах хребта Сунтар-Хаята, и сейчас есть ледники. Некоторые исследователи считают, что это реликты, остатки некогда мощного ледника. Значит, ледник не только оставил свежие следы пребывания на плато, но и сам, в сущности, уцелел.

Я подозреваю, что Сордоннохское плато возникло не сотни тысяч, а сотни лет назад, и не путем медленного воздымания, а в результате катастрофы. Интересно, что долины древних рек, тянущиеся к вершинам Сунтар-Хаята, не только не сужаются кверху, но, наоборот, заметно расширяются. Выходит... Выходит, могло случиться так, что стремительное поднятие отделило верховья этих рек от бассейна Охотского моря, образовав хребет Сунтар-Хаята, и сохранило плато от размыва не меньше, чем броня ледника. Наклон плато изменился, и реки потекли в другом направлении, на север, в сторону Индигирки.

Я отчетливо сознаю, что, выдвигая версию о недавнем и катастрофическом быстром возникновении плато, рискую попасть в смешное положение. Ведь даже второкурсникам

известно, что геологические и геоморфологические процессы нельзя мерить масштабами человеческой жизни или жизни деревьев, что катастрофически быстрое течение процессов перестройки земного ландшафта отрицается современной наукой, что можно привести тысячи примеров из истории развития рельефа во всех странах мира, ставящих под сомнение выдвигаемое мной положение. Но собранный материал требовал ответа. Я поделился сомнениями с ребятами...

Ребята молчали. Потрескивал костер.

— Можно допустить, — шутливо заметил я, видя задумчивые физиономии товарищей, — что на плато продолжается древняя жизнь, замаскированная под современную. Что, если якутские легенды не только плод фантазии? Что, если на плато сохранились древние животные?..

30 июля. Сегодня случилось вот что. Солнечным, приветливым утром я и Борис Башкатов вышли в маршрут по берегу озера Ворота. Предстояло карабкаться по скалам, и мы сняли с себя все лишнее. Около 11 часов утра мы вошли в теснину озера и повели маршрут по середине склона. Скоро он стал настолько крутым, что идти было небезопасно, и мы решили спуститься поближе к воде, полагая, что там пройти легче. Сверху я отчетливо различал под водой отмель — затопленную террасу. Как раз напротив того места, куда мы спускались, на ней смутно белело большое пятно. Но когда я через минуту снова посмотрел вниз, никакого пятна не было. «Наверное, это фокусы солнечного освещения», — подумал я. Но Борис неожиданно закричал:

— Смотрите! Что это там... на середине?

Мы остановились. Метрах в трехстах-четырестах на воде отчетливо белел какой-то предмет, поблескивая в лучах солнца.

— Бочонок, — сказал Борис. — Из жести.

— Может быть, лошадь забрела в озеро, — забеспокоился я.

Действительно, предмет плыл — и довольно быстро. Это было что-то живое, какое-то животное. Оно двигалось по дуге: сначала вдоль озера, потом прямо к нам.

По мере того как оно приближалось, странное оцепенение, от которого холодеет внутри, охватывало меня. Над водой чуть-чуть возвышалась темно-серая овальная туша. Белый цвет куда-то исчез. На темно-сером фоне отчетливо выделялись два симметричных светлых пятна, похожих на глаза животного, а из тела его торчало что-то вроде палки... Может быть, плавник? Или гарпун неудачливого охотника?

Мы видели лишь небольшую часть животного, но под водой угадывалось огромное, массивное тело. Об этом можно было догадаться, видя, как чудовище двигается: тяжелым броском, несколько приподнимаясь из воды, оно бросалось вперед, а затем полностью погружалось в воду. При этом от его головы шли волны, рождавшиеся где-то под водой. «Хлопает пастью, ловит рыбу», — мелькнула догадка.

Животное плыло, несомненно, к нам, и поднятые им волны заплескались у наших ног. Мы посмотрели друг на друга и вдруг, как по команде, полезли на крутой склон. А вдруг «оно» выйдет из воды? Перед нами был хищник, без сомнения, один из сильнейших хищников мира: такая неукротимая, беспощадная, какая-то осмысленная свирепость чувствовалась в каждом его движении, во всем его облике.

В ста метрах от берега животное остановилось. Оно вдруг сильно забилось на воде, поднялись волны, и никак нельзя было понять, что происходит. Прошла, может быть, минута — и животное исчезло, нырнуло. Только тогда я вспомнил о фотоаппарате.

Мы стояли десять, двадцать минут, полчаса — все было тихо кругом. Мы пошли дальше.

Сомнения не было: мы видели «черта» — легендарное чудовище здешних мест. Прав был якут-рыбак. У животного темно-серая кожа и расстояние между глаз дейсти

тельно не меньше плота из 10 бревен. Но только он его видел в Лабныкыре, а мы — в озере Ворота. А ведь эти озера не соединяются между собой, и расстояние между ними — почти 20 километров.

Я вспомнил о светлом пятне под водой. Очевидно, животное охотилось на прибрежной отмели, и мы вспугнули его, когда с шумом спустились по склону.

Сначала я решил, что животное является неизвестным потомком вымерших родов, населявших ранее здешние места, которое сумело приспособиться к новым условиям существования. Но, странное дело, мне казалось знакомым это выражение неукротимой свирепости. Где, когда, при каких обстоятельствах я мог его видеть? И вдруг вспомнил...

Высокие волны разбиваются о плоский галечниковый берег. Мы, несколько человек, стоим на берегу. Только что мы купались, прыгая и плескаясь в волнах. Внезапно кто-то испуганно вскрикнул. Мы оглянулись: метрах в тридцати от нас в воде виднелась большая темно-серая туша. Как мы оказались на берегу, я не знаю, но отчетливо запомнил: на темно-серой туше выделялись два светлых пятна и наверху торчал плавник. Но, самое главное, этот зверь рассматривал нас с угрюмым вниманием, словно выбирая, за кого приняться. Это произошло в 1945 году, на побережье Охотского моря, возле устья реки Охоты.

— Знаю! — заорал я. — Это же «Тэму-оборотень»!

Этим именем на побережье Охотского моря, у орочей, называют касатку-гладнатора, большое, 10 метров длиной, животное из семейства дельфиновых, похожее внешне на кита.

Касатки — одни из самых свирепых хищников морей. Даже акулы боятся этого чудовища. У касатки темно-серая спина и грязно-белое брюхо. Огромная пасть усеяна острыми зубами. На спине помещается острый, как нож, плавник, похожий спереди на палку. Позади маленьких глаз — светлые пятна. Выражение глаз, жесткое и злобное, особенно пугает некоторых суеверных жителей морского побережья. Они называют касатку «Тэму», то есть «Грозный хозяин морей», считают, что Тэму — оборотень и может превращаться в наземных зверей, птиц и даже в неодушевленные предметы. Человека, увидевшего Тэму, по их убеждениям, постигнут страшные несчастья.

Как заметил В. К. Арсеньев, касатка может издавать звуки, похожие на тяжелые вздохи или заглушенное мычание.

Мы смотрели на темную неподвижную воду протоки, соединяющей озеро Ворота с другими озерами. Видимо, эта протока была глубока, и чудовище может пробираться по таким протокам из озера в озеро. Но здесь кончался район наших работ, и у нас не было времени, чтоб

гоняться за чудовищем вдоль цепи озер.

Я вспомнил, что всего лишь позавчера Мишка промерял глубину озера на утлом плотике, и у меня по коже побежали мурашки. Что было бы, если в это время зверь находился в нашем озере? Может быть, появилась бы еще одна легенда — о таинственном исчезновении геолога. Мы бы не смогли ничем ему помочь и даже не смогли бы объяснить, что произошло на озере.

Я пожалел, что в это утро отправил Варфоломея назад, в свой родной колхоз. Может быть, он кое-что нам еще рассказал бы об этом звере.

Мне вдруг припомнилось, как однажды, достав из воды озера Ястребиного изодранную сеть, старик, сокрушенно качая головой, ругал какого-то зверя. Я не обратил на его воркотню внимания, полагая, что сеть порвала большая щука.

Потом я вспомнил его рассказы о каком-то «море» воды, заливающим перевалы, ведущие к спуску на Охотское побережье. Вспомнил рассказы рабочих, живших на весновке, о том, что они видели во льду озера Лабныкыры лунки, а однажды через одну из них под водой — темную массу, которую они приняли за копну сена и которая потом куда-то исчезла. Не являются ли все эти фантастические, как мне казалось, рассказы отражением звеньев единой цепи событий, отнюдь не фантастических?

Но как же касатка (если это только касатка) могла сюда попасть? Ведь до Охотского моря больше трехсот километров, и плато лежит почти на тысячу метров выше уровня моря. Как может жить морское животное в пресной воде озера? Когда попало оно сюда? Одно ли оно тут или целая семья? Как пережили они оледенение? Чем питается это чудовище?

Трудно, почти невозможно, представить, чтобы на протяжении тысячелетий, в условиях сменяющихся ледниковых и межледниковых эпох, в современных климатических условиях здесь могли существовать жители теплого и влажного климата.

Если же мы видели касатку-гладнатора, что более вероятно, то ее существование согласуется со свежими следами отступления ледника и с представлениями о совсем недавнем, катастрофически быстром поднятии плато. Неужели семья касаток оказалась в озере, будучи захваченной здесь какой-то катастрофой, отрезавшей пути отступления к морю? Тоже маловероятно.

Одно несомненно: существование таинственного животного теснейшим образом связано с загадкой происхождения плато.

7 августа. Следующие два дня мы изучали сопки вокруг озера и внимательно следили за его поверхностью. Но все было спокойно вокруг, как и прежде.

Время не ждало. Мы перенесли

стоянку вниз по течению реки, вытекающей из озера Ворота.

Нервы мои все еще не могут прийти в норму после происшествия на озере Ворота. Мне показалось вдруг, что окружающая тишина обманчива, что в причудливых, фантастических очертаниях берегов, в беспокойной ряби озера таится жизнь — древняя, с неизведанными законами, незримая. Показалось, что чьи-то мертвящие, холодные глаза, глаза из чужого мира, смотрят на меня из глубин озера...

19 августа. Мы вышли к реке Туора-Юрях и начали спускаться вниз по долине. По ней проходит восточная граница нашего района работ.

Долина реки Туора-Юрях врезана в тело плато на глубину 60—80 метров. Именно — врезана. Плато обрывается к долине Туора-Юряха уступом. Боковые притоки, короткие и маловодные, но очень крутые, прорезают узкие миниатюрные ущелья в уступе плато и с шумом низвергаются к пойме реки каскадом небольших водопадов.

Последний ледник, прошедший по долине Туора-Юряха, не вмещался в берега долины и заползал, как бы вдавливаясь в боковые притоки, в глубь плато, на расстояние 4—5 километров. Когда он ушел, на плато осталась цепь конечно-моренных валов, вытянутая вдоль долины Туора-Юряха. И за каждым валом, перегородившим древний боковой приток реки, располагалось озеро. В нескольких местах ущелья современных притоков Туора-Юряха уже пересекли валы конечных морен — и озера оказались спущенными.

Такая же участь ожидает и все другие природные плотины этих озер. Процесс их разрушения протекает, так сказать, на глазах.

Наблюдения над долиной Туора-Юряха чрезвычайно интересны и поучительны. Они могли бы составить последнее, завершающее звено наших наблюдений над геоморфологией плато, но, к сожалению, наше основное задание отнимает почти все время.

В долине Туора-Юряха можно увидеть далекое и недавнее прошлое плато, его настоящее, угадать его будущее.

На стенках ущелий видны коренные породы и лежащие на них речные наносы. Это следы древнего прошлого плато, его древний рельеф. На речных наносах лежит слой ледниковых отложений — это уже позднейшая история плато. Современная история плато — ущелья, разрезающие склон долины Туора-Юряха.

Ледник, прошедший здесь, по-видимому, значительно углубил долину. После его ухода боковые притоки немедленно принялись за работу. Они не успокоятся до тех пор, пока, грубо говоря, не сравняют уровень плато с уровнем русла Туора-Юряха. Работы много — вот и энергия у них большая. Но пока что ущелья протянулись в глубь плато

всего лишь на 3—4 километра. Этот факт, между прочим, еще раз свидетельствует о сравнительно недавнем уходе ледника из долины Туора-Юрха и с плато вообще.

А вот будущее Сордоннохского плато. Пройдут сотни, может быть тысячи лет. Ущелья врежутся в тело плато, расщепят моренные валы, спустят озера, разовьются в сеть речных долин и расчленят плато на сопки и распадки, создадут рельеф, подобный рельефу всей горной области северо-востока нашей страны.

В долине Туора-Юрха меня охватывает странное ощущение: здесь доступны конкретные, не отвлеченные от реальных масштабов человеческой жизни, представления о процессах формирования лица Земли. Здесь находится огромная природная лаборатория по изучению геоморфологических процессов, та самая лаборатория, о создании которой мечтают геоморфологи.

22 августа. В долине Туора-Юрха и на склонах сопки растет очень красивый густой лес, пострадавший, к сожалению, во многих местах от пожаров. Лес исключительно богат дичью. Я нигде еще не видел такого обилия глухарей и куропаток.

Мне нравится бывать на берегу Туора-Юрха. Берег зарос тополями и ивняком и выглядит красиво, нарядно. Закончив маршрут, я забираю удочки и ухожу куда-нибудь подальше.

Тихо. Все кругом дремлет. Звенят, поют голубоватые струи воздуха. Хариусы стайкой вошли в омут. Вот один, согнувшись в упругую дугу, ткнулся носом в поплавок. Наживку клевать никто не хочет. Из-за мыска показался утиный выводок. Мама-утка что-то сердито объясняет несмышляшкам. Я сижу неподвижно, и она меня не замечает. Вот она совсем рядом. Мы встречаемся глазами. Мгновенная оторопь. Утка даже слегка расставила крылья — то ли для того, чтобы немедленно затормозить, то ли чтоб прикрыть от меня малышей. Еще миг — и все компания со страшным шумом исчезает за спасительным мыском.

На той стороне реки, километрах в двадцати отсюда, из-под морен бьют горячие сероводородные источники Сытыган-Сылба. Хорошо бы съездить туда, посмотреть на них, покупаться. Никогда не купался в горячих ключах. Но для этого надо организовывать переправу через Туора-Юрх.

Реки быстры, порожисты,
Перевозчики спят...
За рекой ветер высушит
Мой нехитрый наряд.

Я смотрю на быстро катящиеся волны. Перевозчики еще долго будут спать на Туора-Юрхе. Ветер за рекой не сушил наших нехитрых нарядов. От посещения горячих ключей пришлось отказаться. Нам надо было спешить. На воду уже легли первые листья...

26 августа. Вышли на «последнюю прямую» к базе.

В начале сезона наши лошадки были полудикими. Когда им предлагали овес, они равнодушно от него отворачивались. Теперь они осмелели настолько, что на очередной стоянке бросаются к продуктам, разложенным поваром для готовки. Развернувшись в цепь по всем правилам боевого искусства, невзирая на пострадавших, лошади рвутся вперед. Пока повар отбирает у одной мешочек с солью, другая, вся окутанная мучной белой пылью, мчит-ся в кусты, крепко держа в зубах мешочек с мукой. Ночью они засовывают головы в палатки и шарят по углам, гремя кастрюлями, или меланхолично жуют углы палаток, пытаясь добраться до хлебных запасов. Отгонять их бесполезно. Зато, когда они нужны, найти их бывает не так-то просто...

24 сентября. Мы вернулись на озеро Лабынкыр хорошим теплым вечером, а когда проснулись на другой день, все кругом оказалось заваленным липким, мокрым снегом. Пришлось поторопиться с возвращением в Томтор. И вчера, наконец, вышли в обратный путь. Ночью мороз сковал болота, идти легко и приятно.

На каждой высокой морене мы останавливались и долго молча всматривались в расплывающиеся очертания знакомых сопки. Плато как магнит притягивало наши взгляды. Все немного загрустили и притихли. То ли жалко нам было уходящего лета, то ли еще чего-то, только в этот момент мы думали не о возвращении, а об озерном крае, скрывающемся от нас в голубоватой дымке. Там, на плато, на кустах мха и багульника, остались капельки нашего пота. Мы, геологи, знаем, что они иногда прорастают и превращаются в заводы, города и дороги. Конечно, маловероятно, что тишину Сордоннохского плато будут нарушать заводские гудки, но я твердо уверен, как и всякий северянин, что придет время, и люди будут проводить свои отпуска на Севере.

Вот и все. Мы благополучно спустились с перевала, вышли в долину Куйдусуна и вернулись в Томтор.

К сожалению, Варфоломея Винокурова мы в Томторе не застали. Он уехал на дальние пастбища, а нас уже ждала машина.

Вернувшись в Усть-Неру, я написал официальную докладную записку в Магадан, в наше управление, в которой изложил обстоятельства встречи с чудовищем. Ответа не последовало. Затем весь собранный материал был помещен в отчете.

Меня часто расспрашивали о чудовище, и я много и охотно рассказывал о плато. Но часто, слишком часто, в вопросах сослуживцев слышались скрытая или явная насмешка или недоверие. В конце концов это мне надоело, и я перестал рассказывать о тайнах плато.

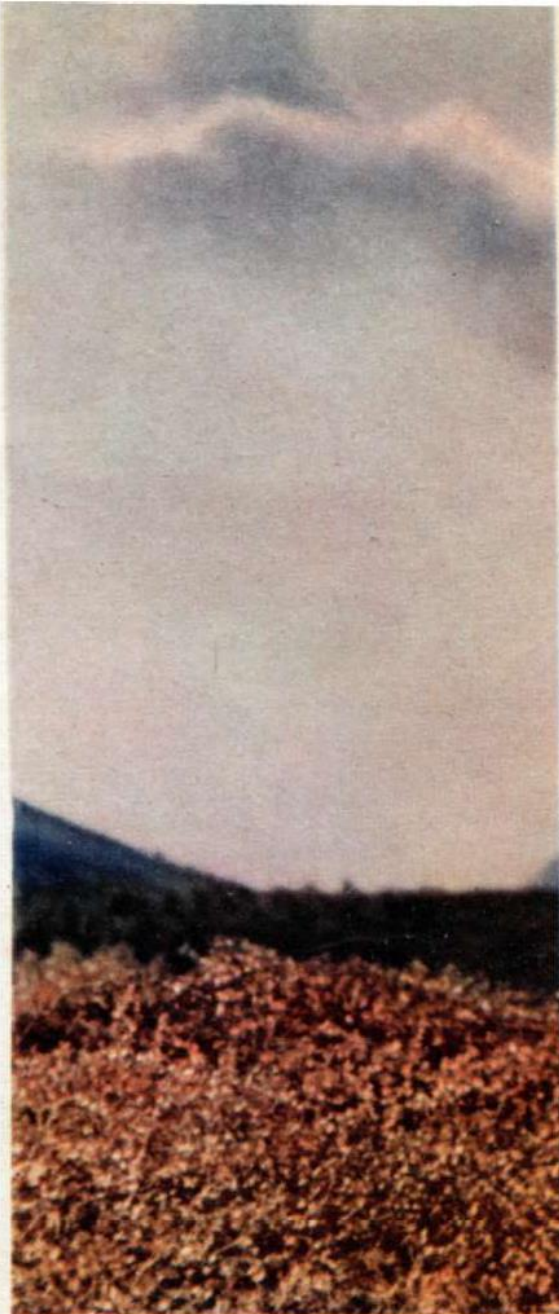
Потом я уехал с Севера и посту-

пил на работу в Восточно-Сибирский геологический институт Академии наук. Однажды известный сибирский ученый Михаил Михайлович Одинцов передал мне просьбу заместителя председателя президиума Якутского филиала Академии наук СССР Николая Васильевича Черского: сообщить подробности о встрече с чудовищем. Я написал письмо в Якутский филиал. Именно это письмо и послужило впоследствии источником газетных заметок о «чуде Лабынкыра».

Гидрогеолог Шишкина, побывавшая на Сордоннохском плато после нас, утверждает, что рассказчики легенд о «черте» могли быть введены в заблуждение либо большими волнами Лабынкыра, либо большими щуками. Но как бы ни была велика волна и как бы ни была зубаста щука, якут, прекрасный знаток своего края, никогда не назовет ее «чертом». Ему понятны и знакомы эти явления, а слово «черт» почти всегда обозначает необычное, из ряда вон выходящее явление природы.

Прошло семь лет с тех пор, как мы побывали на плато. Насколько мне известно, кроме партии Шишкиной, на плато с тех пор не было никаких экспедиций. Оно по-прежнему хранит много тайн. Кто разгадает их?

В. ГИППЕНРЕЙТЕР,
наш специальный
корреспондент

Фото автора

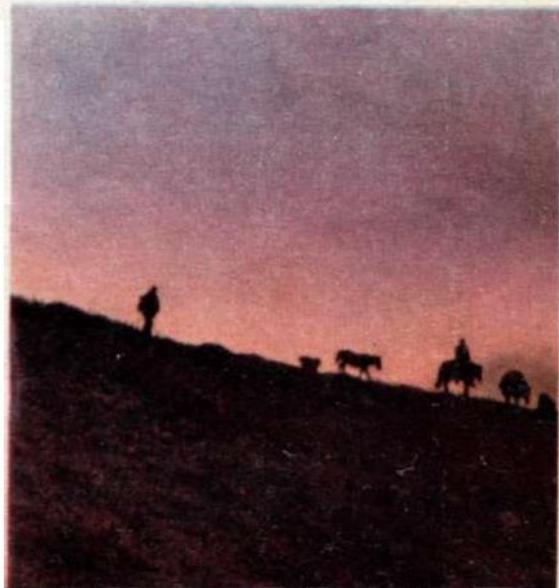
Я приехал на Камчатку вместе с товарищем, альпинистом Володи́й Васи́левым, по заданию редакции журнала «Вокруг света». В планах нашего путешествия с фотоаппаратом обязательным пунктом была съемка вулкана, и, конечно, самого беспокойного.

Вулкано́логи уверяли, что сейчас на Камчатке не увидишь активно действующего вулкана, только Карымский выбрасывает облака пепла, дыма и паров. Такие выбросы они называли «эксплозиями», которые, дескать, особого интереса не представляют. С их «бывалой» колокольни, наверное, это и так, но наш покой кончился: может быть, удастся заглянуть в самый кратер, ощутить дыхание вулкана вблизи, надеялись мы.

В рыбацком поселке Жупаново к нам присоединился третий товарищ, Юхан Киви — участник комплексной эстонской экспедиции, находившейся в это время на Камчатке.

От поселка до вулкана по прямой километров двадцать пять — тридцать. Рядом! Но не стоит обманываться...

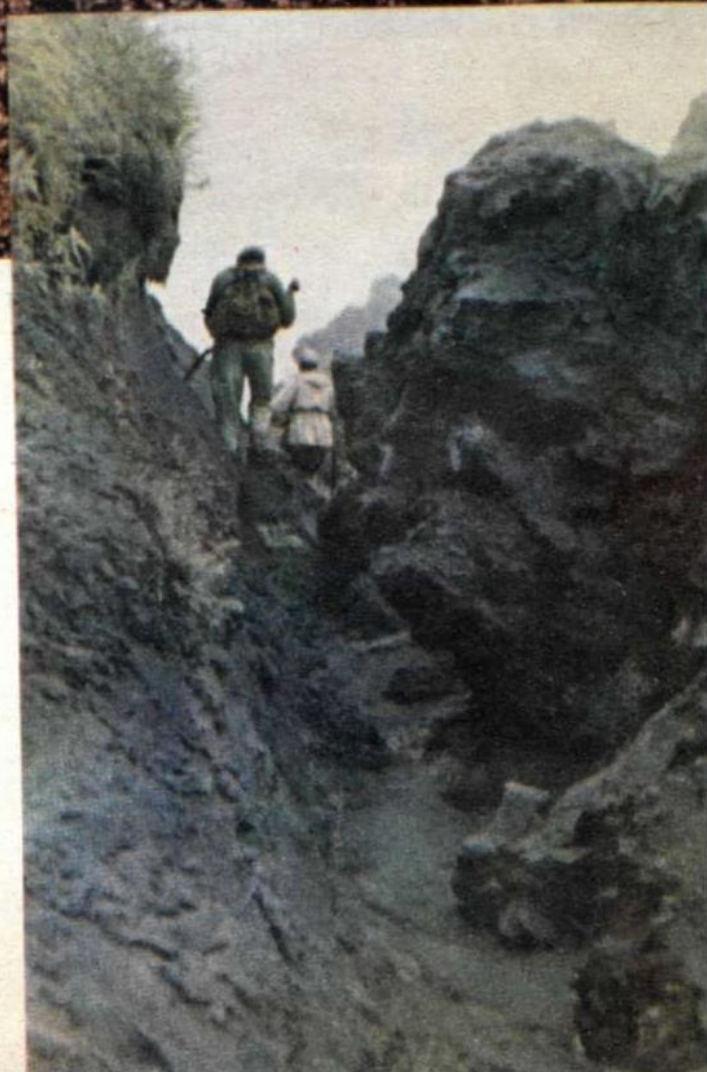
ДЫХАНИЕ

ВУЛКАНА

На Камчатке отнюдь не всегда достаточно уметь ориентироваться по карте и компасу. Путь часто скрыт туманом, и надо очень точно знать охотничьи и звериные тропы, иначе заблудишься в распадках и густых зарослях стелющегося кедра, ольхи, рябины или всего вперемешку. Короче говоря, лучше довериться проводнику. Константин Михайлович, работник Кроноцкого заповедника, стал четвертым членом нашей группы.

Рокот океанского прибоя, крики чаек сопровождают выступление небольшого каравана в поход. Мы покидаем берег океана и сразу попадаем в тишину березового леса. Только ручьи да редкие голоса птиц нарушают безмолвие. Идем по долине реки Новый Семячик.

Утром следующего дня караван поднялся на тундровое плато. Не успели выйти на открытое пространство, как за пологим холмом увидели облако дыма, улетающее по чистому синему небу. Живет Карымский!

Невольно заторопились: так хочется посмотреть на него! Через час мы уже на гребне холма. Теперь можно увидеть дали. Прямо перед нами — разрушенная полулука кратера вулкана Двор, а рядом с ним, южнее, стройный, правильной формы конус Карымского. Уже слышно, как он рокошет, будто вдали проходит поезд-экспресс.

Намечаем самый удобный путь — через кратер вулкана Двор. Одна из стенок его, обращенная как раз к югу, разрушена, так что по дну этого кратера можно подойти прямо к краю большой кальдеры, на дне которой, словно посреди огромного блюдца, возвышается конус Карымского.

1 Кальдера — котловина с крутыми стенками и более или менее ровным дном, возникшая в результате провала вершины вулкана. Кальдею Карымского вулкана образовалась сотни тысяч лет назад.

Существуют вулканы, которые «работают» словно по часам: через равные промежутки времени взрыв, потом передышка. В периоды затишья к ним и можно подобраться. К сожалению, Карымский никакой закономерности не подчиняется: выбросы следуют друг за другом с разными интервалами — от четырех минут до получаса.

Второй и третий дни пути уходят на то, чтобы добраться до подножия вулкана Двор и подняться на его расчлененный ложбинами склон. Погода, увы, испортилась: туман, мелкий дождь, ветер. Мокрые и уставшие, переночевали мы под крутой скалой.

Сырая ночь сменилась сырым рассветом. Холодно и неуютно. Может быть, не стоит выходить! Но почему-то кажется, что выше тумана не будет. Оставив у палатки проводника, начинаем карабкаться по крутому склону, осыпям и непрочным скалам. Здесь много следов снежных баранов. Самых животных не видно; они, конечно, слышат нас и уходят. Спугнули двух зайцев. Как бесы, они проскакали вверх и уселись на камнях, наострив уши.

Туман действительно стал редеть и скоро кончился. Мы поднялись на скалистый гребень Двора. Внизу — сказочный и суровый мир: море серо-голубых облаков от горизонта до горизонта, а над ним высятся бледно-розовые конусы вулканов. Вершина Карымского близко — в нескольких километрах. Не успели отдышаться после тяжелого подъема, как кратер ух-

Наконец добрались до крутого обрыва, уходящего вниз на сотни метров, — это стенка Карымской кальдеры. Искать наиболее легкий путь некогда, да к тому же через пелену дождя и тумана мало что разглядишь. Спуск труден и опасен. Хватаемся за едва закрепившиеся кусты и траву, прижимаемся к карнизам. Все вниз и вниз, и неизвестно, чем это кончится, как будем выбираться обратно. Наконец подножные стены.

Поля застывшей лавы на дне кальдеры, казавшиеся сверху почти ровными, вблизи оказались нагромождением глыб самых причудливых очертаний. Все засыпано толстым слоем пепла, скрывающим провалы и трещины. Долго блуждаем в этом лабиринте, как затерявшиеся букашки, ориентируясь только по голосу вулкана. Лавовое дно кальдеры — как бы пьедестал, на котором возвышается конус вул-

полнился зловещим шорохом и свистом. Вулканические бомбы.

Сначала первые, единичные удары о склон. Потом — настоящий дождь из горячих камней.

Первое побуждение — уберечься от бомб, скатывающихся по склону. Но главная опасность не они, а те, что летят сверху, из тумана. Подброшенные на большую высоту взрывом, они падают вокруг нас — впереди, сзади, совсем рядом. Когда мы приходим в себя, каменный дождь уже затихает.

Нас, однако, еще не покидает надежда: может быть, по другому направлению подниматься безопаснее! Бросаемся вправо, но там склон изрыт еще сильнее. Влево! Еще хуже и опаснее: все буквально перепахано, всюду следы оползней и воронки от камней.

— Я не отступник, — говорит Володя, — но лучше вниз!

Все в замешательстве. Но **Володя**

Конус вулкана „Карымский“ 1 4 8 6

нул очередным взрывом. Ревущий вибрирующий звук не похож на раскаты грома, — это протяжный, сотрясающий землю выдох великана.

Когда облако дыма и пепла поднялось, стали видны внутренние стенки кратера. Белыми струйками пробивается дым из многочисленных трещинок.

Пока мы любовались этой картиной и фотографировали вулкан, облака, скрывавшие от нас землю, медленно поднимались вверх — и вот снова все вокруг окутано сырым туманом.

По крутым кулуарам осторожно спускаемся на дно кратера вулкана Двор. Впереди, за туманом, то гудит, то затихает Карымский. Взрыв! Загремели камни, где-то высоко слышен странный шум, будто шуршит плотный воздух.

кана, сложенный из вулканического песка, камней и глыб.

Достигнув конуса, начинаем подъем: сначала по пологой осыпи, потом — по крутому склону, усыпанному пеплом и изрытому камнями.

Кратер что-то долго молчит. «Очевидно, копит побольше к нашему приходу», — говорит Володя.

Тревожит эта затянувшаяся тишина. Под ногами теперь свежий пепел, и камни — тоже «свежие». Наконец-то начинает доходить до сознания, что из кратера на склон летит не только безобидный пепел.

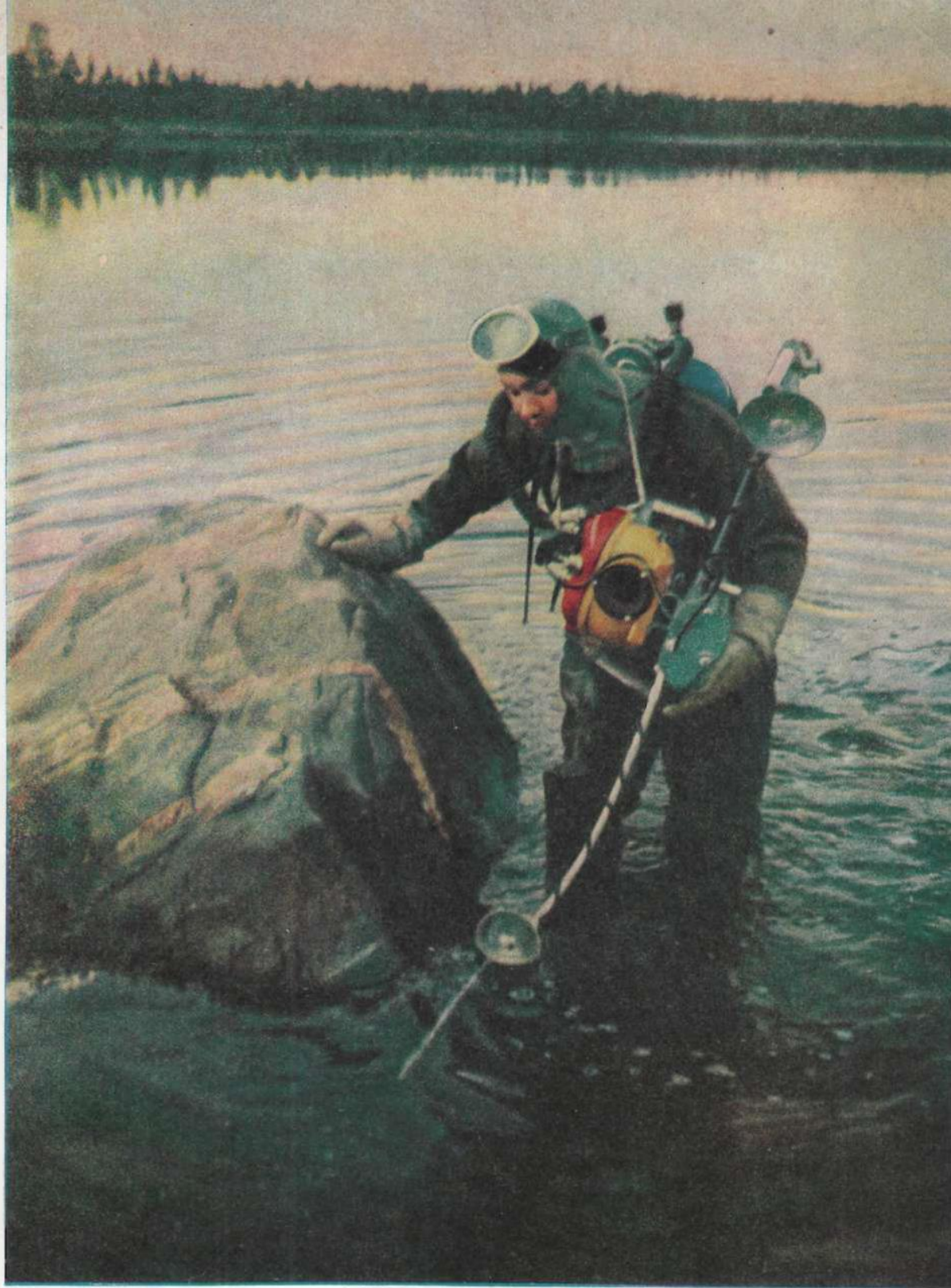
И вот оно — загудело впереди, вздрогнул склон. Мы невольно остановились, тщетно пытаюсь разглядеть сквозь туман столб дыма. И тут произошло то, что не входило в наши оптимистические расчеты: воздух пришел в движение, на-

прав. Совершенно очевидно, что иного выхода нет: не теряя драгоценного времени, спешим вниз.

Нам дважды повезло: во-первых, по счастливой случайности не хватило каких-то нескольких минут, чтобы дойти до края кратера; во-вторых, в момент взрыва мы оказались в точке, на которую упало меньше всего камней. Повезло и еще раз: пока мы бегали по склону то влево, то вправо, пока теряли какие-то секунды на размышления, прежде чем отступить, прошло несколько минут, и все же взрыва не было! Только когда спустились до половины высоты конуса, вулкан снова взревел и громынул камнями.

Отступление всегда неприятно. Но наш визит к вулкану все-таки нельзя считать неудачным: ведь мы уносили с собой драгоценную добычу — снимки.

ВОКРУГ **СВЕТА**
10 1984
ОКТАБРЬ

1964

ВОКРУГ ЗЕМЛИ

№ 10

ОКТЯБРЬ

Журнал основан в 1861 году

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

В № 2 журнала «Вокруг света» за 1961 год были опубликованы дневники геолога В. Твердохлебова о его работе в одном из удивительных уголков нашей страны — на Сордоннохском плато. Автор дневников взволнованно писал о многочисленных богатствах этого еще малоизученного края, об очаровании его природы. Геолог рассказывал и о неизвестном животном, виденном им в озере Ворота.

Об этом же писал и И. Акимущин в июньском номере за 1960 год. Неоднократно высказывался о возможности существования в озерах Сордоннохского плато неизвестного биологам зверя и известный натуралист Сергей Константинович Клунов.

Страстная убежденность Твердохлебова в необходимости исследовать богатейший край заразила молодежь: группы студентов, молодых ученых, инженеров из разных уголков страны побывали за последние годы на плато. Внимательнее стали приглядываться к его природе и исследователи, работавшие в тех местах.

В этом году все озера Сордоннохского плато подверглись тщательному изучению. Несомненно, такой пристальный интерес к краю принесет свои результаты.

В этом номере мы печатаем заметки двух кинооператоров, посетивших Лабынск-Зимой 1964 года. Они обследовали озеро, расспрашивали местных жителей, исследователей, работающих в этом районе.

На 2-й странице обложки — фото А. ВАГИНА и М. БЛЕХМАНА.

«Мы открыли планету. Нас было тридцать тысяч. И все — первооткрыватели».

ОЧЕРК О СТУДЕНЧЕСКИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОТРЯДАХ, ПРЕОБРАЗУЮЩИХ ЦЕЛИНУ.

«Звезды и земное ядро. Какой невидимой нитью связаны они?»

РЕПОРТАЖ ИЗ ПОЛТАВСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ.

ВЕСТИ ИЗ БРАТСКИХ СТРАН.

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.

«— Майк!

Я обернулся — Хеммиш быстро катился вниз по склону в облаке снега...»

ОЧЕРК О ПОЕДИНКЕ С ОДНОЙ ИЗ ТРУДНЕЙШИХ ВЕРШИН МИРА.

«Все началось с мечты. С мечты летать, как птица».

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ИСТОРИИ АВИАЦИИ.

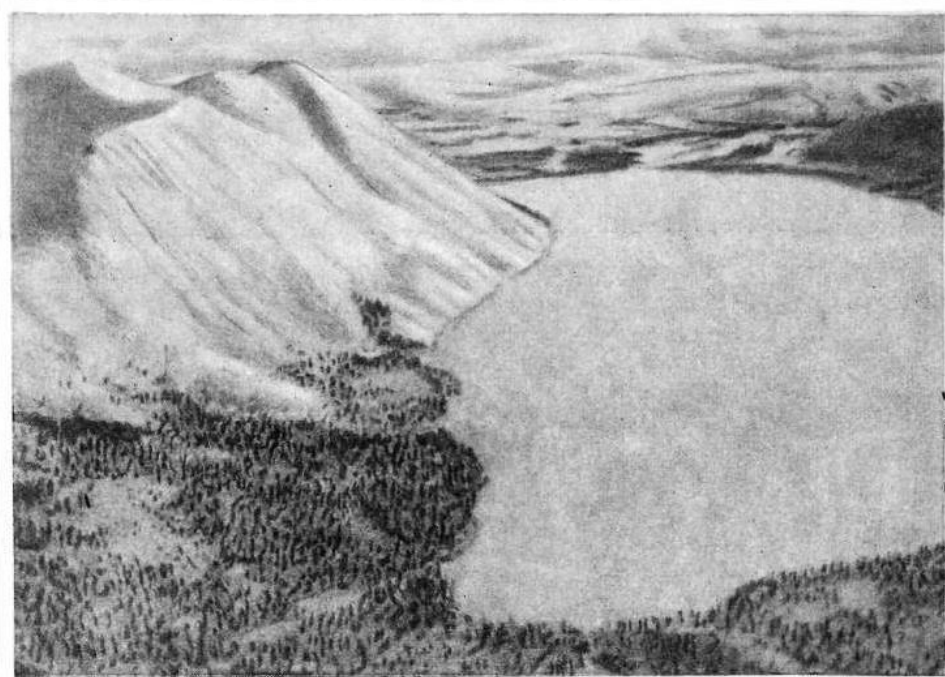
«Шар плавно пронесся в воздухе, замедлил движение и остановился над плечом Сайтуса, как бы рассматривая человека в упор, не зная еще, что сделать — спалить его или поиграть».

ДВА МАЛОИЗВЕСТНЫХ РАССКАЗА А. ГРИНА.

ПРОДОЛЖЕНИЕ НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКОГО РОМАНА АРТУРА КЛАРКА «ЛУННАЯ ПЫЛЬ» И ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ АНТОНИО АРЛЕТТИ «ТРАМПЕАДОР». ОКОНЧАНИЕ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ НИК. КОРОТЕЕВА «ВЫСТРЕЛ В ТАЙГЕ».

РЕПОРТАЖИ ИЗ ЗАПАДНОГО САМОА, МЕКСИКИ, ПЕРУ, ЧИЛИ.

МИРАЖИ ЛАБЫНЬКЫРА

Читайте в номере очерк
Л. ВАГИНА и М. БЛЕХМАНА
о загадках озера Сордоннохского
плато.

МИРАЖИ ЛАБЫНКЫРА

Метровые стены с амбразурами окон, защищенными тройными рамами и пушистым козырьком инея, — таков бастион, охраняющий необожженных морозом приезжих от якутской зимы. Крепость выстроена недавно и называется прозаично — гостиница «Лена». Стоит она на центральной улице Якутска. Здесь, в скромном двухэтажном номере, мы заканчиваем кажущиеся бесконечными хлопоты: надо отобрать необходимый экспедиционный скарб для нового района нашего кинопутешествия. Завтра мы вылетаем в Оймякон.

На письменном столе лежат папки с документами и материалами об озере Лабынкыр и Сордоннохском плато: их любезно предоставил нам кандидат биологических наук, работающий в Якутском филиале Академии наук СССР, Федор Николаевич Кириллов. «Поезжайте. Вернетесь, побеседуем обстоятельно, — сказал он на прощание. — Постарайтесь в Усть-Нере разыскать Валентину Фоминишну Шишкину. Она прекрасно знает этот район».

В спешке успеваем бегло просмотреть папки, и, чтобы не пропустить что-нибудь важное (папки надо вернуть), один из нас быстро, страница за страницей, переснимает их содержимое — прочтем потом, уже на месте.

Мы хотим побывать на озерах Лабынкыр, Ворота, Ястребиное. Поговорить со всеми, кто знает их окрестности. В Москве мы перечитали статью И. Акимускина «Охотничьи басни» о реликтовых формах животных и дневники геолога В. Твердохлебова «Край, ждущий исследователей».

Мы — кинопутешественники и не можем судить научно о геологических гипотезах и биологическом феномене, увиденном Твердохлебовым. Но, согласитесь, тайна так увлекательна! И если вдруг окажется, что там действительно «что-то» есть!.. Ведь так бывало. Вспомним, к примеру, историю гигантских варанов с острова Комодо, в существование которых до 1912 го-

да ученые не верили. А целакантус — кистеперая рыба, образец из древнейших эпох, обнаруженная совсем недавно?!

Сколько еще неразгаданных загадок таит природа!.. «Нет, что-то такое в этих озерах есть», — говорили мы себе и по ночам со вздохами мечтали о том, как будем снимать чудовище.

НА ПЛАТО ЧУДЕС

В своем письме Н. В. Черскому В. Твердохлебов писал: «Рабочие нашей партии во время весновочных работ видели во льду озера Лабынкыр лунки диаметром до 0,5 метра. Толщина льда достигает 1 метра».

Так вот что надо искать! Лунки, в которые высовывается подышать чудовище.

Лететь будем с рабочими-геодезистами. Они должны забросить оборудование на озеро Лабынкыр и другие места для летних работ. Быстро грузимся. Через несколько минут самолет берет курс к Сордоннохскому плато.

Идем на небольшой высоте — видно, как петляет по тайге нартовый след. Мы не отрываемся от иллюминаторов. Дикий, суровый край. На десятки километров раскинулась чахлая заиндевшая тайга с блюдечками озер. Сопки, сопки, сопки, между которыми вьется речка. Сверкают и прячут голубые наледы. Вдали видны пики Сунтар-Хаята.

Через 35 минут полета штурман кричит в самое ухо: «Лабынкыр!» Втискиваемся в кабину летчиков. Под нами огромный белый прямоугольник — словно футбольное поле.

Мы летим на высоте, позволяющей видеть мельчайшие детали. Через озеро идет нартовый след. Отчетливо видны следы оленей.

Раздается крик: «Лунка! Лунка!»

Все кинулись к иллюминаторам. У нас застучало в висках — так прямо сразу и открытие...

А. ВАГИН, М. БЛЕХМАН

Фото авторов

«Таких лунок мы пробьем много. Рыбу ловили здесь», — спокойно заметил один из наших спутников.

Самолет резко кренится влево и берет курс на озеро Ворота.

Неприятное местечко: с запада и с востока оно зажато высокими сопками, дикие, почерневшие скалы, редкий лес. Оно очень небольшое, раза в три меньше Лабынкыра. Снова круг. Лунок не видно.

Вспугнули диких оленей. Видим, как они сперва поворачивают рога к нашему самолету, потом огромными прыжками направляются к сопкам.

Возвращаемся на Лабынкыр.

«Видю огонь!» — кричит бортмеханик. Прямо по курсу на северной оконечности озера ярко горят два огня — белый и красный. Это наши проводники зажгли факелы, чтобы обозначить свое местонахождение. Над одной из палаток уже вьется дымок. Пилот разворачивает самолет. Мягкий толчок, еще толчок — и мы плавно покатались по снежной шубе, прикрывающей лабынкырский лед. За нами — шлейф взметенного винтом снега. Самолет подкатывает к палаткам.

Сгружаемся. Секунды — и самолета уже и не слышно. Нас обступает тишина, словно стеной надвигаясь со всех сторон. Мы на маленьком «пятачке» звуков: трещит костер, хрюкает олень, тихо переговариваемся между собой мы, словно окунувшись в тишину и одиночество озера.

Но надо начинать работу: здесь мы

снимем эпизоды зимней охоты. Проводники все подготавливали — оленей, оружие. Наш нартовый поезд трогается в путь.

Олени сперва легко идут по снегу. Вообще же они к весне слабеют; на бегу все время хватают снег, и — что совсем плохо (мы же снимаем!) — рога у них отпадают, хоть привинчивай их шурупами. А безрогий олень некрасив.

По пути решаем обследовать центральную часть озера. Казалось, до нее рукой подать. Но снег скрадывает расстояние, и, пока мы добрались до предполагаемого центра озера, все изрядно промерзло.

Ищем лунки — может быть, их скрыл снег — по вздутиям на поверхности, по проталинам, по изменениям цвета снежной поверхности.

Мы вдвоем, захватив кинокамеру, уходим на лыжах к северной части озера, откуда все время поднимается густой пар и где деревья закутаны в белые пушистые дохи из инея. Оказывается, несмотря на 50–60-градусные морозы, река Лабынкыр, вытекающая из озера, не замерзает!

Над весело бурлящим потоком вьется пар, вода чиста и прозрачна, и глубина, видимо, не больше 30–40 сантиметров.

Вечером собираемся в палатке, прячемся в меховые спальные мешки, и тогда начинается: «Значит, щука схватила лошадь за морду?» Выспрашиваем наших проводников — Алексея Васильевича Тихомирова и Алексея Дмитриевича Сивцева. Они отличные охотники и исходили вдоль и поперек все Оймяконье, неоднократно бывали на озерах Сордоннохского плато, простаивая около них месяцами. Постепенно выясняется такая картина.

Начиная с 40-х годов старая и знаменитая Охотская тропа — от Томтора на Охотск, по которой прошло немало знаменитых экспедиций, сместилась к Лабынкыру, так как здесь больше корма для оленей. На озерах ежегодно бывают десятки людей. Ученые, правда, до последних лет наведывались сюда не часто. Почти каждую зиму на Лабынкыре и других озерах плато вылавливаются сотни центнеров рыбы.

Щуки здесь бывают огромные. Еще в Москве мы прочли, что самая крупная щука из всех когда-либо пойманных — знаменитая щука императора Фридриха Барбароссы — имела длину 19 футов (то есть около 6 метров) и весила более 8 пудов. Спрашиваем: «Таких ловили на Лабынкыре?» — «Что ж, наши поменьше, но килограммов по двадцать пять бывали. Их даже утки боялись».

Многие оймяконские друзья наших проводников выросли на Сордоннохе и сотни раз зимой и летом бывали на озерах, но никакого неведомого зверя там не видели. Правда «...там бывает ветер — такой вихрь, который узкой полосой проходит по поверхности воды, создавая резкий след, похожий на след рыбы, плывущей по поверхности. Откуда чудовищу, однако, взяться? Ему надо размножаться! Значит, их много? Почему никто их не видел?»

Но Лабынкыр не оставил нас без чудес.

На следующий день, около часа, на противоположном краю озера мы ясно увидели два берега вместо одного: узкая, словно стеклянная полоса протянулась во всю длину озера.

Проезжаем дальше — над первым миражем появляется второй: черные, очень ясные точки. Кажется, что с белых склонов сопки спускаются десятки медведей. Точки то возникают, то исчезают. А вот медленно посередине озера появляется черная... железнодорожная цистерна, от которой постепенно отделяется, как гриб, верхняя часть. Но мы знали, что никакого другого берега и десятков медведей нет. Еще вчера все облетали и изъездили. Чтобы проверить свои впечатления, спрашиваем у проводников. «Мираж», — говорят они.

СКЕПТИКИ И ЭНТУЗИАСТЫ

Олени сворачивают в лес. Мы соскакиваем с нарта, помогая животным взобраться по крутому склону, и едва успеваем бросить прощальный взгляд на Ла-

бынкыр. Таинственное озеро исчезает. Прощай, страна миражей!..

Нет, мы не очень расстроены тем, что не нашли следов неизвестного животного.

Главное — познакомились с чудесным местом.

Оба думаем о том, какое полезное дело сделал Твердохлебов, опубликовав свои дневники. Есть в озерах кто-либо неизвестный или нет — в конце концов не главное. Зато сколько приезжего народа побывало здесь за два последних года! Край исследуется, познается, обживается...

Наш обратный путь к Оймякону лежит через перевал, ферму Бючениях по долине реки Куйдусун. Это давняя, известная здесь всем дорога. Проезжаем по озеру Мямичи, мимо одноименной красавицы сопки. Ферма «Бючениях» — ближайшее к Лабынкыру жилье, от озера мы в семидесяти километрах. Снова расспросы.

Василий Иннокентьевич Винокуров живет здесь с 1939 года. Он и его сын неоднократно и подолгу бывали на Лабынкыре и на Воротах.. Охотились, ловили рыбу. Но... «нет, «черта» не видели».

Потом в Оймяконе и других местах мы опросили десятки людей, побывавших на плато. Оно ведь совсем рядом. Два-три дня перехода на оленях. И опять легенд сколько угодно, но никто сам не видел необыкновенное чудовище.

Осталось познакомиться с выводами ученых, работавших в этом районе. Сначала нас ждала беседа с Валентиной Фоминишной Шишкиной. Стретились с нею мы в Усть-Нере. Шишкина — гидрогеолог по профессии, вдоль и поперек исходила и проплыла на лодках реки и озера Колымо-Индибирского края. Мы не успели открыть и рта, а Валентина Фоминишна, лукаво улыбаясь и обводя взглядом своих сотрудников, уже предупредила наш вопрос: «Вы, вероятно, по поводу лабынкырского чудовища?»

Она рассказала нам многочисленные якутские легенды о ручьях и озерах.

— Особенно много легенд существует об озере Лабынкыр, — говорит Валентина Фоминишна. — Это легко объясняется его особым положением: оно самое большое в крае, удалено от населенных пунктов. В южной части озера, где в него впадает речушка, есть ущелье. В нем часто возникают сильные ветры, способные очень быстро поднять на озере шторм. Такие ущелья-«трубы» якуты называют «хапчигай». Неожиданность штормовых «набегов», угроза и суровость окружающего пейзажа, чувство одиночества, охватывающее путешественника, — все это может развить фантазию настолько, что любое самое обычное явление примешь за нечто таинственное.

Лунок, о которых писал Твердохлебов, Шишкиной пришлось видеть очень много и на разных озерах Сордоннохского плато. Рядом с Лабынкыром, например, есть маленькое озеро Ночное, там чудовище и не поместится, однако во льду есть лунки. Это результат деятельности ключей, озерных источников или дел рук рыболовов. Миражи группа Валентины Фоминишны за несколько месяцев работы на озерах в районе Лабынкыра и Ворот в 1958 году видела неоднократно.

Мы шли по улицам морозной Усть-Неры и перебирали те легенды, которые нам приходилось слышать в 1958 году — во время первой поездки в эти края — и во время этого путешествия.

Десятки людей, с которыми мы говорили (и это подтверждается письмами, которые нам пришлось читать в Якутском филиале АН СССР), сами «черта» не видели и не верят в то, что он есть в озерах. Но большинство знают множество легенд. Нужно сказать, что по форме они очень похожи на устные рассказы очевидцев. Для якутского и эвенкийского фольклора вообще характерно уснащать повествования деталями быта и охоты. Эта конкретность придает правдивость легенде для всякого, кто впервые с ней знакомится. И нужно опытное ухо знатока края, его истории и фольклора, чтобы отличить фантастику от действительности.

(Окончание на стр. 32)

МИРАЖИ ЛАБЫНКЫРА

(Окончание. Начало см. на стр. 24)

Окончательно добил наши надежды Федор Николаевич Кириллов. Еще в коридоре его лаборатории в Якутске нас встретили стеллажи с несчетным количеством экспедиционных трофеев.

Ну, конечно же, первое, что он сказал, увидев нас: «Что нового вы узнали о сордоннохском «змие»?»

Два месяца в 1962 году экспедиция ихтиологов, которую возглавлял Кириллов, подробно обследовала озеро Лабынкыр и другие озера Сордоннохского плато.

«Рыбы там много. И все же ее не хватило бы, — сказал Федор Николаевич, — чтобы прокормить «свирепого хищника» таких размеров, каким он представился Твердохлебову. Он бы просто погиб от голода. И уж совсем плохо стало бы этому чудовищу, если бы оно оказалось вегетарианцем. В воде озер Сордоннохского плато очень мало водной растительности. Я считаю, Твердохлебов видел мираж, рефракцию воздуха. В своих биологических исследованиях мы не нашли подтверждения и гипотезе Твердохлебова о недавнем изменении наклона Сордоннохского плато от Охотского моря к Ледовитому океану».

Итак, мы подводим итоги: что же на самом деле видел Твердохлебов.

Мираж? Порывы ветра на воде? Плывающего лося или медведя? Быть может, огромную щуку? А может быть, во всем виноват багульник, его ядовитые испарения? В зной и безветрие у всех участников экспедиции не прекращались головные боли, расшаталась нервная система, плохо работало сердце — ведь об этом писал сам Твердохлебов...

После опубликования дневников В. Твердохлебова на озерах Лабынкыр и Ворота, кроме экспедиции гидрогеологов и ихтиологов, побывали небольшие группы туристов. Им не удалось увидеть «чудовище». Но с убеждением «что-то здесь есть» они не расстались. Слышали ночной крик, сильные всплески и даже сумели сфотографировать один такой всплеск и след на воде.

В прошлом году возникло новое предположение: существо, которое увидели Твердохлебов и Башкатов, — гигантская амфибия, впадающая в анабиоз на 7—8 месяцев, когда поверхность озер покрыта льдом. Сторонников этой гипотезы оказалось достаточно много для того, чтобы летом этого года «взять под обстрел» все Сордоннохское плато, все его озера. Что ж, даже если подтверждения новой гипотезе и не найдется, эти исследования принесут большую пользу — они расширят знания об интереснейшем районе нашей необъятной страны.

В ПЛАВНЯХ КУБАНИ

Фото Н. НЕМНОНОВА,
спец. корр. «Вокруг света»

Следующим этапом практики студентов-зоологов МГУ были плавни Кубани.

Плоская обширная равнина, исчерченная большими и малыми протоками, испещренная пресными и солеными озерами и озерцами.

Буйные заросли осоки и тростника, болота, сырые луга, тихие старицы и спокойные открытые протоки дельты кишат жизнью. Здесь приволье для птиц, рыб, пресмыкающихся, зверей.

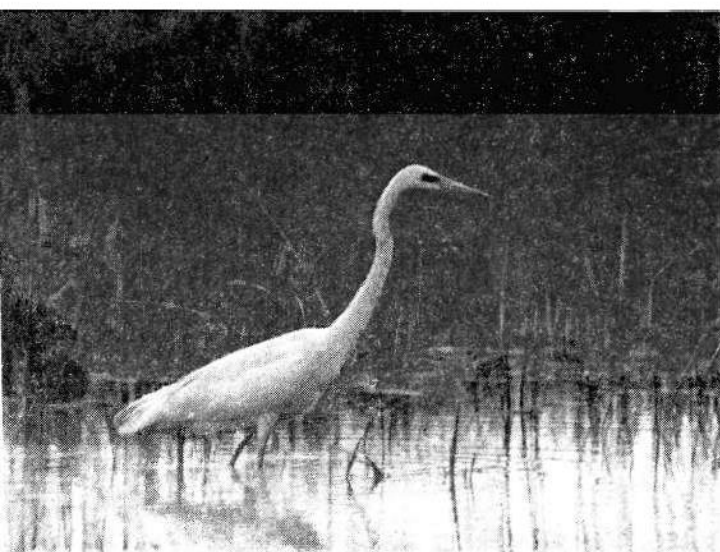
Каждый год в плавни приезжают экспедиции зоологов и рыбоводов. Человек наблюдает, осторожно и тонко регулирует жизнь обитателей плавней.

Среди распаханных, заселенных, обжитых степей Прикубанья кипит и гомонит этот красочный дикий мирок.

Часть кубанских плавней осушена и занята под сельскохозяйственные культуры. На плодородных отвоеванных у болот почвах выращивают рис и овощи.

Н. Немновое запечатлел на фотоснимках несколько моментов из жизни кубанских плавней: гнездо рыжей цапли; белые кувшинки, стерегущие покой озера; хохлатую грациозную птицу, которую зовут поганкой только потому, что ее мясо несъедобно. (Фото на вкладке.) Черепаша, всплывшая из темных озерных вод, и белая важная цапля, идущая по своим «делам». (Фото внизу.)

¹ См. «Вокруг света» № 1, 3, 5, 6 за 1964 г.

№ 10 ОКТЯБРЬ 1964

СОДЕРЖАНИЕ

Планета Целина	2
Научные маршруты семилетки	5, 9, 23, 41
Т. ЧЕХОВСКАЯ — Звездочеты	6
ВЛ. ПЕРВЕНЦЕВ — Тампико	10
Г. ЦЕПУЛИН — Идет теплоход на Кубу	13
Индийские сказки	16, 63
ЛЕОНИД ЮРАСОВ — Краски осени	17
АНТОНИО АРЛЕТТИ — Трампеадор	20
А. ВАГИН, М. БЛЕХМАН — Миражи Лабынкыра	24
Вести из братских стран	27
Ю. ЦЕНИН — «Здравствуйте, мы — с Волги!..»	28
КЛАУС ПОЛЬКЕН — «Памятником победителю будет смерть...». Прижок через океан	30, 40
Н. НЕМНОВ — В плавнях Кубани	32
АРТУР КЛАРК — Лунная пыль	33
М. МИТУРИЧ, Г. СНЕГИРЕВ — Остров Симушир	42
Пестрый мир	46
НИК. КОРОТЕЕВ — Выстрел в тайге	48
Л. АЛЕКСЕЕВ — Снежные вымпелы Ракапоши	55
Читатель сообщает	57, 62
А. ГРИН — Белый шар. Ящик с мылом	58
Фотоконкурс «Вокруг света»	63

Главный редактор В. С. САПАРИН

Члены редакционной коллегии: В. И. АККУРАТОВ, Е. Н. ВАСИЛЬЕВА, И. М. ЗАБЕЛИН, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, Л. Д. ПЛАТОВ, Ю. А. ПОПОВ (заместитель главного редактора), П. Н. РЕШЕТОВ, Ю. Б. САВЕНКОВ (ответственный секретарь), А. И. СОЛОВЬЕВ, В. С. ЧЕРНЕЦОВ, В. М. ЧИЧКОВ.

Оформление В. Чернецова и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются

Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Сушевская, 21. Телефоны: для справок Д 1-15-00, доб. 2-29; отделы «Наша Родина» — 2-68; иностранный — 2-85; 3-58; литературы — 3-93; науки — 3-38; иллюстрации — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

А109043. Подп. к печ. 9/IX 1964 г. Печ. л. 8,5 (8,5). Уч.-изд. л. 10,2
Тираж 300 000 экз. Заказ 1441. Цена 60 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва. А-30, Сушевская, 21.

На первой странице обложки:

Далеко на Севере, в Чупской губе, приютилась Беломорская биологическая станция Зоологического института Академии наук СССР. В больших и интересных исследованиях вод Белого моря ученым помогают энтузиасты подводного спорта.

Аквалангист Валерий Брылкин работает с созданным им импульсным осветителем. Этот прибор поможет добыть новые фотодокументы, которые расскажут о жизни обитателей моря.

Фото А. РОГОВА

На третьей странице обложки:

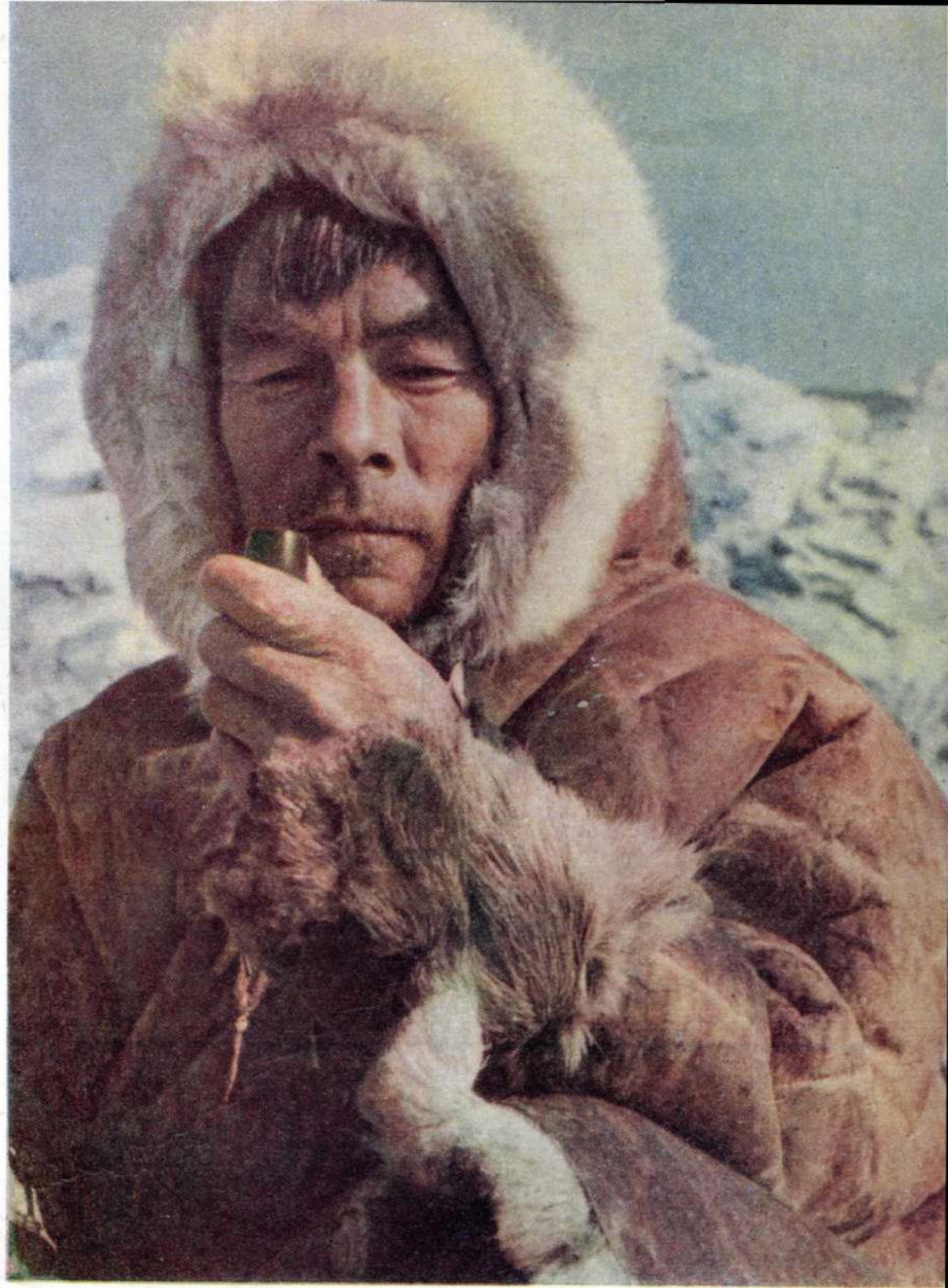
ЗАПАДНОЕ САМОА. Едва судно бросит якорь в бухте Апиа, как со всех сторон появляются десятки долбленых пироги с балансирами...

Большие гроздья бананов, ананасы, манго, кокосовые орехи, раковины и кораллы, вырезанные из дерева модели полинезийских лодок — все это предлагают морякам смуглые самоанские парни.

А когда торговля окончена, они разрешают гостям поплавать на своих легких суденышках по зеркальной глади бухты...

Фото Д. ПЛЕШАКОВА

ВОКРУГ **СВЕТА**

11 1960
НОЯБРЬ

Иван Т. Сэндерсон — известный американский зоолог, автор многих научных книг и статей. Одно из «увлечений» Сэндерсона — исследование вымерших животных, научно обоснованное воссоздание их облика и образа жизни. Но вот недавно Иван Т. Сэндерсон выступил в печати со статьей весьма необычного содержания.

В несколько сокращенном виде мы предлагаем эту статью вниманию наших читателей.

ИВАН Т. СЭНДЕРСОН

Рисунки Н. ГРИШИНА

АМЕРИКАНСКИЙ ДИКИЙ ЧЕЛОВЕК

Калифорния — обширный и разнообразный край, где можно встретить все: от бесплодных пустынь до роскошных тропических лесов и полудействующих вулканов.

Местные жители любят всевозможные шутки и небылицы. Но есть одна небылица, над которой никто не смеется.

Двадцать седьмого августа 1958 года Джеральд Крю собрался ехать на работу. Он работал на строительстве автомагистрали в округе Гумбольдт в долине Арройо-Блафф — почти не исследованной местности, расположенной в северо-западной части Калифорнии.

Когда Крю поднялся на холм, он обнаружил отпечатки человеческих ног. Это не вызвало бы любопытства у Крю, если бы следы не принадлежали человеческой ноге, у которой были невероятно огромные размеры.

Сначала Крю подумал, что над ним подшутил кто-нибудь из товарищей по работе. Ему уже не раз приходилось слышать о подобных следах, обнаруженных рабочими в начале 1958 года к северу от местечка Корбель, у реки Мэд. И, кроме того, его племянник Джим Крю тоже видел такие отпечатки. Но Джеральд был человеком трезвым и рассудительным, он решил, что его товарищи слишком утомлены тяжелым трудом, чтобы заниматься такими шутками. И Крю отправился по следам. Он заметил, что отпечатки следовали от вершины крутого холма до участка, где стоял грузовик, затем окружали машину и спускались по дороге до рабочего поселка. Однако, прежде чем достигнуть поселка, они пересекали дорогу, спускались по склону еще более крутому, нежели предыдущий, и углублялись в лес.

Когда измерили следы, оказалось, что они достигали 40 сантиметров, а длина шагов от 115 до 150 сантиметров.

Прошел почти месяц. И вот однажды ночью следы появились снова. Спустя некоторое время, в сентябре того же года, жена одного из рабочих, Джесси Бемис, послала письмо в местную газету «Гумбольдт Таймс»: «Среди рабочих ходят слухи о существовании Человека Лесов. Вначале мы думали, что это шутка. Но вчера мой муж убедился, что это правда. Слышали ли вы об этом Человеке Лесов?»

Письмо было напечатано. В редакцию стали прибывать другие письма, подтверждавшие первое.

В начале октября следы опять появились. На этот раз тот же Джеральд Крю приготовил гипс и сделал отпечатки правой и левой ног таинственного существа, которого местные жители уже окрестили «патоном».

Редактор газеты Эндрю Хенсом поместил на первой странице газеты информацию, иллюстрированную фотографиями. Статья была перепечатана другими газетами, и со всех концов земного шара стали поступать телеграммы. Я тоже зани-

маюсь исследованиями подобного рода, много писал на эту тему и часто получаю письма и телеграммы с различными сведениями о морских чудовищах, снежном человеке, двуглавом тельце и т. д. Но версия о Человеке Лесов, обладателе сорокасантиметровой ступни, показалась мне неправдоподобной.

Между тем события развивались. Предприниматель Рэй Уоллес, вернувшись из деловой поездки и узнав о хливающих слухах, стал подозревать, что кто-то сознательно хочет помешать строительству автостреды и заставить рабочих отказаться от работы в столь отдаленной и захолустной местности. Поэтому он решил выяснить, в чем дело. Брат его, Вильбур Уоллес, который также принимал участие в работах по строительству дороги, описал ему три удивительных случая.

Во-первых, исчезла стальная бочка с дизельным топливом емкостью в 250 литров.

Следы «патона» спускались с крутого горного склона, пересекали автостраду, спускались далее по косогору к нижнему берегу реки и углублялись в густые заросли кустарников. Идя по этим следам, Вильбур Уоллес нашел бочку с нефтью в низине на расстоянии 50 метров от дороги. Бочка скатилась по откосу, после чего ее, видимо, подняли и перенесли на это место, так как не было никаких признаков, что ее волокли по грязи.

Во-вторых, кусок стальной трубы, исчезнувший ночью со склада, был найден в другой низине. И в-третьих, кто-то стащил колесо механической лопаты, весившее более 100 килограммов, и бросил его в глубокую рывину на расстоянии четверти мили от строительства.

Рэй Уоллес все еще не верил, что это дело рук Человека Лесов. Но однажды, возвращаясь с работы и спускаясь по склону холма, он остановился, чтобы напиться у ручья, и здесь обнаружил следы «патона». Однако он по-

прежнему оставался при своем убеждении: кто-то пытается помешать ему закончить строительство дороги. Многие из рабочих бросали работу, собирали свои вещи и уходили. Он решил принять к себе на службу двух человек со специальным заданием поймать «автора» следов.

Рэй Керр и Боб Бреазэль приступили к поискам; вскоре они не замедлили обнаружить отпечатки ног «патона» и, наконец, его самого. Это случилось однажды вечером, в конце октября, после заката солнца. Они увидели огромное человекообразное существо, покрытое густой шерстью длиной сантиметров в пятнадцать. Оно сидело на корточках у края дороги. Керр и Бреазэль утверждают, что одним прыжком оно очутилось перед фарами грузовика, в котором они ехали, двумя прыжками пересекло дорогу и исчезло в зарослях кустарника. Ободренные удачей, охотники продолжали поиски. Но овчарки, которых они пустили по следам «па-

На снимке автор статьи зоолог Иван Т. Сэндerson с гипсовым отпечатком.

Джеральд Крю сделал отпечатки ног таинственного существа.

тона», исчезли бесследно. Говорят, что шкуры и кости собак были позже найдены в лесу.

Однако многие люди все еще относятся к этим рассказам с насмешливым недоверием.

Редактор газеты «Гумбольдт Тайме» Эндрю Хенсом в сопровождении своего главного фотографа Нейла Гульберта посетил Арройо-Блафф и сфотографировал следы.

Следующей весной, в апреле, одна супружеская пара пролетала на частном самолете над этой местностью. На горных вершинах еще лежал снег. Они увидели на снегу огромные отпечатки челове-

ческих ног, а вскоре после этого и самого «патона» — громадное человекообразное существо, покрытое каштановой шерстью. Мне не удалось до сих пор разыскать эту чету, но другие недавно полученные сведения гораздо легче про- верить.

Двое врачей в начале 1958 года встретили «патона» на автостраде 299. Одна дама и ее дочь видели севернее долины Хоопа двух чудовищ — одно из них по размерам было меньше второго. Та же дама рассказывает, что ей довелось однажды, много лет назад, увидеть, как такое чудовище переплывало ручей во время наводнения. Люди, живущие в окрестностях долины Хоопа, видели иногда «патонов», когда шли ловить рыбу.

Журналистка Бетти Аллен из «Гумбольдт Тайме» беседовала с индейцами племени хуна и юрок. Индеец племени хуна ответил ей: «Святой боже! Неужели белые, наконец, узнали об этом?» А старик Оскар Мак из племени юрок рассказал

Тщательные измерения следов «патона».

ей, что «патонов» прогнали с этой территории горняки во время золотой лихорадки в 1848—1849 годах и что прежде их было здесь очень много.

Один инженер, который в настоящее время живет возле Юрика, рассказывает, что в 1890 году два таких чудовища опустошили шахтерский поселок у реки Четко, в районе, который находится юго-восточнее Орегона, украли съестные припасы и уничтожили инструменты. Впоследствии недалеко от поселка были найдены изувеченные трупы трех шахтеров.

16 августа 1959 года Джон У. Грин и Боб Питмус снова нашли отпечатки ног чудовища в 23 милях севернее новой автострады. Они обнаружили также много шерсти, приставшей к стволам сосен, на высоте около двух метров от земли. Длина этой шерсти составляла от двух до двадцати пяти сантиметров.

Какие выводы можно сделать из всего этого? В окрестностях Арройо-Блафф, в округе Гумбольдт, безусловно, происходят странные вещи. Какими бы невероятными ни казались эти случаи, на них нельзя не обратить внимания и считать все *это* выдумкой. Какое-то таинственное существо ухитряется переносить с места на место стальные бочки с нефтью емкостью в 250 литров, железные грубы и колеса грузовых машин, взбирается по отвесным склонам; оно издает пронзительные рычания и оставляет сорокасантиметровые следы. Не может быть никакого сомнения в том, что эти следы существуют. Имеются достаточно веские аргументы, чтобы доказать, что они не были сфабрикованы. Значит, могут быть три предположения: либо следы принадлежат необыкновенному человеку, либо животному; либо существу, которое находится на промежуточной ступени между человеком и животным.

Специалисты утверждают, что существо, обитающее в лесах Калифорнии, должно иметь вес не менее 300 килограммов.

Мы знаем, что на американском континенте жили люди доледникового периода. В течение последнего миллиона лет между Старым и Новым Светом расхаживало по северному полушарию множество млекопитающих, таких, как лось, мамонт, серый медведь, бобр, сурок, норка и другие. Разве полулюди полуобезьяны, обитавшие на территории нынешнего Северного Китая, не могли выжить так же, как и эти животные, несмотря на перемещение полярных ледников?

Ведь некоторые доисторические люди умели изготавливать разные инструменты и высекать огонь. Разумеется, они обладали каким-то мышлением, которое ставило их выше животных, благодаря этому они выжили, несмотря на сильный холод, и укрылись в недоступных гористых местах, совершенно необитаемых.

И хотя это покажется невероятным, одним из таких мест является крайний северо-запад Калифорнии. Эта местность имеет более ста квадратных миль и до самого последнего времени совершенно необитаема. Территория скрыта от какого-либо воздушного наблюдения очень густыми и непроходимыми лесами, за исключением более высоких холмов и горных вершин. Места эти никогда не были исследованы. До сих пор не удалось даже составить подробной карты. Там много ручьев, ягод и мелкой дичи, а снега никогда полностью не покрывают землю. В самом центре цивилизации находится совершенно дикое место. И, очевидно, там живет неведомое, таинственное существо.

Сокращенный перевод
ТАТЬЯНЫ ХАИС

ОДЕССКИЕ КАТАКОМБЫ- МУЗЕЙ

с запечатанными залами

Ю. ГУРЬЕВ

УДИВИТЕЛЬНЫЕ НАХОДКИ УЧЕНЫХ

Наверное, многие из читателей журнала «Вокруг света» слышали о знаменитых одесских катакомбах, сеть которых составляет около 500 километров. Известковый фундамент Одессы изрезан тысячами штолен, в которых ранее добывали камень для строительства. Галереи этого подземного города расположены ярусами: они образуют головокружительный лабиринт. Здесь заблудился бы и Тезей, несмотря на свою путеводную нить.

Один из местных жителей, работник Одесского облисполкома Тарас Григорьевич Грицай, задумал составить подробный план катакомб. Много лет исследовал он затерянный во мраке мир. Грицай столкнулся с интересным явлением. Вырубленные людьми штольни нередко пересекали естественно образовавшиеся пещеры. Здесь штольни заканчивались каменными «карманами» — тупиками, заполненными глиной.

«Карманы» могли сохранить немало интересного. И Грицай взялся за раскопки. Действительно, в глине удалось найти много костей. Они никак не могли быть остатками современных животных — настолько отличали их необычные размеры и форма.

— Это кости ископаемых страусов, верблюдов и гиен, — определили ученые-палеонтологи. — Относятся к эпохе верхнего плиоцена. Им более миллиона лет!

Ученые были взволнованы. На основании находок Грицай можно было четко представить доисторическую фауну этих мест... Но все это было лишь началом куда более удивительных открытий.

Сотрудник Одесского государственного университета, кандидат геологических наук И. Я. Яцко заинтересовался странными повреждениями некоторых костей, представленных Грицаем на суд ученых. Некоторые кости были обколоты и грубо отшлифованы с краев,

что, по мнению Яцко, напоминало орудия первобытного человека. Другие отличались вырубленными окошечками, пазами и желобками.

— Какова же природа странной обработки? — задумались исследователи.

Вместе с другими специалистами Яцко определил, что никакие геологические факторы не могли так изменить костную ткань.

— Может, это работа грызунов, следы хищников или какой-нибудь костной болезни? — размышлял ученый.

Пришлось обратиться к ветеринарам, стоматологам и патологоанатомам. Авторитетные консультанты установили, что ни одна из предполагаемых причин не объясняет особенностей повреждений.

Исследователи в карстовой пещере.

ОТДАТЬ КОНЦЫ!

Юмореска

— Итак, стало быть, это случилось в южных морях, — начал первый штурман «Ростка», большого судна, пришедшего с товарами из Восточной Азии. — Однажды мы причалили к маленькому островку, такому уютненькому и живописному. Разгрузившись, сразу же взяли курс норд-норд-вест и на всех парах устремились навстречу ясной звездной ночи.

В два часа утра я заступил на первую вахту. Обернувшись невзначай взглянул за корму. Черт побери! За кормой ясно и отчетливо виднеются темный силуэт острова и маяк у входа в гавань — так, словно мы только что отчалили. А ведь после двух часов плавания остров должен был совсем исчезнуть с горизонта. Я тотчас послал за капитаном.

Неужели на что-нибудь наскочили или сели на мель?! Не может быть! Все так же равномерно ухают машины, все так же содрогается палуба под ногами. Нос корабля рассекает волны, а вдоль бортов расходятся серебристые гребешки пены. Тут на мостик является капитан и, приставив к глазам бинокль, рассматривает остров.

— Засечь координаты! — говорит он штурману.

Повозившись над своим секстантом, тот определяет местонахождение корабля. Дело ясное! Идем полным ходом. Капитан покидает мостик и устремляется на корму.

— Просто невероятно! — говорит он, возвратившись, и сдвигает фуражку на затылок.

— Что случилось, капитан? — спрашиваем мы оба как по команде.

— Что случилось? Этот Ян, когда мы отчаливали, забыл отдать концы. Мы тащим за собой весь остров! Вот уже два часа! И ни один из вас, ослы вы этикие, ничего не заметил!

Первый штурман оглядел нас победным взглядом, мы не выдержали и рассмеялись.

— Но ведь это же сказки, штурман!

— Что значит сказки? Ведь то был первоклассный морской трос из Ростка — высший сорт, дорогие мои! — гордо отпарировал первый штурман.

Перевод с немецкого В. МАЗОХИНА

Ископаемые кости, прошедшие загадочную обработку миллион лет назад. Находка Т. Г. Грица и И. Я. Яцко.

плиоценовые кости со следами необъяснимых повреждений.

Новые пещеры были очень похожи на пещеры, обнаруженные Грицаем. Они также выходили на поверхность просторными гrotами. В таких гrotах могли селиться первобытные люди. По-видимому, именно отсюда при какой-то стихийной катастрофе проникла под землю глина, занесшая с собой костные остатки.

Недавно И. Я. Яцко представил одесские находки на суд крупнейших ученых Москвы и Ленинграда.

— Еще рано делать выводы. Нужно продолжать исследования, — решили специалисты.

Расколотые пополам резцы животных с филигранными, доступными лишь для микроскопа признаками шлифовки. Мелкие трубчатые кости, пронизанные геометрически точными круглыми и квадратными отверстиями... Наука, изучающая историю древнейшей материальной культуры человека, не встречала подобной обработки, и естественно, что ученые не могли вынести безапелляционных решений.

Но им удалось установить интересную деталь: кости повреждены металлом. Причем повреждены, как и считал ранее Яцко, еще «свежими».

Следы, оставленные металлом миллион лет назад!

Геологи отвергали возможность соприкосновения костей с рудными пластами в ту эпоху.

Чем же тогда объяснить причины удивительных повреждений?

А что, если предположить, что миллион лет назад Землю, населенную только мастодонтами и саблезубыми тиграми, посетил звездолет? Неведомые космонавты, не найдя подобных себе разумных существ, покинули нашу планету. Но следы их охоты остались на костях ископаемых животных. Не столкнулись ли ученые Одессы с фактом, подтверждающим гипотезу советского ученого Агреста о визите гостей из космоса? Но это, пожалуй, слишком смелое предположение.

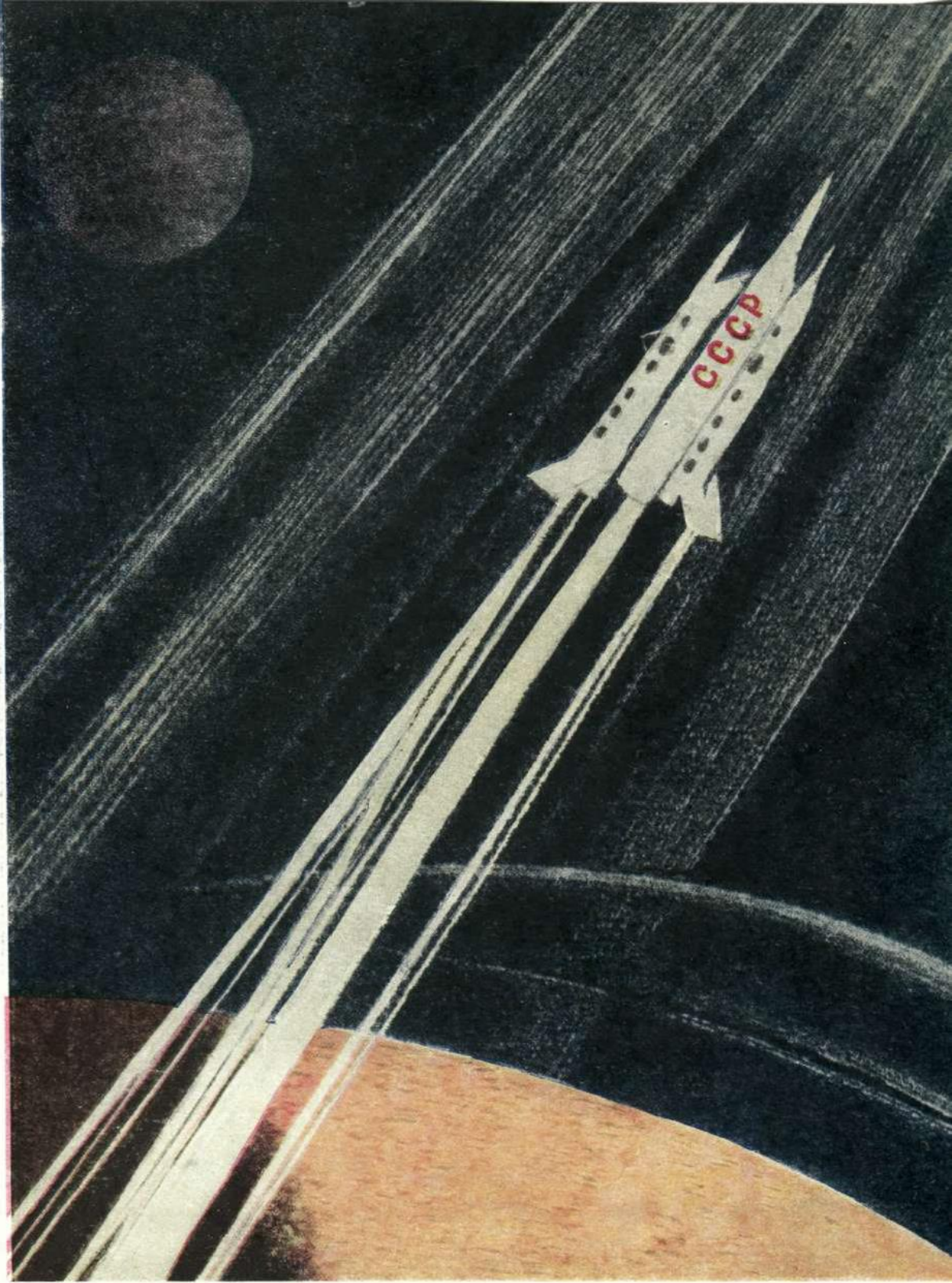
А что, если миллион лет назад уже существовали на Земле народы, которые пользовались металлическими орудиями и обрабатывали ими кости?

Многое еще скрыто в шкатулке земных тайн... Только всестороннее изучение удивительных находок, новые открытия в одесских катакомбах — этом природном музее, не все залы которого изучены исследователями, — разрешат загадку и, возможно, позволят изменить современные представления о биографии человека.

Рис. В. ЧИЖИКОВА

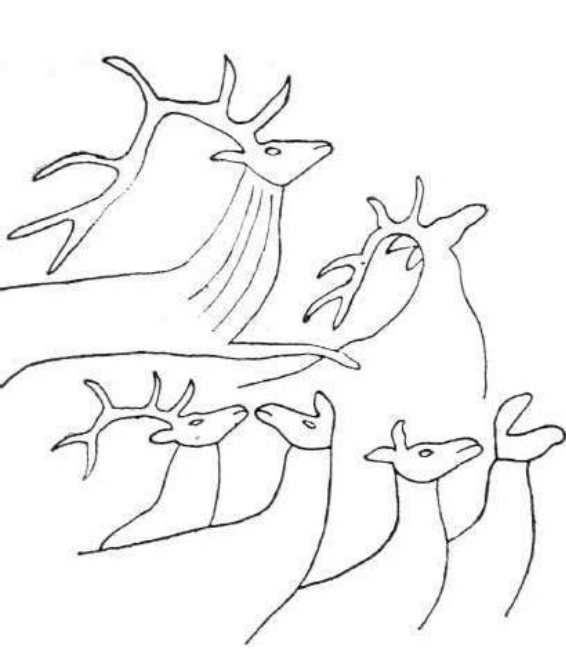

ВОКРУГ **СВЕТА**

5 1960
МАЙ

ЗАГАДКИ ДРЕВНИХ РИСУНКОВ

ОХОТНИКИ-АСТРОНОМЫ

СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ...?

Символ небесного
костра — соединен-

Эту выгравированную на каменной плите картину мы обнаружили на берегу реки Каракол. Рисунку приблизительно 1 300 лет.

Это было несколько лет назад, когда я работал над фильмом о горном Алтае. В те дни мой киноаппарат не знал отдыха. Он снимал смелых охотников, идущих на медведя, заботливых пастухов, спасающих ягнят и овец от волков, трудолюбивых доярок, которые ухаживают за полудикими сарлычками... О сегодняшних делах Алтая можно было рассказывать без конца.

Но меня в то же время занимала еще одна тема: мне хотелось показать, что некоторые охотничьи и животноводческие навыки алтайцев имеют тысячелетнюю историю.

Я знал о рисунках, оставленных первобытным человеком в пещерах Западной Европы, в ущельях Средней Азии. А что, если я найду такие рисунки и на Алтае? Это, пожалуй, будет самый лучший способ воспроизвести на экране далекое прошлое народа.

Однако научных трудов по географии и истории края у меня не было под рукой, а в музее сведений о рисунках я почти не нашел. Тогда я стал расспрашивать всех, с кем приходилось встречаться: шоферов, милиционеров, журналистов, учителей, врачей, пастухов, охотников.

И, вот, наконец, я попал на след...

Селение Дьячы-Дьёл, куда мы — я и мой помощник Петя — добрались по гладкой ленточке Чуйского тракта, лежит в глубине горной страны. Вдоль длинной улицы селения стоят домики самые обычные — с окнами, дверьми и печными трубами, а сзади них, во дворах, приютились айлы — шалаши из шестов, покрытые корой, с дымовыми отверстиями наверху; айлы — любимые жилища стариков, которые так и не привыкли к домам.

Улицу замыкает светлое здание школы. Молодой учитель гостеприимно предложил поселиться в его домике и обещал помочь в розысках Бичиг-Ту — «писаной скалы» («бичиг» — по-алтайски рисунок, «ту» — скала), о которой я узнал от одного врача, алтайца по происхождению.

На следующее утро, когда мы в сопровождении шумных школьников тронулись в путь, резко переменилась погода. Лето на несколько часов превратилось в зиму, закружились в воздухе снежинки. Это обычное явление в горах — закурилась какая-нибудь покрытая вечным снегом вершина. Я не знал, что

скоро буду безмерно рад этому снегу, а пока с завистью поглядывал на теплые шапки ребят, сшитые из полосок рыжего меха и черных лапок лисиц. С шапок свисали цветные шнурки с кисточками на конце. Они весело болтались на ходу.

Сразу же за поселком начался урок истории. Мы увидели камни, установленные правильными кругами, грубо обтесанные, замшелые, вросшие в землю.

— Это могилы древних алтайцев, — объяснял учитель. — Из маленьких камней сложены могилы бедных охотников и чабанов, из больших — богатых ханов.

Тропа, извивавшаяся между могилами, свернула к горе и стала подниматься к седловине. На перевале — сравнительно ровной площадке, — рядом с тропой, которая опоясывала гору, как подпруга коня, лежала широкая плита. Над ней уже копошились, смеялись и спорили ребята.

— Бичиг-Ту...

— Это марал!.. Сарлык!.. Бун!..

— Нет, это архар!

Я подошел ближе и увидел изображения животных и людей, нарисованные... снегом. Снежинки продолжали падать, ветер сметал их с камня, но не мог сдуть рисунков. Что за чудо? В чем здесь секрет? Я стер ладонью изображение марала и понял замысел древнего художника. Рисунки, выдолбленные на плите, были невидимы до тех пор, пока незаметные глазу вмятины не заполнялись каким-нибудь материалом, отличающимся по цвету от серого камня. Как выяснилось впоследствии, этим рисункам было почти 2 500 лет.

Художник точно передал внешний облик животных — поэтому ребята, которые не раз видели маралов и архаров в горах, а сарлыка — у себя дома, сразу их называли. Они спорили только о гигантском архаре, которого не могли знать, так как он давно вымер...

Животные — их позы полны напряжения — нарисованы, пожалуй, реалистичнее, чем люди. В человеке художника интересовало не то, как он выглядит, а где он находится по отношению к животным и что делает, чтобы подстрелить их. Поэтому люди изображены довольно условно, но в движении.

Художник не забыл показать и место, где происходит действие. Каменный уступ пересекает картину сверху донизу. Благодаря этому рисунок сразу приобретает драматическое содержание: человек гонит животных с горы в пропасть, на дне которой их поджидает стрелок.

Зачем же эта выразительная, умная композиция, волшебной появляющаяся из ничего, была вырезана на плите, лежащей рядом с тропой?

Вопросы ребят так и сыпались на учителя и на меня. Я снимал, учитель объяснял:

— Вероятно, древние охотники приносили сюда часть своей добычи в жертву горным духам. Люди тогда верили, что горные духи помогают им на охоте. Жертвенной кровью заливали рисунки, и они делались видимыми, понятными. Бичиг-Ту был своеобразным учебником, передающим опыт и знания старых охотников молодым.

— Мой дедушка и сейчас верит в горных духов, — улыбнулась девочка Айзенюк. — Он знает другую Бичиг-Ту, называет ее каменной книгой, но не хочет сказать, где она находится, — духов боится!

Ребята засмеялись. Они знали, что никаких духов не существует, только в воздухе весело кружились, как белые мушки, снежинки и рисовали на камне фигурки животных.

У старой кобылицы горбатая спина, но седло с нее не сползает. Старик, ухватив поводья левой рукой, вытянул вперед правую с прутиком и всю дорогу им помахивает. Это типичный жест пастуха и одновременно — доказательство бодрости всадника. Рядом с кобылицей бежит жеребенок, и Айзенюк часто подгоняет своего смиренного конька, чтобы погладить его. Если бы не она, эта шустрейшая алтаечка Айзенюк, мне бы никогда не уговорить старика показать еще одну «писаную скалу».

Мы доехали до лесистой горы, ничем не отличающейся от соседних гор. Старик оставил нас внизу, а сам стал взбираться на гору. Его фигура долго мелькала между деревьями, наконец он вернулся и очень громко крикнул:

— Не нашел ничего! — и... улыбнулся Айзенюк.

Я понял. Старик действовал на два фронта; он исполнил просьбу любимой внучки и в то же время обманул горного духа. Теперь старик остался внизу — дух должен видеть, что не он раскрыл тайну Бичиг-Ту, — а мы поехали на гору. Найти «каменную книгу» было трудно, но помог заблудившийся жеребенок. Он убежал от матери, когда старик рассматривал Бичиг-Ту, а теперь вернулся на это место и жалобно ржал. Скала, свалившаяся, должно быть, в незапамятные времена с вершины горы, напоминала — в большом увеличении — костлявую, с выступающими позвонками спину стариковской кобылы. Между слоями из сравнительно мягкого материала торчали стоймя твердые плиты. «Наверное, древний художник рисовал на гладкой поверхности этих плит», — подумал я. Но нет, там никаких изображений не было.

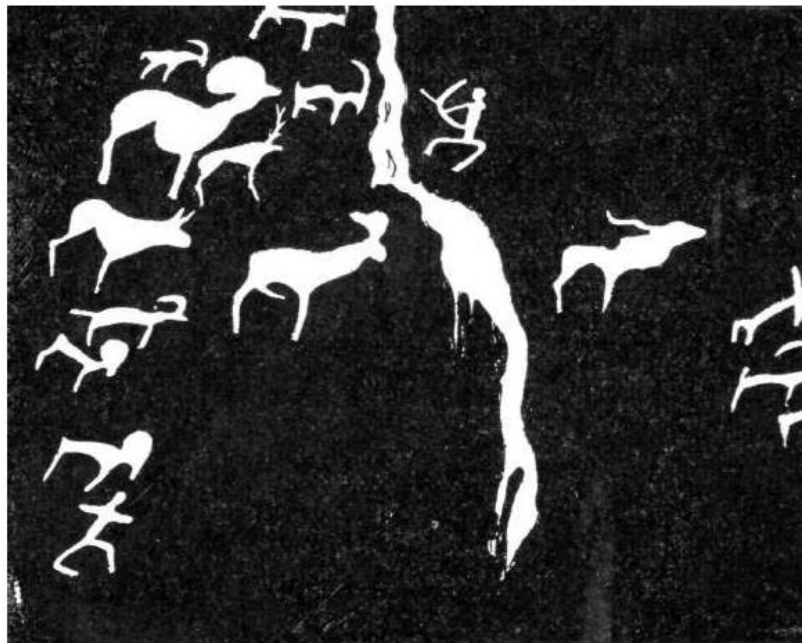
— Они же вынимаются, — напомнила Айзенюк и обеими руками схватила плиту. Та не дрогнула. Тогда Петя и я зашли с двух сторон хребта гигантской каменной лошади и вытянули плиту из щели. На скрытой части плиты мы увидели четкие изображения маралов.

Айзенюк била в ладошки:

— Дедушка сказал правду!

Мы вынули еще несколько плит и обнаружили силуэты кабанов, медведей, волков. По своему исполнению они напоминали рисунки, виденные нами на перевале в Дьяны-Дьёл.

Да, это была настоящая каменная книга, с листами, которые древний человек вынимал, смотрел и снова прятал в надежный тайник. Самой природе доверили люди сохранить ее образы.

Если бы не снег, рисунков
нельзя было бы заметить.

Шаман с бубном.

Я заснял святыню древних охотников, а затем мы бережно вложили плиты обратно.

За одним рисунком я охотился особенно долго. Это был «Шаман с бубном», «прятанный» где-то на берегу реки Каракол. Однажды, когда мы были совсем близко от утеса, на котором вырезан этот рисунок, большие сердитые волны потока преградили нам дорогу. Пришлось отказаться от дальнейших поисков. И все же «Шаман с бубном» не выходил у меня из головы. Почему-то казалось — этот рисунок откроет что-то очень важное.

Я увидел его много позже, когда фильм об Алтае уже шел на экранах Сибири. Шаман вызывающе и насмешливо смотрел на меня со страниц книги¹. В руках у него был круглый бубен. На бубне виднелось изображение человеческой головы с птичьими крыльями и два кружка — вероятно, небесные светила. Я вспомнил старый деревянный ящик, что стоял в аиле у дедушки Айзенюк. Темные доски своеобразного шкафа были испещрены многочисленными изображениями: солнце с лучами, рогатая луна, ковш Большой Медведицы. Это была более или менее точная карта северной части неба!

Теперь уже я листал страницы толстой книги С. В. Иванова

с явным желанием проследить за творчеством охотников-астрономов. Передо мной проходили рисунки хантов, манси, эвенков, нанайцев, нивхов, орочей, чукчей, якутов, алтайцев; рисунки, исполненные на дереве, бересте, коже, кости, камне...

Самыми интересными оказались изображения на бубнах. Бубен как бы поделен на две части: нижняя — земля, верхняя — небо; линия раздела — светлые дуги — означает «Лыжный

«Сложное солнце» — рисунок бурятов.

¹С. В. Иванов, Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. Изд-во Академии наук СССР, 1954 г.

след» — так алтайцы называют Млечный Путь. Бубен пересекает схематичная фигура обожествленного предка. У предка две руки, или крылья. Предок как бы начал свой полет с Земли, где остались люди, животные, растения, пересек «Лыжный след», встретился с духами — прекрасными танцующими женщинами и унесся в другие миры.

Конечно, у различных народов эта картина вселенной выглядит неодинаково. Но почти на всех бубнах небо отделено от земли и проработано довольно детально.

На страницах книги часто мелькали изображения луны и солнца — кружки, от которых, словно ресницы глаз, разбегались во все стороны лучи. Но попадались солнца и другого типа: в кружках был нарисован крест. Крест — это символ огня: древний человек добывал огонь трением — палкой о палку, камень о камень. Человек радовался теплым лучам солнца, так же как горячим языкам костра, и часто называл солнце небесным костром, а в рисунках соединял их знаки вместе.

Но порой в изображениях светил встречались непонятные детали — диск одних похож на раскручивающуюся спираль, у других — лучи пригнуты в одну сторону как бы от вращения кружков. Иногда в рисунке сочетались и крест, и пригнутые лучи, и спираль. Такие изображения С. В. Иванов называет «сложными солнцами», но не пытается объяснить смысл этой «сложности».

Я не астроном и, может быть, поэтому осмелился сравнить этнографические рисунки с фотографиями из книги «Галактики» американского астронома Харлоу Шелли. Согласитесь, в рисунках «сложных солнц» и в фотографиях галактик, сделанных при помощи телескопа, есть много общего — спиральное строение, круговое движение. Некоторые нарисованные спирали лучами выходят из центра, другие закручиваются по кругу, самые интересные состоят из точек, то есть из изображений звезд. Скажу конкретнее: «сложные солнца» алтайцев — с искривленными лучами и нивхов — в виде двух спиралей, похожих на свернувшихся змей, удивительно напоминают спирали Галактики в созвездии Гончих Псов...

Сходство шаманских рисунков и астрономических фотографий поражало, кружило голову. Случайность это или древние охотники видели на небе не только

Галактика в созвездии Большой Медведицы и «сложное солнце» шорцев.

Бубен алтайцев.

Луну, Солнце, «Лыжный след», но и звезды других отдаленных галактик?

У многих народов мира, разделенных огромными расстояниями, зачастую не знавших друг друга, знак спирали украшал одежду и утварь, оружие и жилища. Спираль вытатуировывалась на лицах жителей Полинезии. Этот знак виден на алтайских посмертных масках. Ученые называют его «спиральным орнаментом», иногда смелее — «соллярным знаком», но не раскрывают его происхождение. По всей вероятности, он имел один доступный для всех источник — небо.

Но как древний человек мог видеть другие миры, не обладая астрономическими приборами?

Есть очаровательная украинская легенда о том, что в ночь на

Ивана Купала человек может увидеть в темном лесу светящийся папоротник.

Советский астроном Г. А. Тихов открыл свойство растений излучать инфракрасные лучи. На фотопленке, чувствительной к этим лучам, он снял в полной для современного человеческого глаза темноте точку легендарного папоротника. Она... освещала находящийся рядом белый гипсовый диск.

Сопоставьте украинскую легенду с открытием ученого. Легенды, сказки передаются народами из поколения в поколение, в них всегда есть зерно истины, иногда забытой нами.

Если человек прошлого видел светящиеся растения, может быть он способен был различить в некоторых случаях и светящееся спиральное строение галактик?

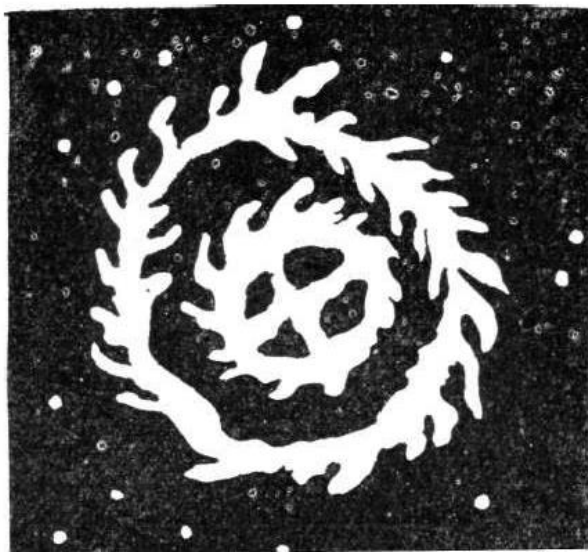
Пусть мои рассуждения будут домислом кинооператора, любителя археологии, этнографии, астрономии. Дело ученых установить, как смешались в народных рисунках символы огня, солнца и галактик. Но вот, в дополнение к сказанному, непреложный факт, способный, как мне кажется, решить загадку нарисованных спиралей.

Еще в древности северные охотники изобрели замечательный оптический прибор — противосолнечные очки: кусок кожи, в котором прорезана узенькая щель. Все видимое через щель казалось очень резким, четким до деталей, получалось то же, что в фотографическом аппарате, когда уменьшено отверстие диафрагмы.

Такие очки нужны были охотнику днем для защиты от ярких лучей солнца, но если посмотреть через них ночью...

Я видел, как из сватовой мути ясно выступили пять больших звезд Плеяд, которые без очков, невооруженным глазом, я различал с трудом. Некоторые звезды, казавшиеся одиночками, раздваивались. Я направил маску на три звезды Пояса Ориона. Затем сдвинул ее ниже. И вот... в овале туманности Андромеды я заметил слабо светящуюся спираль — быть может, одну из тех, которую видел человек прошлого, обладавший необычайно острым зрением охотника.

Древние охотники-кочевники всю жизнь проводили в поисках самого необходимого: пищи и тепла, зверя и огня. Художник-охотник и изобразил это сначала на скалах, потом на утвари, на шаманских бубнах. Движение зверей и свет земных и небесных ко-

ВОКРУГ **СВЕТА**

2 1964
ФЕВРАЛЬ

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

Люди начали совершать смелые путешествия в далекие страны еще задолго до эпохи великих географических открытий. Об этом говорит немало фактов. Откуда, например, древние индийцы могли знать, что Земля около полюса покрыта льдами? Откуда вообще у людей задолго до известных историкам путешествий в Арктику появились некоторые верные представления о ней?

Отважные исследователи древности, моряки и землепроходцы, совершая рискованные походы, накопили какую-то сумму географических представлений о мире. Но следы этих путешествий очень трудно отыскать.

Мы хотим рассказать об одной из загадок прошлого, которой уже более пятисот лет. Многие ученые, в том числе знаменитые полярные исследователи Нансен и Норденшюльд, пытались разгадать её...

...На глобусе немецкого географа XV века Мартина Бэхайма, созданном в тот самый год, когда Колумб отправился в свое первое путешествие, арктическая часть земли была изображена так: у самого полюса тесно сгрудились четыре массива суши. А в проливах между ними разместилось несколько мелких островов, разделенных протоками.

В 1507 году появилась карта голландца Рейша. Север показан на ней почти так же. Однако легко заметить и некоторые отличия: вокруг четырех больших островов картограф расположил кольцевой хребет, разорванный множеством проливов. А на самом полюсе он поместил скалу. Подпись к карте сообщает, что эта скала, венчающая земной шар, представляет собой большой магнит. За Гренландией, соединенной с Азией и положенной автором карты набок, в Азиатский материк (Америки на карте Рейша еще нет) вклинивается глубокий залив, отдаленно напоминающий своими очертаниями Гудзона, но расположенный в гораздо более высоких широтах.

Так же выглядит Арктика и у Меркатора — знаменитого картографа, создавшего свою карту через шестьдесят с лишним лет после Рейша. К этому времени Америка прочно утвердилась на картах, и Гренландия, ориентированная теперь уже правильно, размещена Меркато-

ром рядом с Новым Светом. Полюс окружают четыре крупных острова и девятнадцать островов помельче.

Рисуя картину северных земель, трое ученых, видимо, исходили из какого-то общего источника. Хотя каждый воспринимал его несколько по-разному.

Какой же это источник?

И Рейш и Меркатор ссылаются в легендах (подписях) к своим картам на францисканского монаха из Оксфорда, совершившего якобы в 1360 году путешествие к Северному полюсу. По возвращении монах изложил свои приключения в книге, названной им по тогдашним обычаям длинно и пышно: «Счастливые открытия, описание которых начинается с 54 градуса северной широты и продолжается вплоть до полюса». Автор книги из скромности или по каким-то другим причинам не сообщил свое имя. Но есть некоторые основания предполагать, что написал ее Николай Линн, известный по тому времени астроном, математик и богослов.

Книга «Счастливые открытия» не сохранилась. Сведения о ней есть только в легендах к картам Рейша и Меркатора, в одном из писем Меркатора и в двух биографиях Колумба, написанных вскоре после смерти великого путешественника. Все эти сведения очень скудные.

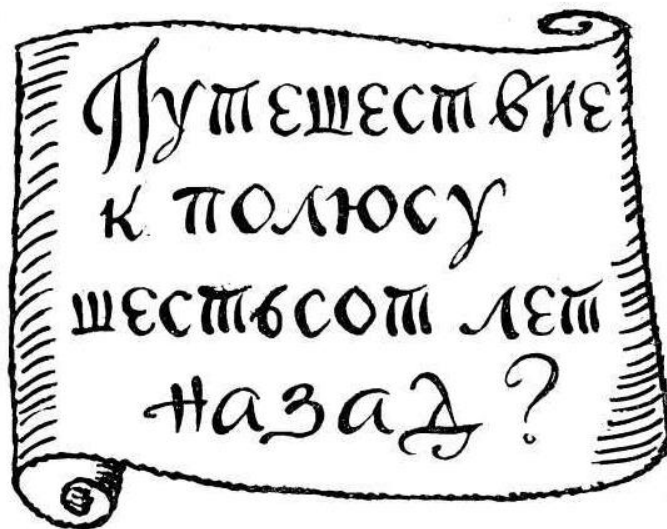
Достичь полюса в XIV веке было невозможно. К тому же представления о приполюсном районе, изложенные в книге «Счастливые открытия», не соответствуют действительности. Исходя из этого, многие ученые авторитеты считают, что автор в лучшем случае побывал где-нибудь

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

В газете «Водный транспорт» от 10 января 1963 года была помещена статья «Кто открыл Америку?» — об интересной работе географа С. Р. Варшавского, посвященной плаванию неизвестного путешественника в 1360 году к берегам Северной Америки.

Читательница А. Радзинская из города Ташкента просит рассказать об этом подробнее.

С. ВАРШАВСКИЙ

у берегов северной Норвегии. А то и совсем не выезжал из Англии, а написал свое произведение по ирландским и скандинавским сагам или по не дошедшему до нас описанию деяний легендарного короля Артура.

Однако эти утверждения очень спорны. Собрав все дошедшие до нас отрывочные сообщения из книги неизвестного оксфордца и рассмотрев их, нельзя не обратить внимания на то, что сообщаемые там факты лишены какого бы то ни было сказочного или фантастического колорита. А некоторые конкретные подробности позволяют думать, что автор видел то, о чем пишет, собственными глазами. И если составить по ним связную картину, то современный географ найдет в ней черты, сходные... с северо-западной частью Атлантики.

В самом деле, в книге упоминались плавающие острова из пемзы. И они действительно часто встречаются к западу от Исландии. Это продукт извержений подводных вулканов, находящихся у исландских берегов. В сочинении францисканца рассказывалось и о бурных течениях, опасных водоворотах в многочисленных проливах и заливах, о множестве островов и островков. Но ведь это характерно для Канад-

ского архипелага. Можно думать, что средневековый путешественник, наткнувшись на Американский материк и не имея о нем никакого представления, принял его тоже за остров. Ведь позднее подобную ошибку совершил и Колумб. И, наконец, странное поведение стрелки компаса, заставившее автора книги сделать в ней следующие записи: «Здесь судовые компасы не действуют», «Моряки одурачиваются демонами так, что не знают, куда плыть». Около полуострова Лабрадор компас отказывается действовать из-за находящихся поблизости богатых залежей железных руд, и точно так же он ведет себя в районе магнитного полюса, в радиусе до 800—1 000 километров от него.

Все эти детали, отмеченные на картах по книге «Счастливые открытия», в целом создают достаточно полную и правдивую картину.

Но как попал этот смелый человек в район Канадского архипелага?

Объяснить это можно так. В XIV веке широту определяли с помощью астралабии, по ней же можно было узнать и направление географического полюса. Как сообщает Меркатор, оксфордец имел астралабию. Был у него, конечно, и компас, который к тому времени уже довольно широко применялся англий-

скими моряками. Корабль под командованием будущего автора «Счастливых открытий» отплыл от берегов Англии с караваном судов, идущим к Исландии. Но чем дальше на север двигались путешественники, тем очевиднее для них было, что направление, указываемое стрелкой компаса, не совпадает с показаниями астралабии. Ведь уже на полдороге от Англии к Исландии отклонение компаса к западу достигает 22,5 градуса.

Куда же плыть? Чему отдать предпочтение — астралабии или компасу? Судя по всему, капитан корабля решил довериться «новейшей технике» того времени — компасу.

Моряк столкнулся с любопытной проблемой и решил отделиться от каравана, чтобы выяснить, в чем тут дело.

То, что компас не всегда указывает точно на полюс, замечали мореплаватели и до описываемых событий, но они объясняли странное поведение стрелки ее неправильным намагничиванием. Считалось, что стрелку притягивает Полярная звезда. Однако всякий, кто попадал в высокие широты на западе Атлантического океана, убеждался, что такое объяснение неверно.

Фактически английский моряк установил существование магнитного полюса. Но уровень знаний XIV века был слишком ограничен, чтобы путешественник мог осознать и объяснить свое открытие...

Компас вел к Гренландии, однако прямой путь в те времена, как и сейчас, преграждался плавучими льдами.

У берегов Гренландии ледяной поток тянется далеко к югу, а если его обогнуть... Спустившись вдоль кромки льда, путешественники с удивлением обнаружили, что «ошибки» компаса резко возросли. Стрелка отклонялась более чем на 50°! Словом, взяв в руки карту, можно легко убедиться, что корабль, двигавшийся по такому маршруту, должен был неизбежно попасть к берегам Америки.

Но путешественники не могли знать, что они прибыли к берегам неизвестного континента. Во-первых, они считали, что плывут к полюсу, а во-вторых, не подозревали о существовании неизвестного европейцам материка. Предания о короле Артуре, якобы исследовавшем и заселившем северные земли, ирландские саги о Брандане-мореплавателе, рассказы гренландских колонистов о лежащих за их страной таинственных полулегендарных землях Марк-ланде и Винландии никем не принимались всерьез. Кто мог знать, что в этих сказаниях отразились действительные походы норманнских мореходов — путешествия не менее отважные, чем плаванья испанцев в XV—XVI веках? Эти походы могли бы сыграть в мировой истории огромную роль, если бы в те времена существовали более тесные связи между странами. Но, к сожалению, плаванья норманнов оказались забы-

тыми, как и многие другие великие достижения, опередившие свою эпоху.

Почему автор написал в заглавии книги, что открытия начинаются с 54 градуса? Вероятнее всего, именно на этой широте мореплаватели увидели новую, неизвестную землю. Конечно, 54-я параллель проходит и через Англию, но вряд ли путешественник стал бы считать «счастливыми» плавания в знакомых водах, лежащих вокруг его родины. Скорее всего, первой открытой землей был современный Лабрадор. Сами моряки не представляли, конечно, как далеко они оказались на западе, ведь долготу тогда не умели определять.

Следуя дальше за магнитной стрелкой — на северо-запад, они должны были достигнуть Гудзонова пролива. Пройдя его с большими трудностями, так как проливы в этих местах изобилуют сильными течениями, рифами и водоворотами, англичане оказались в Гудзоновом заливе. Оксфордский назвал его «Приточным морем» и даже измерил ширину (вероятно, в каком-либо одном месте).

Северное лето коротко. Едва ли моряки успели продвинуться дальше по Северо-Западному проходу и достигнуть района магнитного полюса. Нужно было возвращаться обратно.

Стрелка компаса уже в Гудзоновом заливе и смежных проливах из-за близости магнитного полюса отказывается действовать, прочно упираясь концом в картушку компаса. Наблюдая за стрелкой, оксфордский ученый правильно догадался, что находится где-то рядом с местом, к которому она притягивается.

Он убедился, что компас подчиняется не Полярной звезде. Оставалось только одно объяснение. Путешественник знал, что на земле стрелку притягивают лишь куски магнитной руды. Значит, где-то в этих местах есть магнитная гора, надо думать, огромных размеров, если она притягивает стрелку компаса даже на расстоянии. Такую гору путешественник и описал в своей книге. Это явно ошибочное сообщение, но его можно простить средневековому первооткрывателю — ведь тот факт, что магнитом является вся наша планета, установил Гилберт лишь в начале XVII века, то есть два с половиной столетия спустя.

...Земли, помещенные картографами XV—XVI веков вокруг полюса на основании книги францисканца, исчезли с последующих карт, когда люди лучше познакомились с Северным Ледовитым океаном и окружающими материками. Но еще очень долго, вплоть до того дня, когда человек побывал на самой северной точке земного шара, ходили легенды о том, что на полюсе есть земля: гора, скала или острова. И полярные путешественники XIX века были убеждены, что найдут там землю.

Еще более интересна история открытия Гудзонова залива. После Рейша его изображали почти все картографы. На карте французского Оронсе Фине, составленной в 1521 году, он уже был обрисован с некоторыми подробностями. На глобусе 1537 года, принадлежащем учителю Меркатора — фламандскому ученому Гемме Фризиусу, этот залив обрел еще более верные черты. А на карте, составленной в 1570 году фламандским картографом Ортелием, он целиком напоминает современные очертания. А ведь открыт Гудзонов залив был лишь в 1610 году! За этим кроется много неразгаданных тайн. Но можно думать, что Гудзонов залив появился на картах до плавания Гудзона и благодаря автору «Счастливых открытий».

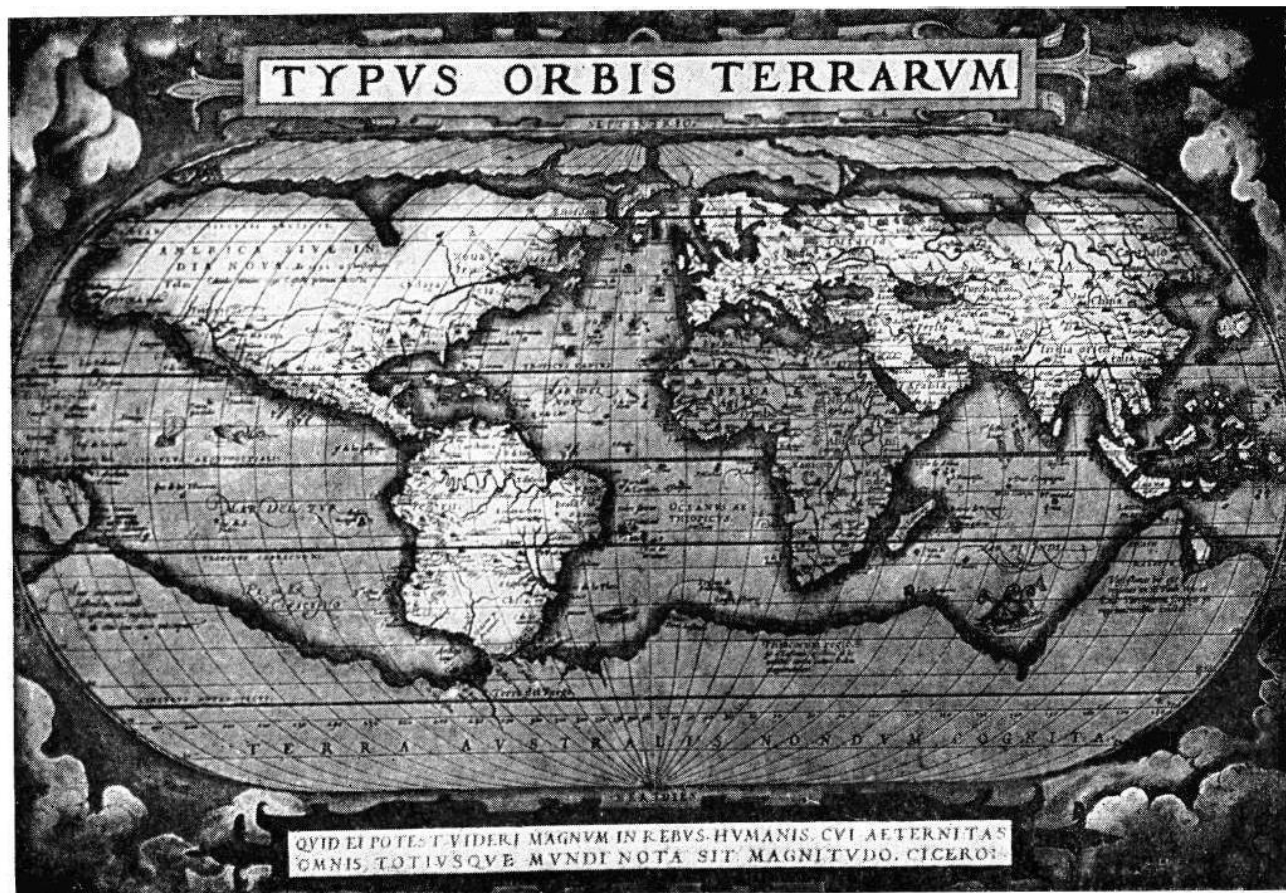
Неизвестный путешественник XIV века еще не занял своего места в истории географических открытий, но он оставил достаточно вех, говорящих в пользу достоверности его плавания. Поэтому поспешное отрицание счастливых открытий смелого исследователя едва ли справедливо.

Для полной разгадки этой проблемы нужны еще долгие поиски.

«Прадед» географических атласов

Напечатанный на толстой старинной бумаге, он выглядит очень солидно, этот древнейший атлас Земли, составленный почти 400 лет назад — в 1570 году. Назывался он «teatrum orbis terrarum», то есть «зрелище круга земного». Так его назвал составитель — антверпенский географ Абрагам Ортелиус.

Как следует из старинной хроники, атлас Ортелиуса был одним из первых «бестселлеров»: за 31 год (до 1601 года) он выдержал 41 издание.

ВОКРУГ СВЕТА

6 1964
ИЮНЬ

Наш корабль входил в лагуну маленького острова, осторожно лавируя между выступавшими из воды скалами. Все свободные от вахты члены экипажа уже давно стояли на палубе, вооруженные биноклями, фотоаппаратами, кинокамерами.

Перед нами вырастала отвесная трехсотметровая стена, сложенная красными туфами. Стена почти сплошным кольцом окружала лагуну. Посреди лагуны торчал из голубой воды крошечный островок — нагромождение черного спекшегося шлака. Судно прошло рядом с островком и остановилось у туфовой стены. Наверху, над нами, засверкали в лучах

А если

это ►

АТЛАНТИДА?

Современный Санторин, снятый с птичьего полета.

заходящего солнца белые постройки небольшого городка.

Отдана команда, загремели цепи, и якоря с тяжелым всплеском упали в воду.

Это было в июне 1963 года. Советское океанографическое судно «Академик С. Вавилов» вело работы в Средиземном море.

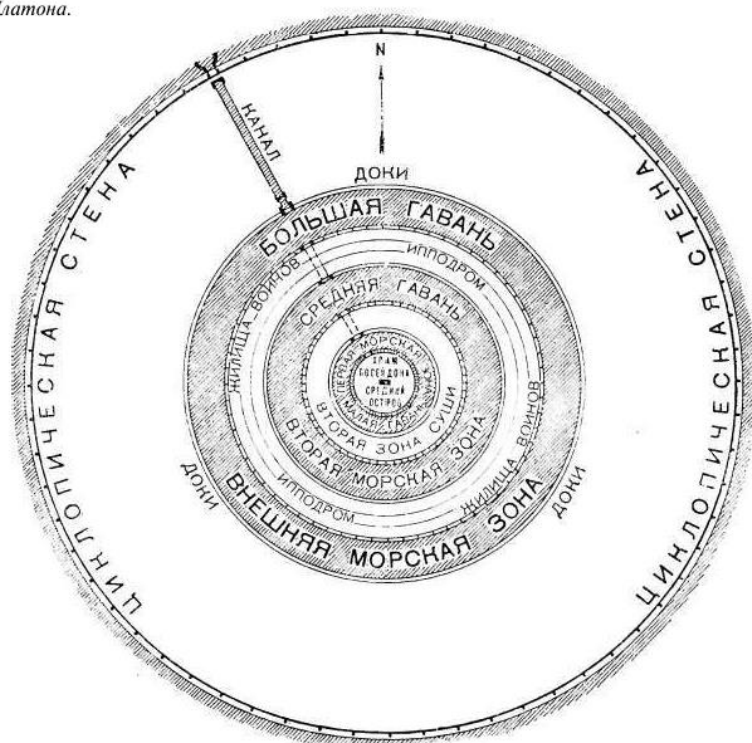
Мы прошли долгий путь от Одессы до Неаполя, пересекли дважды Ионическое море и вошли в Эгейское. Выполнены почти все намеченные работы. Наша последняя задача — подробно исследовать затопленный кратер вулканического острова Санторин. Именно с этой целью мы и стали на якорь в его лагуне.

Островок принадлежит Греции и относится к архипелагу Киклады. В центре затопленного кратера возвышается действующий вулкан — та самая груда черных камней, которую мы увидели с корабля.

В первый же день мы посетили единственный на острове городок Тира. Добраться туда оказалось не так просто. Дорога, ведущая к городу, похожа на огромную винтовую

Так выглядел остров Атлантида по описанию Платона.

В. КУЗНЕЦОВ, Е. ПЛАХИН

лестницу без ступенек и перил. Более получаса почти на четвереньках карабкались мы вверх, с завистью глядя на местных жителей, проезжающих мимо на мулах.

Вот, наконец, и город. Одна из улочек вывела нас к большому красивому зданию. И тут с удивлением прочли мы вывеску: «Отель Атлантида».

Что это — обычный рекламный трюк?

Все выяснилось на следующий день, когда городские власти любезно пригласили нас посетить археологический музей.

В музей мы попали вечером. Войдя внутрь здания, прежде всего, к удивлению своему, обнаружили, что электрического освещения в нем нет.

— Видите ли, музей только организуется, — пояснил встретивший нас на пороге человек, зажигая шахтерскую лампу.

Мы познакомились. Это оказался

мир, кроме Афин; грандиозное наводнение навсегда скрыло Атлантиду под водой».

Египетские жрецы, как рассказывает Платон в своих диалогах, поведали афинскому правителю Солону, посетившему Египет, о происшедшей в незапамятные времена войне его соотечественников с атлантами, жителями острова Атлантида. Остров этот располагался якобы за Геркулесовыми столбами. Он славился богатством и красотой. Атланты построили на нем великолепные города, мосты. В центре острова стоял дворец Атласа, сына бога Посейдона. Вокруг кольцами чередовались гавани и зоны суши. Гавани соединялись между собой и с открытым морем радиальным каналом.

За девять тысяч лет до нашей эры народ атлантов потерпел поражение в войне с более могущественными афинянами. Сам же остров исчез навсегда в пучинах океана.

Опираясь на описание Платона, исследователи пытались выяснить точное местонахождение страны и причины ее гибели. Большинство искало Атлантиду в Атлантическом океане. Предположения археологов как будто подтверждались геологическими данными, которые указывали на то, что в северной части Атлантического океана существовал когда-то крупный континент, позднее оказавшийся на дне моря. Правда, большинство геологов считает, что произошло это еще в третичном периоде, до появления человека, но некоторые

из них допускают вероятность геологической катастрофы здесь в более позднее — четвертичное время, уже на памяти древних народов. Словом, наиболее вероятной версией считалась та, которая утверждала, что Атлантида лежала за Гибралтарским проливом.

Поэтому новая версия о местонахождении Атлантиды, выдвинутая А. Г. Галанопулосом, кажется неожиданной. В чем же она состоит?

Не так давно при исследовании вулканического острова Санторина выяснилось, что около 3 400 лет назад, то есть примерно за полтора тысячелетия до нашей эры, здесь произошла крупнейшая катастрофа. При извержении вулкана поверхность острова оказалась под слоем лавы в два десятка метров толщиной. Внутри вулкана образовалась пустота, и лишенная поддержки кровля рухнула. Центральная часть острова, занимавшая площадь в несколько десятков километров, превратилась в гигантскую кальдеру — ту самую лагуну, в которой бросил якорь наш корабль.

Санторинская катастрофа была в четыре раза большей, чем, скажем, взрыв известного вулкана Кракатау

в Зондском проливе (27 августа 1883 года), надолго оставшийся в памяти человечества. Гигантские волны — цунами, образовавшиеся при извержении Кракатау, несколько раз обошли вокруг всего земного шара. Трудно даже представить себе, какой размер имели волны, возникшие при санторинской катастрофе, и какие разрушения принесли они средиземноморским побережьям. Известно, например, что все города, порты и поселки на северном и восточном берегах острова Крита, расположенного к югу от Санторина, были сметены огромными волнами примерно за 1 500 лет до нашей эры.

Извержение вулкана, обвал центральной части острова и цунами — все эти факты, установленные научным путем, оказываются тесно связанными с преданиями об Атлантиде.

Находят греческие ученые подтверждение своей версии и у Платона. Доктор Трикалинос доказал, что формы и размеры Атлантиды, как они описаны древним философом, в точности совпадают с очертаниями и размерами Санторина. Следы существовавших в ту пору каналов и гаваней даже сейчас ясно различимы на дне кальдеры. Что же касается заморских владений атлантов, о которых пишет Платон, то похоже, что речь идет о Крите. Близость Атлантиды к Греции подкрепляется и тем фактом, что атланты почитали Посейдона — бога, неизвестного за пределами Греции и ее колоний.

Наконец опускание суши в течение «одного дня и одной ночи» (как описывает катастрофу Платон) могло произойти в небольшом масштабе лишь при оползне или извержении. Теперь о «разночтениях» с Платоном.

«Завышение» им размеров затопленного морем суши вполне естественно, катастрофа и без того была немалой. Весьма вероятно также, что мощь страны атлантов возвеличивалась, чтобы подчеркнуть значение победы, одержанной над ними войсками древних Афин.

Сложнее обстоит вопрос с расхождением во времени.

У Платона сказано, что предание было записано египетскими жрецами через 1 000 лет после гибели Атлантиды, а еще через 8 тысяч лет — во времена Солона — его узнали в древней Греции.

Но в Атлантиде была распространена бронза. А по современным данным археологии, бронзовый век относится к временам 2 100—1 200 до н. э. Вполне вероятно, что здесь просто «описка» на один порядок в числах при переводе с египетского на греческий язык. Если все приводимые Платоном цифры уменьшить в десять раз, то хронология приходит в полное взаимное соответствие: ведь по геологическим данным, санторинская катастрофа была примерно за 900 лет до правления Солона, то есть до VI века до н. э.

НОВАЯ ВЕРСИЯ О СТРАНЕ АТЛАНТОВ

ОСТРОВ, ПЕРЕЖИВШИЙ КАТАСТРОФУ

«ПЛАТОН МНЕ ДРУГ,

НО ИСТИНА ДОРОЖЕ»

известный греческий ученый А. Г. Галанопулос.

С увлечением рассказывал он нам о древней эллинской культуре. В конце визита, как бы в награду за наш неподдельный интерес к музею, ученый показал нам редкие экспонаты, хранящиеся в подвалах музея, — прекрасно сохранившиеся керамические амфоры, сделанные руками людей, несколько тысячелетий назад населявших этот остров.

Мы попросили ученого рассказать подробнее об истории Санторина. То, что мы услышали, удивило нас. Оказалось, что с этим маленьким островком, затерянным в просторах Эгейского моря, связана тысячелетняя загадка — миф об исчезнувшей Атлантиде, богатой и могучей стране атлантов.

***

Открыв энциклопедический справочник, мы обнаружили там следующие сведения;

«Атлантида — легендарный остров в Атлантическом океане, о котором Платон говорит в диалогах «Тимей» и «Критий». Согласно сказанию Атлантида была могущественным государством, завоевавшим почти весь

И, наконец, последний и весьма существенный вопрос: почему Платон поместил Атлантиду в Атлантическом океане? По мнению греческих археологов, тут возможны два объяснения. Во-первых, местоположение страны могло быть сознательно вынесено в неизвестные в то время районы земного шара для придания всей истории большей таинственности и увлекательности. Во-вторых, здесь опять же могла произойти некоторая путаница. Платон нигде прямо не указывает, что остров Атлантида находился в Атлантическом океане, а говорит, что он был «за Геркулесовыми столбами». Не исключено, что тут имеется в виду не Гибралтар, а совсем другие столбы; возможно, речь идет о двух южных полуостровах Пелопоннеса, являющегося, по преданию, основной «ареной деятельности» Геркулеса.

Итак, много фактов, собранных археологами и геологами, позволили греческим ученым сделать вывод, что остров Санторин — это все, что осталось от некогда великой Атлантиды. Конечно, самое веское слово еще скажут археологические раскопки.

Правда, к сожалению, раскопки на Санторине — дело не настоящего времени и даже не ближайшего будущего. Практически еще ничего не сделано: маловато средств. Но археологи надеются, что найдут все

Корвет Миклухо-Маклая добирался до берегов Новой Гвинеи почти год.

Время сократило расстояния, сделало далекое близким. Только не-ренести пассажира из морозной Москвы на землю Республики Индонезии.

Много книг написано об этой удивительной стране. Но интерес к ней огромен. С жадной любознательностью встречаешь каждую книгу о народе, который совсем недавно обрел независимость и теперь строит новую жизнь.

Автор этой книги не один год провел в Индонезии. Он пишет о том, что хорошо знает. Автор рассказывает о своих беседах с простыми людьми, чиновниками, губернаторами, политическими деятелями.

Н. Александров знакомит читателей с историей борьбы индонезийского народа, рассказывает о борцах за правое дело — о Паттимуре и Дипонегоро — и о тех, кто сегодня бережет завоевания революции.

Лиричны строки, где говорится о неповторимой, сказочной природе индонезийских островов, о разных городах страны, о том братском чувстве, которое питают индонезийцы к нашей стране.

Автор интересно строит повествование: среди очерков, посвященных отдельным городам и островам страны, встречаются миниатюры, зарисовки. Здесь и лиричная новелла «Цветок красной орхидеи» и полемичная зарисовка «Портрет», репортаж «Встреча с молодежью», путевой очерк «Поездка на Бали». Разнообразие жанров помогает автору широко, многообразно показать страну, ставшую на независимый путь развития, обычаи и традиции индонезийцев.

А. ВИНОГРАДОВ

¹ Н. Александров, Морями теплыми омытая. Географгиз, 1963.

же поддержку и загадка жизни и гибели древней страны, наконец, разрешится.

Раскопки будут трудными — ведь древнее царство покинута под тридцатиметровым слоем лавы. Но весьма вероятно, что именно этот слой и помог сохранить строения и утварь атлантов от разрушительного действия времени. Такие примеры

знает история. Достаточно вспомнить хотя бы Помпеи и Геркуланум.

***

Вот с такой увлекательной историей нам пришлось познакомиться во время пребывания на Санторине. С нетерпением мы ждем ее окончания.

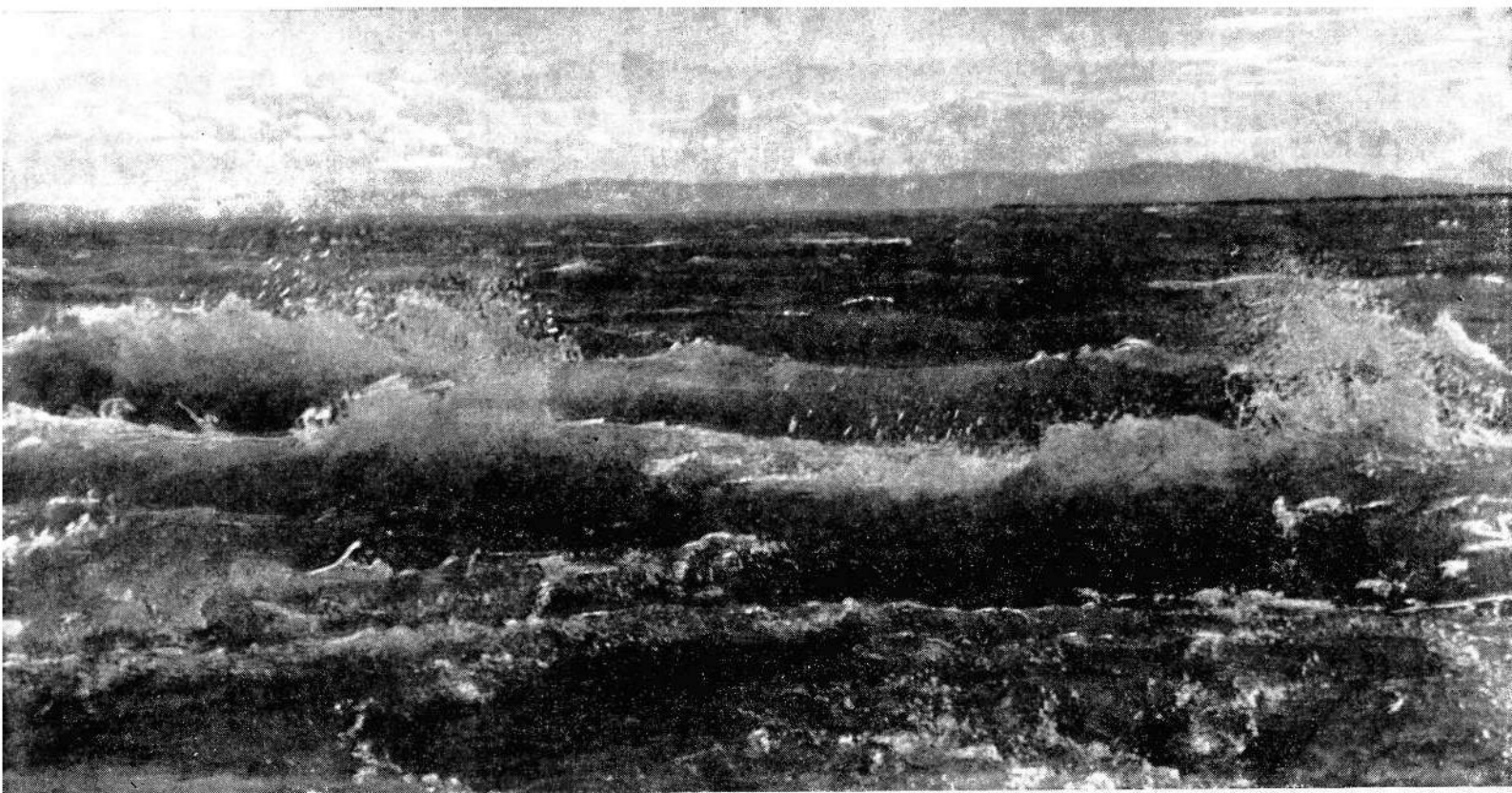
До свидания, Атлантида?

ФОТОКОНКУРС

ВОКРУГ СВЕТА

Это не штормовое море. Это амурские волны. От Забайкалья через таежные дебри, горные кряжи, равнины, мимо дальневосточных городов и сел стремится к Тихому океану могучая река.

Фото В. ЧЕРЕПАНОВА, Хабаровск

№2 6 ИЮНЬ 1964

СОДЕРЖАНИЕ

Л. ФИЛИМОНОВ — Градобои	2
Норвегия — рядом	8
ЮРИЙ ТАРСКИЙ — Последний взрыв	10
Е. ДЕНИСОВ — Среди холмов Раджастан	14
ЖАК-ИВ КУСТО — Золотые змеи	17
Е. ПЛАХИН — Две встречи с Кусто	18
РАФАЛ МАЧЕЕВСКИЙ — В пещере Гуачаро	21
Д. БИЛЕНКИН — Обманчивая планета	28
Новости из прошлого	31
Н. НЕМНОНОВ, В. КУДРЯШОВ — Байбачья степь	32
А. ТАРАН — Сливен — град легендарный	33
Н. ХОХЛОВ — Большой сухой сезон	36
ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ — Комариный яд. Лучшая в мире ловля радужной форели	38
С. ЯМЩИКОВ — Рассказ о том, как заговорил древний папирус, как «сшили» рубашку Федора Годунова, как был найден самый ранний портрет Петра I, и о многих других возвращенных к жизни сокровищах	42
М. ДЕМИН — Таяжная нефть	46
И. МОЖЕЙКО — Дорога нам знакома	50
Юмор	53
Пестрый мир	54
В. КУЗНЕЦОВ, Е. ПЛАХИН — А если это Атлантида?	56
Фотоконкурс	58
А. АЛДАН-СЕМЕНОВ — Путешествие к Небесным горам	59
Сказки, притчи и пословицы баквири	62

Главный редактор **В. С. САПАРИН**

Члены редакционной коллегии: **В. И. АККУРАТОВ, Е. Н. ВАСИЛЬЕВА, И. М. ЗАБЕЛИН, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, Л. Д. ПЛАТОВ, Ю. А. ПОПОВ** (заместитель главного редактора), **П. Н. РЕШЕТОВ, Ю. Б. САВЕНКОВ** (ответственный секретарь), **А. И. СОЛОВЬЕВ, В. С. ЧЕРНЕЦОВ, В. М. ЧИЧКОВ.**

Оформление **В. Чернецова** и **Т. Гороховской**

Рукописи не возвращаются.

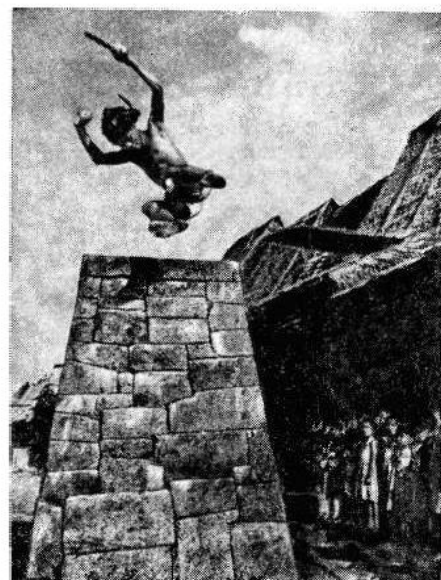
Технический редактор **А. Бугрова**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Сушевская, 21. Телефоны: для справок — Д 1-1 5-00, доб. 2-29; отделы «Наша Родина» — 2-68; иностранный — 2-85; 3-58; литературы — 3-93; науки — 3-38; иллюстрации — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

А05337. Подп. к печ. 14/V 1964 г. Печ. л. 8,5 (8,5). Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 300 000 экз. Заказ 612. Цена 60 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сушевская, 21.

На первой странице обложки:

ИНДОНЕЗИЯ. Ниас — небольшой гористый остров к западу от Суматры. В старину, прежде чем называться мужчиной, ниасский юноша должен был сдать экзамены на «звание воина». Одно из испытаний — прыжок через двухметровую каменную пирамиду с мечом в одной руке и с факелом — в другой. В наши дни для ниасских мальчиков этот виртуозный прыжок стал просто спортивным развлечением.

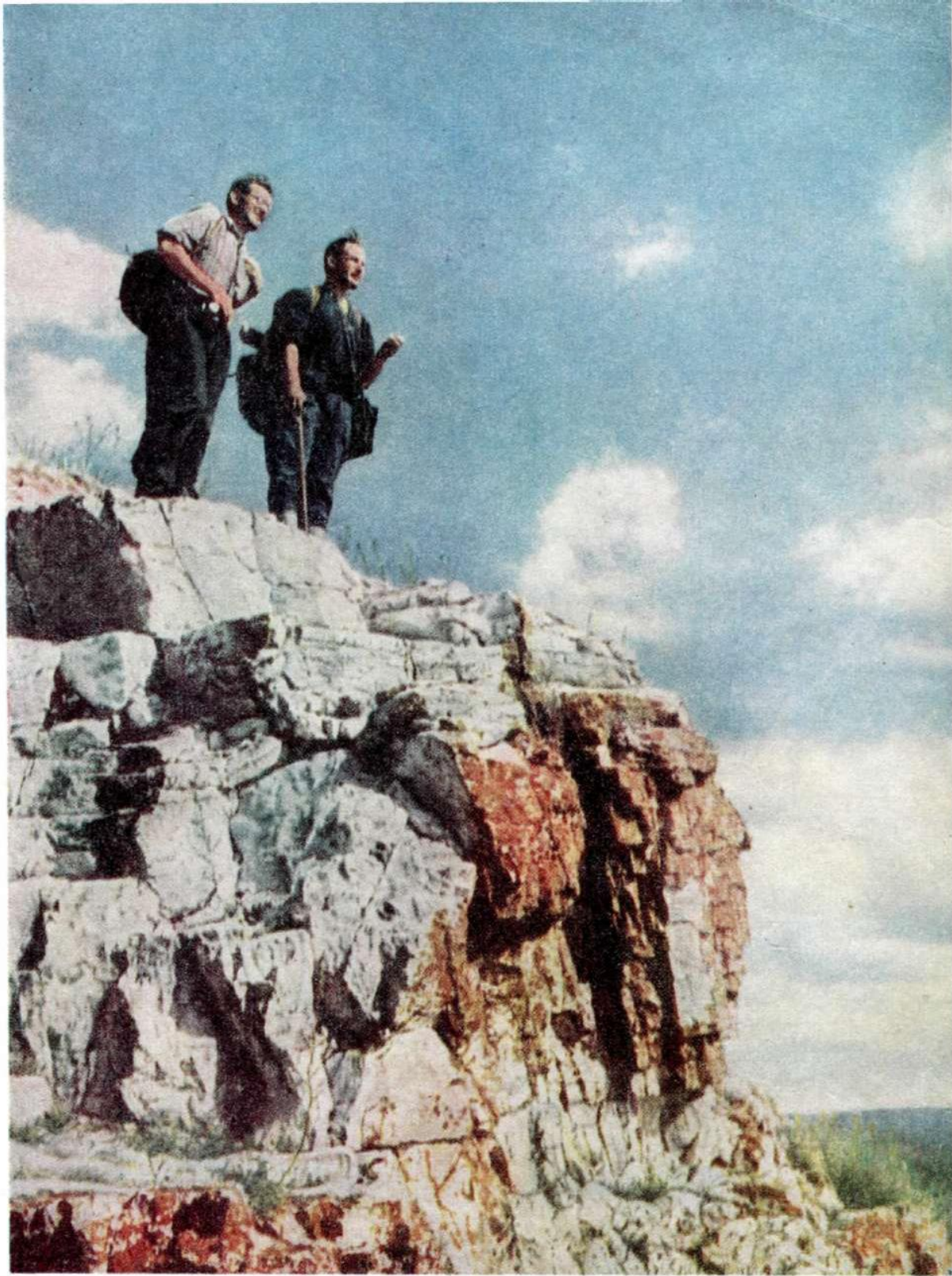
На третьей странице обложки:

КОЛУМБИЯ. Высоко в Андах, между снежными вершинами, среди хаоса диких скал, где гнездятся гигантские кондоры, проходит древний караванный путь индейцев. Местами мощенная громадными каменными плитами тропа достигает ширины трех метров, а кое-где и десяти. «Дорога предков» была проложена задолго до испанского нашествия, но и сейчас индейцы пользуются ею для доставки грузов в горные селения.

ВОКРУГ **СВЕТА**

5 1962
МАЙ

ДВЕ ЖЕЛТЫЕ ПАПКИ

есня была знакомая: «Много разных кладов зарыто под северным льдом, не споткнись о Полярный круг, добираясь до них».

Алексей вполголоса бубнил слова старой экспедиционной песни. Черт бы побрал, меня даже это раздражало. Мы совсем не ложились спать в эту ночь. Мы решали сейчас наше сугубо личное дело, и я не помню, с каких пор повелось так, что каждый раз, прежде чем принять важное решение, мы уходили на наше особое место. Было такое удобное место невдалеке от поселка, там, где береговой обрыв переходил в кочковатую россыпь тундры и море плескалось в десяти метрах от входа в избушку.

— Так что будем делать? — в двухтысячный раз спросил меня Старик. Алексея все почему-то звали Стариком, и это подходило к нему лучше любого имени.

— Давай будем думать, — ответил я в две тысячи первый раз.

НЕ СПОТКНИСЬ

ОЛЕГ КУБАЕВ

Рисунки А. ГУСЕВА
и В. НЕМУХИНА

о Полярный круг!

Перед тем как спуститься к дому, Старик остановился поправить крепление на лыже. Несколько куропаток, обладавших при жизни замедленной реакцией, коченели в связке. Вечер делал снег синим, а камень на вершине — черным. Старик достал бутерброды. Они были завернуты в цветные отписки фотографий из какого-то журнала. На фотографиях были пальмы, черные большеглазые ребятишки, лодки-сампаны. Мы долго рассматривали их, фотографии наводили на всякие мысли.

На три километра разлилась Ангара. На глади реки чуть заметен маленький катерок — это наш «Изыскатель».

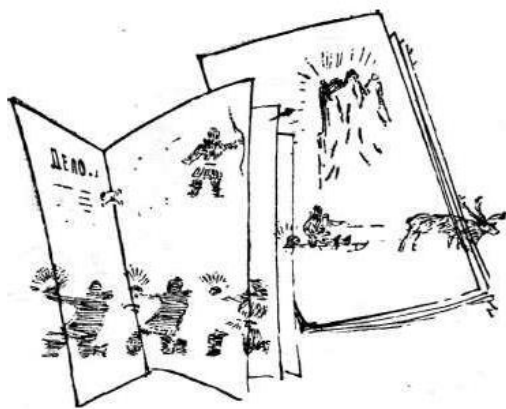
Фото Н. НЕМНОВА

— А знаешь... — сказал Старик.

— Знаю, — ответил я.

И мы начали разговор, который долго уже обдумывали каждый отдельно. Мы живем на Чукотке. Я геолог, то есть бродяга по профессии, Старик — бродяга по увлечению. Геологи видят мир — это лицевая сторона медали, но они не всегда идут туда, куда хочется. План есть план, и маршруты заранее жестко проложены по карте. Будет отпуск, и мы обязательно закрутим маршрут «поперек Чукотки», такой, какой нам захочется. Из всех синих сопок мы выберем самые синие, из голубых рек — самые нехоженые. У нас будет медаль без оборотной стороны.

Только потом я понял, что в тот вечер мы рассуждали как наивные младенцы. «Брести куда глаза глядят». Мы энергично разрабатывали варись ты. Один был лучше другого, и все походили на

перевернутые косточки домино: угадай, который нужнее. Нужна была цель. Наша идея стала здорово напоминать мыльный пузырь. Она отливала всеми цветами радуги и... висела в воздухе. Трагическая судьба мыльных пузырей была нам известна еще по опыту далекого детства.

...Две желтые папки попались мне на глаза случайно. Я прочел их содержимое взахлеб и, только перевернув последнюю страницу, заметил с удивлением, что переплеты у папок не из потемневшей кожи с бронзой, а из обыкновенных скоросшивателей и что нет в них истлевших пергаментов и карт с нарисованными от руки человечками. Вторая половина XX века неумолимо смотрела на меня входящими номерами писем и загогулинами резолюций. Содержание папок, однако, искупало все. «Дело №» — было напечатано на желтом картоне, а поперек шли карандашные надписи: «Переписка с заявителем Уваровым В. Ф.» на одной и «Переписка с заявителем Баскиным С. И.» — на другой. Стало до чертиков ясно, что именно в этих папках лежит плоть и кровь нашей идеи. Эпоха мыльных пузырей кончилась.

Мы изучали содержимое папок днем и ночью. Особенно приятно было изучать их ночью, когда снег переставал скрипеть за окнами и мыши начинали нагло шебаршить за обоями. Настольная лампа с понимающим видом заглядывала в бумаги, двустовки на стене хранили безучастное молчание... Переписка с заявителем Баскиным и переписка с заявителем Уваровым. Очень все это было интересно.

ДВЕ НЕВЕРОЯТНЫЕ ИСТОРИИ

Папка с «делом Уварова» старшая по возрасту. Основу ее составляет первое объемистое письмо Уварова, все остальное только дополняет, уточняет и... запутывает.

В 1930 году Василий Федорович Уваров приехал на Чукотку в качестве одного из уполномоченных акционерного Камчатского общества. Должность его звучала для Чукотки несколько иронически — «лесозаготовитель». В погоне за редкими островными лесами Уварову приходилось довольно много ездить по Анадырю и его притокам и постоянно сталкиваться с местным населением. Необходимо помнить, что это были годы, когда советизация полуострова практически еще только начиналась. Вдоль берегов беспрепятственно бродили контрабандные шхуны с американскими товарами, кулаки все еще хозяйничали в тундре. Область к востоку от Колымы на всех картах считалась если не «белым», то уж во всяком случае достаточно «серым» пятном. В одну из поездок Уваров услышал легенду о том, что среди хребтов Анадырского нагорья имеется гора, почти сплошь состоящая из самородного серебра. Гора

находится на небольшой речке Поповда, имеет незначительные размеры и носит название Пилахуэрти Нейка. Речка Поповда находится где-то в узле, сводящем вместе зерховья Анадыря, Анюя и Чауна. Уваров дал телеграмму в Москву начальнику Геолкома и получил ответ: «Достаньте образцы на наш счет». Однако предпринятая Уваровым экспедиция окончилась неудачей: в пургу он отбился от каюров, потерял снежные очки и чуть не ослеп. Позднее Уваров отказался лично участвовать в экспедиции и, выдав проводникам подарки, попросил их привезти образцы в Анадырь. Оленеводы обещали приурочить посещение горы к сезонному циклу перекочевков, однако ко времени их возвращения Уваров вынужден был покинуть Чукотку и больше туда не возвращался.

Письмо было составлено как увлекательная кладоискательская история, с легким запахом блаженных времен колытов, квадратных челюстей и таинственных злодеев в масках. Уваров собрал сведения о том, как при Александре III была сделана попытка заплатить чукотским серебром ясак, в письме фигурируют «чукотский король» Шитиков (кстати, историческая личность), канадец Шмидт, пытавшийся добывать серебро в компании с одной американкой, и много других, не менее экзотических личностей. В целом оставалось впечатление заманчивой, но малодостоверной истории. Правда, мы знали, что указанный Уваровым район и по настоящее время был охвачен лишь рекогносцировочной геологической съемкой, при которой даже «валяющееся на поверхности» месторождение могло, вообще говоря, остаться незамеченным. Но вряд ли это было так. Скорее всего, основанием для возникновения легенды послужило одно из месторождений отдаленно похожих на серебро минералов: антимонита или галенита. Они, кажется, встречались в указанном Уваровым районе довольно часто. Остальное же можно было отнести за счет времени и воображения.

Но тут на сцену выступает вторая папка. Кандидат исторических наук Баскин обратил внимание на часто упоминаемые в записках землепроходцев слухи о серебре где-то к востоку от Колымы.

Это была уже своя, не менее увлекательная для любителей старины повесть. Знаменитые землепроходцы Елисей Буза и Лавр Кайгородец, Пончик Иванова и Иван Ерастов. Таинственное племя наттов, неизвестные сейчас названия рек, показания аманатов князя Шенкодея и шаманов Порочи и Билгея, племя «писаных рож», то есть людей с татуированными лицами, рассказы о неведомом яре, откуда серебро свисает «соплями», а сбивают его стрелами с костяными наконечниками. Все это было когда-то задокументировано, и мы сами могли убедиться в этом, достав сборник с опубликованными актами времен землепроходцев. Очевидно, удалым покорителям Сибири не пришлось в свое время найти серебро, и слухи о нем были забыты. Баскин не пожалел трудов и заново собрал и сгруппировал все древние сведения. По

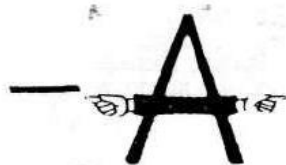
его мнению, серебро должно находиться в долине реки Баранихи, расположенной между Чауном и Колымой. Однако отправленный по этой заявке отряд не нашел ни грамма серебра.

Для нас важно было другое. Важно было то, что это было второе и независимое упоминание о залежах серебра в месте, близком к указанному Уваровым, и то, что здесь уже речь шла о реальном, увиденном в ушах и на одежде юкагиров серебре. Трудно поверить, чтобы землепроходцы спутали этот металл с каким-то другим.

Итак, снова серебро и снова в том же районе. Два независимых источника.

„НЕ ТОТ НОНЕ ПОШЕЛ РОМАНТИК...

ведь раньше люди тоже слегка привирали, — сказал Старик.

— Даже больше, чем теперь, — тоненько поддакнул я.

Итогом прогулочной сессии явился конкретный план экспедиции. Мы понимали: одно только содержимое папок, давность времени, неизбежные искажения в передаче информации, разногласия старых и современных названий рек — все это может привести к далеко ошибочным выводам.

Мы обратили внимание на то, что в качестве ориентира, близкого к горе, Уваров указывает озеро, «постоянно покрытое какой-то нетающей окисью». Возможно, Уваров просто не понял, что в данном случае речь шла об озере, постоянно покрытом льдом. Тогда это, несомненно, Эльгытгын, высокогорное нетающее озеро, как раз расположенное там, где сходятся верховья Анадыря, Чауна, Анюя и Баранихи, то есть всех связанных с серебряной загадкой рек.

Мы учли также, что трудно самостоятельной группой рассчитывать за короткое время обследовать обширный, в тысячи квадратных километров, горный район. Гораздо целесообразнее на первом этапе уделить время расспросу населения. Из нашего поселка вверх по Чауну, потом в район озера Эльгытгын, потом вниз по Анадырю — таков и будет маршрут «поперек всей Чукотки».

Личный состав экспедиции сформировался с подозрительной быстротой. Были два журналиста, призванные увековечить наши дела на страницах центральной и местной прессы, был старый товарищ по работе в геологических партиях, был знающий чукотский язык работник из красной яранги, но самой колоритной фигурой, конечно, оставался Старик. Он действительно был старше всех нас по возрасту. Зимовал на Тикси, был снайпером во времена Халхин-Гола, семь лет бродил по степям Монголии, остальное время делил между Москвой и Памиром, пока тревожный ветер приключений не занес его на Чукотку. Старик — кадровый военный, вторая его специальность — охота. Мы потихоньку завидовали его ста восьмидесяти сантиметрам и прямой, как лыжная палка, фигуре.

Вокруг центральной группы, как это бывает всегда и везде, крутилась легковесная оболочка болельщиков. Они давали советы, иронизировали и, разумеется, по долгу службы, играли в прокаленных жизнью скептиков. Это была старая как мир форма замаскированной зависти.

Мы сидели с картами и логарифмическими линейками. Цифры и бормотание висели в прокуренном воздухе. Все очень напоминало бухгалтерию в священные дни годового баланса. Только вместо сальдо и дебета фигурировали граммы масла, количество портянок и патронов, километры, пачки сухого спирта и неясные предпосылки типа «кто сколько упрет на спине».

Однако объективная реальность, как всемогущий ревизор-контролер, быстро вмешалась в нашу бухгалтерию. Один из журналистов круто пошел вверх по службе, но с условием, что он и заикаться не будет об отпуске, другой безнадежно застрял с экзаменами, в далеком Хабаровске. Работнику красной яранги жена решила подарить сына

именно в намеченное для экспедиции время, старый «боевой товарищ» неожиданно оказался на Колыме и там продолжал служить геологии. Между прочим, именно он должен был привести из Магадана часть груза, в том числе и необходимые резиновые лодки. Был май. К концу июня телеграммы на Колыму стали составлять главную часть наших расходов. В начале июля стало ясно, что ждать больше нет смысла. И снова, одинокие, мы побрели в нашу избушку, чтобы взвесить создавшееся положение.

Было совершенно ясно, что осилить вдвоем такой маршрут по Чукотке будет невозможно. Мы не Геркулесы, и больше чем по тридцать килограммов нам не унести.

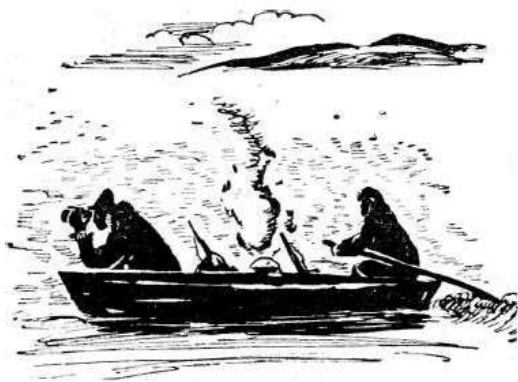
Самым разумным было купить лодку, добраться на ней до устья Чауна и по мере сил — своих и мотора — подняться вверх, а там уже пешком идти на озеро Эльгытгын. Полный же маршрут оставить до более удачных времен.

...Разыскать лодку оказалось не так просто, хотя, правда, бесчисленный любительский флот прямо-таки усеивал берега Чаунской губы. Моторы с марками всех заводов мира ревели в бухте днем и ночью. Топоры стучали на самодельных верфях. Однако в большинстве случаев это были легкие и ненадежные плоскодонки, а нам нужна была лодка более солидная и недорогая.

«Солидная шхуна» нашлась лишь на пятый день. Корпус ее был, увы, сделан из фанеры и промасленного брезента, зато в основании лежали настоящие морские шпангоуты, снятые с разбитой шлюпки, и при одном взгляде на ее обводы хотелось писать стихи. Был у «шхуны» и мотор. К сожалению, после первого осмотра стало ясно, что эта проржавевшая смесь велосипеда, самовара и тракторного дизеля годится только на якорь.

Пустив в ход самые невероятные связи, Старик раздобыл совсем новый стационарный моторчик с одним цилиндром. Залихватский вид «малыша»

сразу же внушал симпатию, а толстая пачка инструкций — и уважение.

— Стационарные моторы лучше подвесных, они здорово тянут, — сказал Старик.

— А знаешь, как их удобно ремонтировать дорогой, — сказал я.

Потом мы стали листать инструкции. В первый же вечер мы познакомились с бывшими до этого вне сферы нашего сознания понятиями: «жесткий Фундамент», «вынос винта», «центровка вала».

Корабли приходили в поселок один за другим. По временам светило солнце, временами шел снег, штили сменялись штормами, а мы сутками копались на морском берегу, подгоняя центровку вала, соображая, как и где поместить выхлопную трубу, как сделать на фанере и брезенте «жесткий фундамент». Я молча тосковал по знакомым, капризным, но все равно милым подвесным моторам.

Никогда бы не подумал, что в одном поселке может быть столько досужих специалистов по центровке вала и установке стационарных двигателей. Говорят, что Эрик Бишоп, доведенный болельщиками до отчаяния, повесил над верфью, где соорудил его знаменитый плот, плакат: «Не тратьте время, пытайтесь убедить нас, что мы сумасшедшие. Мы сами это знаем». Мне хотелось вывесить табличку с другим воплем: «Не покупайте стационарных моторов!»

ВЕЛИКИЙ ЧАУН

Чаунская губа похожа на зазубрину, выбитую в широком клине Чукотского полуострова. С востока губу обрезают скалы Шелагского мыса, на западе отделяет ее от моря приплюснутый блин острова Айон. Названия эти знакомы еще со студенческих лет по книгам о полярных путешествиях. Хмурые берега Чаунской губы видели гибель первого из дежневских кочей и смерть Никиты Шалаурова, собачьи упряжки Биллингса и Врангеля, зимовавшую здесь шхуну Амундсена.

С юга к губе примыкает Чаунская долина. Она прорезана реками, забита мерзлотными холмами, озерами, кочками и пологими глыбами увалов. Чаунская долина — это заполярный рай для птиц, оленей и комаров. На линию морского побережья

редкими четками нанизаны землянки охотников и рыбаков.

Наша лодка называется ласково и просто — «Чукчанка». Когда во всем поселке не спали только шоферы да крановщики, когда болельщики, обдумав на сон грядущий утренние остроты по нашему адресу, уткнулись в подушки, мы наконец-то взяли курс на юг. Любопытные от безделья, обожравшиеся чайки кружили над нами.

Я с удовольствием наблюдаю за Стариком. Старик — бывалый морской волк, вот кто он такой. Тельняшка выглядывает из-под полушубка, меж колен стоит готовая отразить нападение любого агрессора винтовка. Старик ведет лодку, Старик «озирает» в бинокль пейзажи, при помощи мокрого пальца Старик делает прогнозы погоды и ветров на ближайшее полугодие. Для полноты мироощущения ему явно не хватает лотии, секстанта и черных пиратских парусов на горизонте. Желтое чукотское солнце с благодушной иронией смотрит на нас, на западе светлыми миражами белеют льды. От нечего делать я копаюсь в мешках со снаряжением, шью парус (мачту мы прихватили с собой) и, чертыхнувшись по адресу сдавших окопы журналистов, заполняю дневник. Для потомков.

Гоняем чай. Чукчи-зверобой обычно оборудуют на своих вельботах закрытое от ветра место для примуса. У нас примуса нет. Выход находится так: поперек лодки кладется весло, на весло вешается ведро, до половины наполненное морской водой, в ведре плавает банка с бензином, сверху к этому сооружению подвешивается чайник. Прежде чем войти в устье Чауна, нам надо побывать у старого приятеля Василия Тумлука.

Тумлук — охотник. Два года назад я проходил под его руководством курс вождения собачьей упряжки и курс весенней охоты на гусей. На это лето Тумлуку присвоен почетный титул поставщика кухлянок и меховых штанов для экспедиции. Это вместо полушубков и спальных мешков, вместо плащей и телогреек.

Мне всегда нравилась тумлуковская манера встречать гостей. Строгости ритуала при этом мог бы позавидовать английский королевский двор.

Вася с независимым видом прогуливается по берегу и пинает полегоньку всякую плавниковую мелочь. На нем торжественно пламенеет новая кухлянка, и специальная, «выходная», двустволка висит за спиной. Будто человек вышел прогуляться по улице Горького «при фотоаппарате». Стук мотора он услышал, конечно, за час до нашего появления, но теперь Вася словно не слышит и не видит нашей лодки. Он смотрит на горизонт, на небо, себе под ноги, куда угодно, только не на лодку. Так уж положено по ритуалу. И только когда лодочный нос врзается в песок в нескольких метрах от него, он с удивлением оглядывается на

приезжих: «А, это вы!» Ей-богу, квартирного соседа мы встречаем по утрам с большими удивлением. После этого положено поговорить на всякие посторонние темы, и лишь потом Вася между делом предлагает пройти к избушке и выпить чаю.

До избышки сто метров, и мы знаем, что чай давно уже стоит на столе, что хлеб нарезан и куски всевозможной рыбы лежат рядом. Но ритуал есть ритуал.

Я много раз описывал Старика эту церемонию и побаивался, как бы бес непостоянства не овладел на этот раз старым чукотским охотником.

Ритуал благополучно завершен. Темы о запуске человека в космос, о прогнозах песчовой охоты и семейном положении общих знакомых исчерпаны полностью. Преисполненные торжественной важности, мы шагаем к избышке.

За столом до отвала наелись гусей и уничтожили страшное количество рыбы. Вяленый голец — фирменное блюдо этой земли. Кирпичный чай темным выдержанным янтарем разливается в чашки. Хорошо лежать на шкуре прямо на улице. Собаки по очереди деликатно подходят, чтобы отрекомендовать и лизнуть щеку. Светлые вечерние сумерки придвигают к нам синюю громаду Нейтлина.

Вася рассказывает легенду о корякском воине Нейтине, в честь которого названа гора. Мы слушаем с удовольствием.

«За горой Нейтин идут красные холмы Маранай. Они красны от крови погибших там воинов. Олени и сейчас щиплют ягель и спотыкаются о человеческие кости...»

Холмы Маранай красны от цвета слагающих их эффузивов. Но что из того? Зачем мешать людям выдумывать легенды...

В Старике, однако, просыпается кадровый военный.

- Неужто правда и сейчас кости?
- Правда.
- А луки, шлемы, всякие там панцири?
- Панцири надевают только труссы. Так говорили чукчи.

А ну их с этими войнами! Мирным холодом дышит на нас чукотская земля. Бормочут утки. Нейтин покрыт темными морщинами ложбин, манит к себе пропитанная миром зелень склонов. Там бродят медведи, бродят дикие олени, там просто растут незабудки.

Утром мы уходим. Старик похож на закованного в олений мех рыцаря Севера. Вася кидает в лодку рыбы пластины.

«Чукчанка» выходит в море, и волны милостиво принимают ее на сморщенные рябью ладони. Крохотная фигурка долго маячит на берегу. У меня чуть сжимается сердце. Это надо видеть и надо понять. Берег, закиданный плавником и водорослями, одинокая фигура человека, утки, избышка, собаки. Ласковая рыба и птичья земля.

Утки со свистом режут воздух. Ажурное дерево маяка на фоне белесого неба. Темные поплавки нерпичьих голов. Мы входим в устье Чауна. Две косы, заходящие одна за другую, как огромные челюсти змеи, скрывают его от моря.

...Здесь водится розовая чайка. Вероятно, каждый живший в Арктике слышал об этой необычной птице. Мечта каждого полярника — хоть раз в жизни увидеть розовую чайку. Долгое время эта птица была загадкой для орнитологов. О ней писала почти каждая полярная экспедиция, но никто не видал и не знал мест ее гнездовий. Только в 1902 году С. А. Батурлину удалось отыскать гнездовья розовой чайки в непроходимой Нижнеколымской низменности. Эти гиблые места во всех орнитологических справочниках упоминаются как единственное место гнездовий удивительной птицы. Но розовая чайка есть и на Чукотке.

Целый вечер мы бродили по усть-чаунским озерам. Мягко чавкала под ногами болотистая тундра, все так же близко стоял темный массив Нейтлина, ветер наносил запах гниющей осоки, водорослей и сырости. Маленькие острокрылые птицы металась вокруг нас с неуверенным криком. У розовой чайки робкий, изломанный, как у бабочки капустницы, полет, тихий голос. Определить ее окраску с воздуха довольно трудно, для этого надо чайку убить. Год назад мы так и сделали. Я смотрел на удивительный, розовый, как заря в Кара-Кумах, цвет перьев на груди, карминный клюв и лапки, темное кольцо на шее, голубые тени на спине и под крыльями, смотрел, как с тихим криком мечутся вокруг нас оставшиеся в живых, и дал себе слово никогда больше не стрелять в этих птиц. Хорошо иметь на письменном столе чучело розовой чайки, но лучшей памятью об Арктике будет та птица, что гнездится до сих пор на озерах Усть-Чауна.

ЗЕМЛЯ КУЛИКОВ, ПРОТОК И МАМОНТОВ

— а мясорубке, что ли, эту реку крутили? — ворчит Старик, в очередной раз перекладывая руль. Река петляет, как пуганный заяц. Уже около часа мы крутимся около одного и того же мерзлотного холма. Холм поворачивается к нам то одним, то другим боком, как кокетливая манекенщица, но упорно не желает удалиться.

Идиллическое плавание по стоячей воде кончилось. Мотор с трудом тянет против течения, река бросает навстречу перекаты, быстрины, кружит голову бесчисленными поворотами. Зеленая лента кустарника затопила Чаун.

Мы отдыхаем на галечниковых косах. Ощущение времени и пространства давно уже утеряно. Иногда кажется, что мы пристали к коренному берегу. Мы продираемся сквозь кустарник, чертыхаемся, ползем на четвереньках, и все для того, чтобы снова увидеть вперед воду. Остров! На той стороне тоже кусты, можно перейти протоку, пройти кусты и снова увидеть воду, и снова кусты на той стороне — так будет до тех пор, пока не появится опасение, что ты забыл обратную дорогу к лодке. Острова усыпаны заячьим пометом, искрешены птичьими лапами. Печальные крики невидимых журавлей висят в воздухе.

— Рыба! — кричит иногда Старик, и лодка утыкается носом в берег. Патентованное стальное уди-

лице и бесчисленное количество мушек извлекаются на свет. Уговаривать его плыть дальше бесполезно — у Старика трясутся руки и стекленеют глаза. Я ухожу осматривать очередной остров. Кулики встречают и провожают меня на отмелях. Я люблю этих хозяйственных и гостеприимных птах. Кулик пищит, крутится под ногами, пока не передаст меня с клюва на клюв хозяину еле-

дующего участка косы. После этого кулик замолкает и долго, стоя на одной лапке, смотрит вслед темным круглым глазом: уж не обидел ли я человека своим криком?

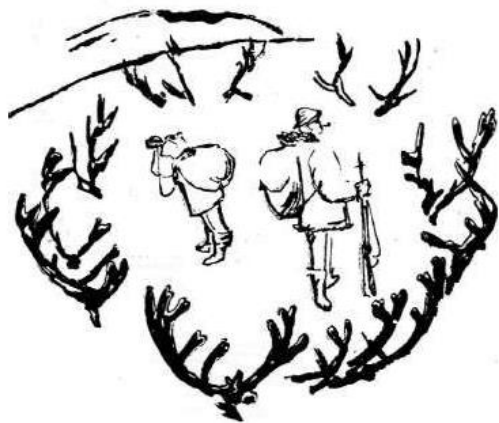
Старика можно разыскать только по торчащему из кустов удилищу. Я смотрю на предсмертную дрожь пойманных хариусов и деликатно напоминаю Старика, что у нас только два живота и не более шестидесяти зубов на двоих. В ответ слышится лишь легкий рык. Старик полон пафоса охоты. Приходится чуть не за шиворот уводить зарвавшегося рыболова.

Еще день. И этот этап плавания «приходит к логическому концу», как говорит Старик. Мы измотались на перекатах: «малыш» уже не жалуется, а просто плачет с надсадным воем, постоянно приходится пускать в ход шесты, встречное течение упруго пытается развернуть лодку, и надо прыгать в воду, чтобы удержать ее, винт стучит о камни. Уже осточертело выливать воду из сапог и выжимать штаны. Мы делаем последний переход.

Старик не спорит. Старик рвется «в пампасы», плыть с черепашьей скоростью ему тоже надоело. После ужина склоняемся над картой. Мы дошли до холмов Чаанай, скоро уже начнутся предгорья, до озера Эльгытгын около ста тридцати километров.

Перед тем как лечь спать, мы делаем короткую прогулку по холмам. Темным хрупким щепнем усыпаны их вершины. Ягель, бессильная травка, камень. Замшелыми холмиками оленьих рогов маячат могилы оленеводов. Оленевод должен быть похоронен наверху, чтобы видно было всю прорезанную жилами рек равнину. Багровым диском падает солнце... Комары, тишина, птичьи крики.

Мы засыпаем под ласковое похлопывание палаточного брезента. Последняя комфортабельная ночь. Вспоминаются книги людей, бродивших по

этим местам до нас Биллингс, Калининков, Сергей Владимирович Обручев. Хорошие были времена, когда быть путешественником являлось профессией. Два столетия назад людей здесь все изумляло: и «удивительной бесплодности и шероховатости земля», и кости мамонтов, которые не иначе «как жестокого естества были», потому как жили их владельцы на этой неуютной окраине земли.

Утром мы видим снег вперемешку с дождем. Вспоминаются слова одного небритого любителя афоризмов: «Погода на Чукотке что лотерейный выигрыш: номер совпал — серия не та; серия есть — номер не вышел».

Мокрые кусты безнадежно машут ветками, у корней синие полосы снега. Это Север, каким его любят кинорежиссеры и авторы приключенческих романов «с колоритом».

Мы уходим, согнувшись под рюкзаками, как невиданные горбатые птицы. Серая вода смотрит угрюмым затравленным волком. «Чукчанка» сиротливо темнеет в кустах. Среди галечниковых кос, мокрых веток и оловянной воды она кажется нам сразу и гостиницей со стильными рижскими «мебелями», и теплой кухней со всякими никелированными штучками, и ласковым мамкиным диваном.

Север, север! Только с этой минуты мы начинаем настоящий поход к серебряной горе.

«Много разных кладов зарыто под северным льдом, не споткнись о Полярный круг, добираясь до них...»

Споткнуться о Полярный круг — это значит просто сплеховать.

Кусты, пересохшие протоки, протоки с водой, кусты, острова... Острова временами похожи на запущенные футбольные поля. Вода Чауна, блуждая во время паводков, выгладила их.

Стиль переправ через протоки древен, как первобытный коллективизм. Мы обманываем судьбу ровно на пятьдесят процентов; раздеваемся и переносим друг друга по очереди.

Мы спим, втянув руки внутрь кухлянок и тесно прижавшись друг к другу. Светлая полярная ночь еще в силе. Огромной туманной змеей уходит на юг Чаун. Старик слегка похрапывает, я лежу с открытыми глазами.

— Пи-и, пи-и, — тоненько тянет в кустах птица. Я отлично знаю ее голос, ее зовут «птицей одиночек». Говорят, она является только в сумерки и только одиноким людям. Тонким равнодушным голосом толкует она человеку, что все на свете трын-трава и всякие другие штучки о бренности бытия.

С утра снова бредем по заросшим пушицей берегам. Белые головки пушицы делают тундру похожей на неряшливо убранное поле хлопка. Ноги проваливаются между кочками. Осклизлые линзы льда торчат в береговых обрывах. Там, где вода выела лед, над рекой нависают темные беззубые пасти пещер, трещины будущих обвалов змеятся между кочек. Любопытства ради в прежнее время мы заплывали в эти пещеры. Вода темными клубами уходит куда-то в промозглую ледяную сырость. Однажды на наших глазах рухнул такой многотонный потолок, чуть не прихлопнув резиновую лодку. С тех пор мы не рисковали заплывать в пещеры.

Линные гуси, отчаянно работая лапами, разбегаются по озерам или падают за кочки, наивно прикрыв глаза. Старик поднимает обветшавший мамонтовый клык. Клыки и окаменевшие стволы деревьев, как напоминание о временах давно минувших, могилы оленеводов, как памятник тоже минувших, но более близких времен, остатки костров, как следы совсем уж недавних дней. Мы шагаем как бы по старинной колыбели жизни.

Анадырское нагорье встречает нас мягкими очертаниями предгорных увалов. Синие, зеленые, красные потоки лавы, промывные ручьями, лежат равномерно и молчаливо, как огромные глыбы материи на огромном прилавке дяденьки бога. Древними замками громоздятся кекуры. Мы в последний раз оглядываемся на разбрызнувшийся в веере проток Чаун. В тихой дымке лежит плоский мир оленей, гусей, куликов и комаров. Мы входим в горы, и широкая долина Угаткина равнодушно проглатывает нас. Здесь нет гусей, мало зайцев. Чтобы вскипятить чай, приходится вдвоем собирать редкие веточки плавника.

Евражки отдают нам честь, стоя по команде «смирно». Я не биолог и не знаю, какие миграционные волны занесли сюда этих симпатичных зверюшек. Евражка гораздо меньше своего собрата — степного суслика — и живет характером. Пестрая глянцевиная шкурка и косые очаровательные глаза. Зверьки стоят, как крохотные неподвижные

изваяния, и только нервное подергивание хвоста выдает, что эти изваяния все же здорово трусят.

Мы располагаемся пить чай у сухого откоса. Из соседней норы выползает очередной косоглазый засоня. Несколько минут он верещит на всю долину, потом умолкает. Потом начинает меланхолично почесывать живот и голову, потом просто начинает грызть ближайшую травинку. После сна, знаете ли, неплохо закусить... Валай, братуха, кушай!

ДРУГ КИМКА С РАЗНЫМИ ГЛАЗАМИ

Вот оно! Оленье стадо разбрелось по склонам и издали похоже на драный черно-белый ковер. Легконогие темнолицые люди выходят нам навстречу. Мы радуемся встрече с людьми не меньше Робинзона.

Булькает в кастрюле суп из оленьего мяса. Разговор немногословен. Редкие камни фраз падают в гулкий омут молчания. Приходит бригадир. Он стар, угловат, морщинист. Голова по традиции выстрижена на макушке.

— Пилахуэрти Нейка? Нет, не слышал.

Молчание.

— А знаете, есть такая речка Кувет? — это уже к нам вопрос.

— Знаем, но это далеко, это не в ту сторону.

— Так вот там есть гора Пильгурти Кувейти Нейка. Это значит — горка, стоящая между трех рек, впадающих в реку Кувет. Понимаешь, три речки впадают в Кувет, а между ними одна горка. Ясно? Пастухи так объясняют друг другу.

Мы задумываемся. Созвучие полное и ясный перевод. У пастухов больше терминов для обозначения рельефа, чем у самых завзятых геоморфологов. Пильгурти Кувейти Нейка. Это далеко не в той стороне, но, может быть, около Эльгытгына есть своя речка Кувет? Куветов на Чукотке много.

В стаде какое-то событие. Пастухи уходят один за другим. С нами остается только пес Кимка.

Из всего великого многообразия собачьих пород я раз и навсегда отдал свое сердце чукотской оленегонной лайке. Для Старика тоже не существует

других псов, будь они величиной со среднего льва или с крупную мышь. Маленькие остромордые черно-белые лайки. У них крупные головы мыслителей и большие грустные глаза. У Кимки глаза почему-то разного цвета: один голубой, другой коричневый. Я даю ему кусок мяса. Кимка призначительно смотрит на меня голубым глазом и деликатно берет мясо из рук. Кимка не убегает, чтобы жадно давиться им в одиночестве, совсем нет. Он кладет мясо рядом на траву и не спеша съедает его маленькими кусочками. У него вид обедневшего аристократа, которого угостили устрицами с шампанским. Покончив с мясом, Кимка долго и с осуждением смотрит коричневым глазом на Старика, который не дал ему ничего.

Впопыхах кто-то оставил на брезенте кусок моржового клыка и недоделанную фигурку оленя. Олень прост, очевидно, даже в доделанном виде он не будет поражать глаз филигранной техникой резьбы, как, например, поражают его работы уэленских косторезов. Но в нем есть главное — стремительная душа оленя. Я не могу понять, в чем это выражается: рога чуть намечены, ноги грубы, но это не корова, не белый медведь, это олень. Я размышляю над загадкой чукотского примитива, комары с посадочным писком приземляются на шею и руки, пес Кимка размышляет, глядя на меня. Качаются белые головки пушицы, теплом веет от нагретого брезента палатки, Старик тянет сквозь зубы тягучий мотив. Это и есть Чукотка. А может быть, это просто радость жизни...

Мы проговорили почти всю ночь. Пастухи вместе с нами строят возможные варианты поисков серебряной горы. К сожалению, сами они не слыхали ни о чем подобном, хотя каждый год бывают на озере. Сейчас в районе Эльгытгына никого нет. Взамен нам сообщают координаты легендарно знаменитого Красного Камня, чего-то вроде старого жертвенного центра для всей Чукотки, рассказывают о покрытых шерстью останках какого-то зверя, найденных в обрыве одного из озер, и кучу других историй. Мы слышим даже историю о местном снежном человеке. Что это: отголоски газетных сенсаций или самостоятельная версия?

Я люблю бывать в верховьях тундровых рек. Все здесь выглядит меньше обычного: узки долины, мелки и прозрачны протоки, мал кусок неба над головой. Осока, ягель, бесконечные вороха осыпей. Мертвое царство камня и ветра. Через два перехода мы увидим Эльгытгын. Вспоминаются слова одного из пастухов:

— О, Эльгытгын! Чудаки люди ездят направляться на курорты. Для оленя самый лучший курорт — это Эльгытгын. Там все время лед — мечинки! Там дует все время ветер и идет дождь — мечники! От дождя растет ягель, от холода гибнет мошка и комары, олени жиреют. Говорят, что там плохо нам, пастухам. Какумэ!² Что хорошо оленю, то еще лучше пастуху!

1 Мечинки (чук.) — хорошо.

2 Какумэ, какумэй (чук.) — удивленное восклицание.

„ВИДАЛ ЛИ ТЫ, КАК КОРМЯТ МЫШАМИ ПИТОНОВ?“

Так вот оно, Эльгытгын! Эльгытгын — нетающее озеро. Прозрачная вода плещет на береговые камни. Мелкий дождь косо сыплет свои заряды, пелена тумана скрывает берега, скрывает сопки. Мы устраиваемся под береговым утесом. Я смотрю на Старика и что-то не вижу на его лице радости от встречи с озером. И без того худые щеки ввалились, позаросли грязноватой щетиной. Может быть, Старик просто разочарован, что вместо солнца, синей воды и нагретого камня скал его встретили туман и дождь?

Разыскивать сейчас березку бесполезно. Вряд ли мы сумеем разжечь ее, мокрую, под таким дождем. Патентованная спиртовая печка поглощает таблетки спирта проворно, как щелкает семечки подсолнуха тренированная базарная кумушка. Я поднимаю кружку с чаем и произношу извечный тост искателей приключений: «За удачу». Мы чокаемся чаем, сваренным на воде озера Эльгытгын.

Ночные белесые духи тумана бродят над озером. Я не верю в сказки про ледяное безмолвие Севера, не верю в заполярное чувство одиночества. Чукотка гораздо ближе и понятнее человеку во второй половине XX века, чем в давние нецивилизованные времена. Но сегодня ночью мы чувствуем себя, как озябшие пещерные жители.

Старик тяжело бормочет во сне.

Утром меня будит вопрос:

— Ты видал, как кормят мышами тридцатиметровую анаконду?

— Не приходилось.

— Вот смотри, она глотает их примерно так. — Старик со злостью распаковывает пакетик сухого спирта.

...Разогреваем консервы. Старик злится. Пустыня, черт бы ее побрал! Как в центре Гренландии. Даже комаров нет.

Пустыня, залитая туманом.

Эльгытгын — Мекка романтиков. Многие мечтают побывать на берегах этого озера. Но мы ищем легендарную серебряную гору. Где она — среди сотен покрытых туманом сопок? Век кладоискательных авантур отошел, очевидно, в прошлое вместе с веком парусов, мушкетных пуль и «белых пятен» на карте. Современных кладоискателей готовят в институтах, к их услугам миллиарды госбюджета, вертолеты и умные приборы — «охотники за минеральным сырьем», которые ищут прямо с воздуха.

Что значит по сравнению с этим цепочка маршрутов двух дилетантов, без подробных карт, без снаряжения?.. Из века современной геологической науки мы добровольно перешли в век средневековых искателей с прутом лозы в руке.

Я молчу. Молчит Старик.

ПОЛИГОН ДЛЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТРЕНИРОВКИ ЛУНАТИКОВ

Мы принимаем решение уходить. В рюкзаках мало консервов, царство непуганой дичи осталось внизу, плитка-питон глотает таблетки уже не как мышей, а как мелкие просяные зернышки.

Отсыревший листок карты на коленях. Я прочерчиваю длинный кольцевой маршрут: вначале

на юг, потом на запад (это уже пройдено), потом на север, потом на восток (это еще впереди). Вот и все, что можно сделать в это неудачное лето. Мы осмотрим верховья встреченных рек, мы будем искать горку, подходящую индивидуальным обликом под длинные уваровские описания. Может быть, это и бесполезно, но...

Путаный ветер начинает разгонять туман. Мы скидываем рюкзаки на плечи, и, как по заказу, желтое виноватое солнце проглядывает сквозь низкое месиво облаков...

На прощанье Эльгытгын открывается нам целиком. Старик усаживается на камень и вынимает трубку. Я старательно подражаю ему.

Озеро круглой, почти правильной формы. Белые пятна льда на воде и длинные ленты прибрежных валов. Хмурые зубцы утесов окружают озеро. На востоке утесы сливаются с уходящими тучами. Тихо. Пусто. Кое-где розовые отсветы ложатся на воду. Не помню, кто писал, что смесь розового и серого волнует нас, как подсознательное толкование будней жизни. Мы не поклонники всяких подсознательных толкований, но смесь розового и серого действительно создает настроение. Для того чтобы быть художником, надо увидеть мир, это всем ясно, но ведь для того чтобы понимать живопись, тоже надо видеть мир. Может быть, наступит время, когда транспорт сделает планету легкодоступной во всех ее углах, и тогда дискуссии о Рерихе и Кенте и о сотнях других художников переключатся из выставочных залов в Гималаи, на Тибет, на Чукотку, может быть, вот сюда.

— Лунный кратер. Черт меня побери, настоящий лунный кратер! — слышу я тихий голос Старика. — Знаешь, парень, когда будут готовить людей на Луну, то, наверное, в комплекс подготовки будет входить и ознакомление людей с лунными пейзажами. Вот готовый полигон.

Я не стал напоминать Старика, что он сам еще не видал лунных пейзажей.

ДНИ, НОЧИ И САНТИМЕТРЫ

х, Уваров, Уваров! Ты споткнулся в свое время о Полярный круг, не довел до конца дело, в которое верил. Ну, хотя бы точнее собрал бы ты сведения о том, где лежит эта серебряная гора, хотя бы разобрался, откуда взялось ее название. Ведь ты же знал чукотские горы, черт разберется в этих сотнях сопок...

Круглые сопки Анадырского нагорья заполнили весь мир. Мы видим, как по каплям, из звонкого бормотания под глыбами осыпей, из насыщенных влагой моховых подушек, из крохотных ручьев рождаются воды Анадыря и Анюя.

День сменяет ночь. Время отсчитывается только по привалам, сну, переходам. Старик невесел. Холодное сидение на озере не прошло даром: болит продутая монгольскими ветрами, застуженная на ледниках Памира спина. Сдают уставшие на сотнях километров охотничьих троп ноги.

Солнце щедро расплачивается за свои грехи. Наши кухлянки сухи и теплы. Горы желты и молчаливы. Пара зайцев удирает от нас среди камней, тонко пересвистываются горные кулики. Однажды мы видели, как сторожкая цепочка баранов тянулась на вершину.

Знает ли Баскин, что по его заявке ничего не нашли? Может быть, сейчас он разрабатывает новый логический комплекс сочетания рек, легенд и географических пунктов... А может быть, где-либо лежит без пользы дневник ловкача-канадца Шмидта, который рвался к этим местам, но тоже споткнулся. Здорово бы нам сейчас пригодился этот дневник.

Наши ноги отсчитывают карандашные сантиметры на карте. На север, потом на восток. Пустеют рюкзаки.

Наступает и тот день, когда залитая голубой дымкой Чаунская долина снова открывается перед нами. Наше настроение можно сравнить с настроением верблюдов, увидевших оазис. В пустынях есть оазисы, на Чукотке есть Чаунская долина.

Вместе с петлей на карге завершается первый этап первого года охоты за серебряной горой. С собой мы уносим желтую тишину горных долин, свист ветра в ушах, память о вкусе воды озера Эльгытгын и память о розовых утесах над серой водой... Мы видели марсианские закаты, видели горных баранов на вершинах.. Кто знает- мало все это или много?

ОКОНЧАНИЕ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

вот мы снова в поселке. Потрепанная на морской волне и на речных быстринах «Чукчанка» мирно стоит на приколе...

Оставшееся дома самодеятельное пресс-бюро не теряло времени даром.

Да, действительно, Уварова до сих пор помнят на Анадыре. В районе Усть-Белой одно место так и называется — «Уваровские плоты».

Люди, указанные им в заявке, действительно жили на Анадыре, сейчас там живут их потомки.

К сожалению, больше ничего путного узнать не удалось.

Один из корреспондентов клянется разыскать статью, где детально разбирается вопрос о «землепроходческом серебре».

Есть письма. В одном скромно упоминается об аномально высоком содержании серебра в одной из проб с верховьев Анадыря. К сожалению, проба была единственной, и ее признали недостоверной.

Один веселый приятель цитирует Илью Эренбурга: «Жить в прошлом — удел археологов и старых дев».

Человек, много лет проработавший оленеводом на Корякском нагорье, пишет об удивительных рыбах и клубнях каких-то растений, найденных им на одном из озер в бассейне Пенжины. Предлагает заняться. Всякое бывает.

Путешествие вокруг света, как известно, начинается с первого шага. Открытия иногда начинаются со вздорного на первый взгляд утверждения. Быть или не быть чукотскому серебру? Пожалуй, мы сделали в решении этого вопроса пока совершенно несущественный сдвиг. Нам явно не стоит выступать в роли экспертов. Очевидно, вопрос не будет решен, пока не будут найдены достоверные истоки происхождения легенды.

Землепроходцы шли к нему с запада, Уваров шел с юга, мы шли к нему с севера. Есть еще четвертый маршрут — с востока, с той стороны, где на нашей карте крестиком обозначена гора Пильгурти Кувейта Нейка. Кто знает, Чукотка не так уж велика, а маршруты оленеводов, как и маршруты легенд, пересекали и пересекают ее всю и во всех направлениях. Об этом стоит подумать.

— Мы пойдем, мы пойдем за тобой, товарищ, только азимут дай да скажи маршрут, — напевает Старик.

Мы сидим на берегу моря. Бухта забита кораблями. Низкими утюгами темнеют два ледокола, легкомысленно покачиваются освободившиеся от груза транспорты. Изъеденные ноздреватые льдины с отрешенным шорохом трутся о берег.

Мы молчим. Десять раз обоснованная и сто раз объясненная неудача все же угнетает.

— Слышишь? — вдруг спрашивает Старик.

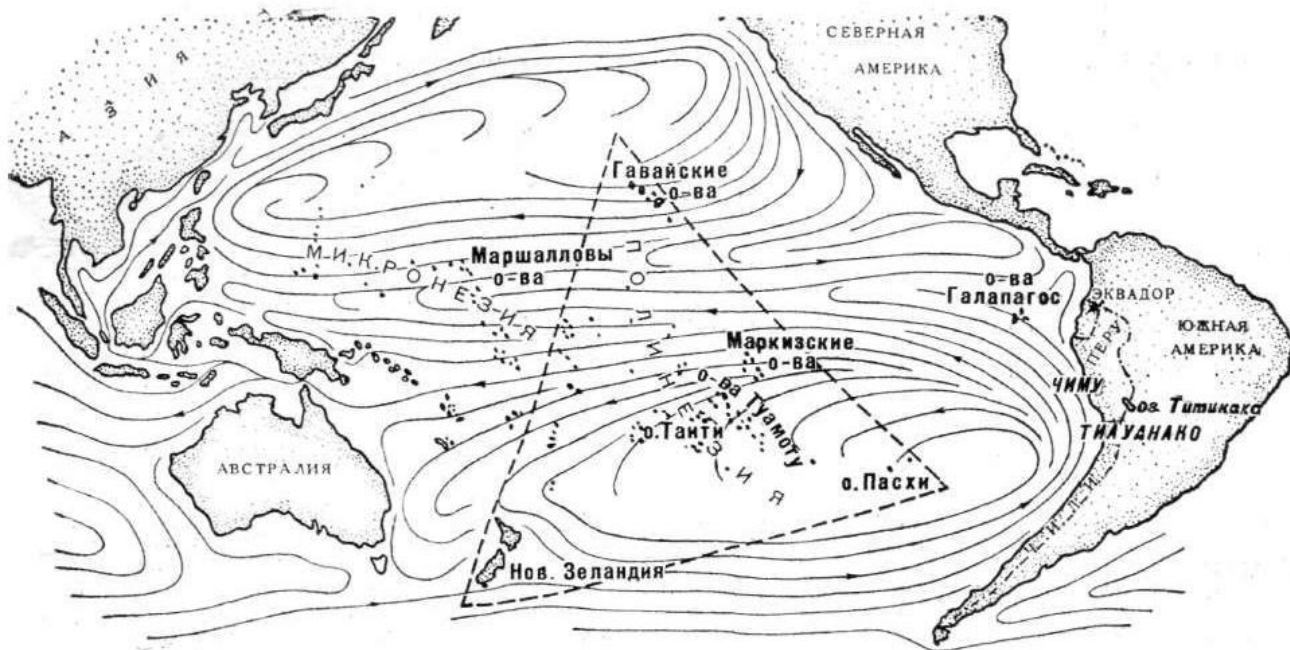
Сквозь меланхолический посвист ветра, шорох льдин и чайчи крики еле-еле сквозит настойчивое царапанье... Крохотная засыхающая былинка пригнулась к избушке там, где одна из многочисленных дыр заделана железным листом. Здорово пасмурно, но былинка светится изнутри остатками летнего уходящего света и трется о железо упрямо и весело, как игривый козленок.

Мы усмехаемся. Глаза у Старика начинают блестеть. Я знаю, что сейчас будет. Сейчас Старик выложит мне проект новой Вдоль и Поперек Продуманной Экспедиции...

С ЗАПАДА или с ВОСТОКА?

Л. ЖДАНОВ

НОВОЕ О ЗАГАДКАХ ОСТРОВА ПАСХИ

Кто, с какой стороны и в какое время заселял острова Тихого океана, входящие в условный Полинезийский треугольник? Среди ученых долго господствовал взгляд, что заселение шло из Азии — с запада на восток. Но все громче звучали голоса тех, кто допускал второй поток, — с востока, из Южной Америки через остров Пасхи на запад. При этом делались ссылки на то, что в культуре и быту жителей Пасхи и коренного населения Южной Америки есть — во всяком случае было — немало сходных черт. Поэтому давняя загадка одинокого острова в юго-восточном углу Тихого океана, сохранившего следы неизвестной древней культуры, стала ключом спора.

...Спор начался давно. Во всяком случае, не меньше пятидесяти лет назад. В нем участвовало много людей из разных стран. Раутледж, Лавашери, Метро, Энглерт — имена, пользующиеся известностью в ученом мире. Не прошли мимо этой проблемы и популяризаторы и неугомонные писатели-фантасты.

В конце сороковых годов в спор включился новый сторонник восточного варианта — молодой норвежец, чьи первые шаги в науке встретили довольно резкий отпор. Его аргументы многие считали просто-напросто вздорными.

Норвежец оказался упрямым. Он заставил обратить внимание на свои доводы — заставил несколько необычным способом: соорудил из девяти бревен плот и вместе с пятеркой отважных друзей пересек на нем Тихий океан!

Ровно пятнадцать лет прошло со времени великолепного научного эксперимента, после которого имя Тура Хейердала и плот «Кон-Тики» стали известны миллионам людей.

Едва закончив плавание, Тур Хейердал сел писать научный труд, где попытался свести воедино наблюдения и выводы многочисленных своих предшественников и добавить собственные соображения. В 1952 году вышел солидный труд «Американские индейцы в Тихом океане». Само название книги звучало вызовом сторонникам традиционного взгляда на пути освоения и заселения Полинезии.

И опять теория Хейердала натолкнулась на довольно дружный отпор; мало кто усматривал в его гипотезе рациональные зерна. Были контраргументы по существу вопроса, были возражения и более эмоционального свойства. Один молодой ученый даже обвинил Хейердала в том, что он-де приписывает создание великих культур Центральной и Южной Америки... норвежским викингам! Будто не Хейердал писал:

«Могут заявить, что, возможно, среди самих ранних индейцев были бородатые, с кавказоидными чертами, как мы это видим на скульптурах аборигенов Чиму¹. Но мне только этого и надо. Мы

«К знаниям!»

Фото РОБЕРТО САЛАСА (Куба)

Международная выставка художественной фотографии
Москва, 1961

¹ Чиму — район высокоразвитой древней культуры на побережье Тихого океана, в Перу.

не ищем в Перу доколумбовых европейцев. Полинезианцы ищут лишь близкую область в Тихом океане, откуда переселенцы с чертами кавказоидного типа могли в прошлом попасть в Полинезию».

Читатели «Вокруг света» могут припомнить напечатанную в журнале в 1957 году беседу советского ученого Н. А. Волкова с Туром Хейердалом и, в частности, такие слова:

«— ...Разве не могло заселение Полинезии происходить с двух сторон: запада и востока? Если это так, то обе теории не противоречат одна другой, а дополняют друг друга.

— Именно это я и стремлюсь доказать. Весь вопрос в том, откуда люди пришли в Полинезию раньше: из Азии или из Южной Америки?»

Иные оппоненты готовы были рисковать жизнью, чтобы опровергнуть гипотезы Хейердала. Прославленный мореход и ученый француз Эрик де Бишоп вышел в океан на плоту своей конструкции, чтобы пересечь океан в направлении, обратном пути «Кон-Тики», но погиб.

Да, это был спор, полный драматизма!

КАК ДОКОПАТЬСЯ ДО ИСТИНЫ?

Тур Хейердал в своем первом ученом труде вторгся во многие области знаний и едва ли не в каждой встретил возражения специалистов. Его обвиняли в верхоглядстве, в слабой аргументации, в поспешности при формулировке выводов, в произвольном толковании трудов других ученых.

Не будем вмешиваться в спор. Скажем только, что обилие разнородного материала и готовность Хейердала по малейшим признакам, не всегда проверенным, строить гипотезы, действительно давала повод ученым, строго взвешивающим каждое слово, кропотливо исследующим факты, требовать от него более убедительных и обоснованных суждений.

И Тур Хейердал организует в 1955—1956 годах первую в истории археологическую экспедицию на остров Пасхи с участием ученых-специалистов трех стран: Норвегии, США, Чили. Этой экспедиции предшествовало не столь известное и крупное по размаху исследование Галапагосских островов.

Итак, коллективная экспедиция с четко определенным профилем — археология — и строго очерченными задачами.

О том, как работала экспедиция, Тур Хейердал рассказал в книге «Аку-аку»¹. Примерно в одно время с выходом книги в письме к автору этой статьи он так изложил свои взгляды.

«Я полагаю, что заселение острова Пасхи связано с двумя различными потоками иммиграции, которые и объясняют две культурные эпохи в истории острова. Нынешнее население появилось на острове уже в 1000—1200 годах нашей эры; его предки обитали где-то в Юго-Восточной Азии. По языку полинезийцы родственны малайцам, однако они не происходят прямо от малайцев и приплыли не с их островов. В то время как малайцы расселялись по своему нынешнему архипелагу, предки полинезийцев по течению Куро-Сиво попали на ост-

рова Северо-Западной Америки. Примерно в 1000—1200 годах нашей эры они продолжали свое путешествие и с помощью ветра и течений попали на Гавайские острова и в остальные части Полинезии, а также на Новую Зеландию. Эта группа является сегодня совершенно преобладающей в Полинезии, однако археологические, а также этнографические и культурно-исторические исследования обнаруживают на островах более древние слои. Их-то я и связываю с иммиграцией из Южной Америки через остров Пасхи».

Сейчас, когда вышел первый том коллективных научных исследований экспедиции «Археология острова Пасхи»², естественно посмотреть, какие новые факты она открыла, что подтвердила из прежних соображений.

Пять авторов: Хейердал, Мэллой, Смит, Шельсволд, Фердон — излагают результаты кропотливой работы в поле и в лабораториях. В общем введении рассказывается о задачах экспедиции, ее маршруте и организации, дается описание острова Пасхи. Затем следуют археологические отчеты об обрядовых сооружениях, жилищах, статуях, знаменитом рве Поике и так далее. В заключение Тур Хейердал подводит итог: что нового вносит в дискуссию изученный экспедицией материал, а Эдвин Фердон дает обзор раскопанных памятников, относящихся к ранней истории острова Пасхи.

ПЛЮС ВОСЕМЬ ВЕКОВ

Абсолютная датировка — так формулируют авторы первую задачу экспедиции. Иными словами: когда же впервые на острове появились поселенцы?

Раньше преобладало мнение, что люди приплыли на остров Пасхи с запада в XII—XVI веках. При этом основывались почти исключительно на устных сведениях. В частности, подсчитывали, исследуя сказания полинезийцев, сколько поколений сменилось на острове, и так определяли дату появления на нем первых поселенцев. Но были ученые — и к ним решительно примкнул Тур Хейердал, — которые предполагали, что остров был заселен значительно раньше.

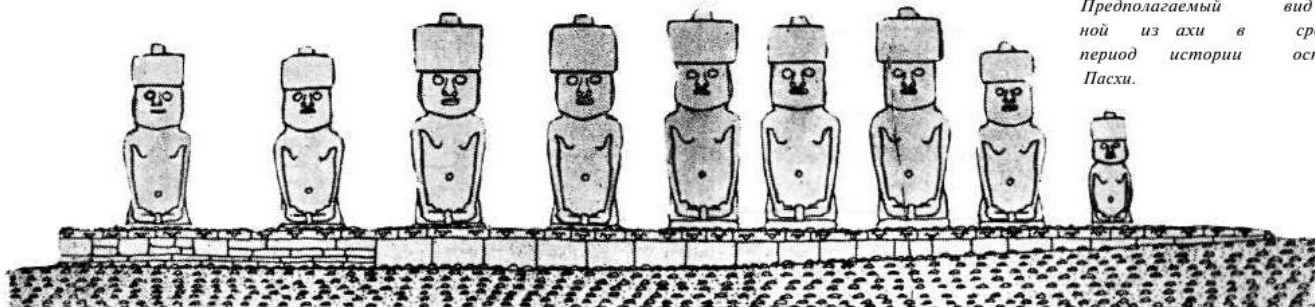
Одним из наиболее надежных способов датировки сейчас считают радиоуглеродный метод. Вот почему экспедиция упорно искала следы очагов и другие остатки органических веществ, включающие углерод C-14. Американец Карлайл Смит специально занимался этим вопросом, и в «Археологии острова Пасхи» он рассказывает, что показало изучение в Дании, США и Норвегии девятнадцати образцов, подвергнутых радиоуглеродному анализу.

Самая ранняя достоверная дата определена для угля, найденного во рву Поике — 386 год (с точностью до 100 лет). Следующий по возрасту образец найден в Винапу² — 857 год (с точностью до 200 лет). Поразительная находка сделана в могиле в Аху-Тепеу. вместе с костями человека здесь лежали остатки камыша, которые предположительно отнесены к... 318 году. Но эта дата настолько не согласуется с другими данными, что ученые подвергают ее сомнению.

¹ Главы из книги печатались в «Вокруг света» № 1—4 за 1958 год.

² „Archaeology of Easter Island“. Stockholm. 1961.
2 См. схему острова Пасхи на стр. 59.

Предполагаемый вид одной из ахи в средний период истории острова Пасхи.

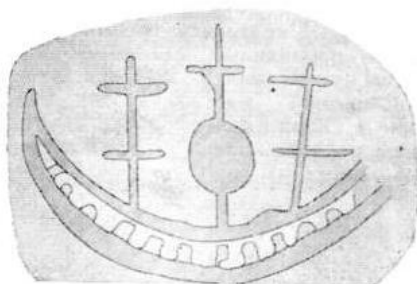

Коленопреклоненная статуя из
Тиауанако (Южная Америка).

Коленопреклоненная статуя, раско-
панная Туром Хейердалом на острове
Пасхи.

Рисунки на скалах Оронго
(остров Пасхи).

Не будем перебирать все даты. Основываясь на материалах экспедиции, Тур Хейердал подтверждает ранее сделанный им вывод: около 386 года на острове Пасхи обитали люди, которые вырыли ров Поике.

Что ж, если ученые не ошиблись, то день, когда первые поселенцы приплыли на остров, отодвигается сразу на 800 лет!

РАННИЙ, СРЕДНИЙ, ПОЗДНИЙ

С абсолютной датировкой тесно связана вторая задача экспедиции: изучение расположения культурных слоев.

Один из главных авторитетов по истории острова Пасхи, француз А. Метро, категорически утверждал, что на острове была одна культура. Ему возражали те, которым казалось, что налицо следы двух культур, связанных с двумя потоками заселения.

Что же покажут раскопки?

А раскопки дали интереснейший результат. Члены экспедиции определили три периода в археологии острова Пасхи: ранний, средний и поздний.

Карлайл Смит намечает такую периодизацию:

I период (400—1100 годы) характеризуется особым видом кладки и сооружением платформ (аху) без статуй.

II период (1100—1680 годы) — в начале его появляются первые статуи, к концу периода явление достигает расцвета.

III период (1680—1868 годы) — происходит упадок культуры, сооружения разрушаются.

Тур Хейердал заключает: культура острова Пасхи не однородна во времени. Есть отчетливое различие между ранним и средним периодами, не исключена возможность промежутка, во время которого остров вообще был покинут. Во всяком случае, на некоторый срок многие культовые сооружения были совершенно заброшены. Возможно, что перестройка этих сооружений, свидетельствующая о смене архитектурных и религиозных представлений, была связана с притоком нового населения.

„ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ БАРЬЕР“ ИСЧЕЗ

Интересуясь хронологией, ученые, естественно, решали одновременно и другую задачу: изучить развитие техники каменной кладки. До экспедиции Хейердала господствовало мнение, что сооружения и статуи, обнаруженные на острове Пасхи европейцами, — итог длительного развития местной культуры. Правда, кое-кто обращал внимание на их сходство с подобными сооружениями в Андах, но А. Метро решительно возражал: аху и статуи появились в результате местной эволюции, никакой связи с Андами нет; на остров приплыли люди, привыкшие резать по дереву, — но здесь леса нет, вот они и перешли на камень, постепенно совершенствуя свое мастерство.

...Археологи приступили к работе. Станный на первый взгляд результат: самая старшая по возрасту кладка стен — самая совершенная! Какую аху ни возьми, оказывается, что раннему периоду присуща совершенно особая техника кладки. Чрезвычайно тщательно обтесанные камни — их находили не только в стенах, но и по всему острову — с большим умением очень плотно пригонялись друг к другу.

Исследовав сооружения Винапу, участник экспедиции Мэллой нашел, что некоторые из них видо-

(Окончание на стр. 59)

С ЗАПАДА ИЛИ С БОСТОНА?

(Начало смотрите на стр. 49)

изменялись на протяжении минимум тысячи столет! Он подразделяет это время на три периода. Сначала, по его мнению, аху играли роль алтаря; похоже, что тогда статуй еще не было: первоначальные аху просто не могли служить опорой для такой тяжести. Мэллой отмечает не только их особый стиль, но и строгую астрономическую ориентацию. Затем, когда появились статуи, аху начали перестраивать. И хотя кладка стала очень прочной, она уже сделана не с такой изощренной кропотливостью. В последний период аху стали местами захоронения умерших.

Итак, раскопки экспедиции 1955—1956 годов не обнаружили свидетельств местной эволюции. Ученые предположили, что на остров прибыли уже готовые мастера каменной кладки со своей особой техникой.

Во всей Полинезии нет кладки, подобной изученным аху, зато нечто очень сходное есть на северо-западе Южной Америки. Если раньше противники теории о связях острова Пасхи с Перу ссылались на то, что островитяне только начали учиться работать с камнем, когда в Перу уже развилась высокая техника, то теперь «хронологический барьер» исчез. Не существует и географического барьера: Перуанское течение благоприятствует морским сообщениям южноамериканского побережья с островом.

— Не говорит ли все это о том, спрашивает Тур Хейердал, что между островом Пасхи и Южной Америкой в ту пору были довольно прочные связи?

РОДИНА ИСТУКАНОВ

С самого начала знакомства европейцев с островом Пасхи мореплаватели первым делом обращали внимание на огромные каменные статуи. Естественно, что члены экспедиции немало усилий посвятили изучению загадки происхождения каменных истуканов. Было известно, что эти статуи уникальны по своему виду и размерам. Мы уже знаем точку зрения А. Метро: островитяне на месте освоили камень и мало-помалу развивали свое мастерство. Некоторые, сравнивая изваяния острова Пасхи с фигурами Маркизских островов, расположенных северо-западнее, считали вторые «родителями» первых. Но были ученые, допускавшие связь пасхальских истуканов со статуями, обнаруженными европейцами в Андах. Английский иссле-

дователь Маркхэм еще в 1870 году писал: «Когда испанцы пришли в Тиауанако', там среди руин были стены и статуи, сходные с виденными на острове Пасхи».

Чтобы внести хоть какую-то ясность в этот вопрос, нужно было прежде всего отыскать ранние типы пасхальных изваяний.

Полевые работы и тут дали замечательный результат: Мэллой, Смит, Шёльсволд и Хейердал нашли статуи, сильно отличающиеся от известного типа. Они были сделаны из базальта, появились раньше великанов, высеченных из туфа Рано Ра-раку, и гораздо больше схожи с андскими. Наконец они старше всех статуй, найденных на других островах Полинезии. Значит, остров Пасхи — старейший на Тихом океане центр статуй.

СПОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Мы не исчерпали содержания книги «Археология острова Пасхи». Экспедиция изучала еще жилища, различные изделия, немало внимания уделила географическим свидетельствам: растительности, животному миру. Сами авторы пишут, что их работа — только начало; они сетуют, в частности, на то, что специалисты по Южной Америке до сих пор как-то отдавали предпочтение керамике, а каменные сооружения изучены ими далеко не достаточно. Но очевидно, что отныне любые гипотезы о заселении острова Пасхи и Полинезии в целом обязаны считаться с фактическими данными, которые обнаружила и опубликовала экспедиция Тура Хейердала.

Ценность коллективного труда ученых на острове Пасхи была признана в августе 1961 года в Голлулу на конгрессе специалистов по Тихому океану. Представленные экспедицией доклады были основаны на тщательном изучении полевого материала. И конгресс записал решение, в котором Южная Америка наряду с Азией называется возможной областью происхождения народов и культуры тихоокеанских островов.

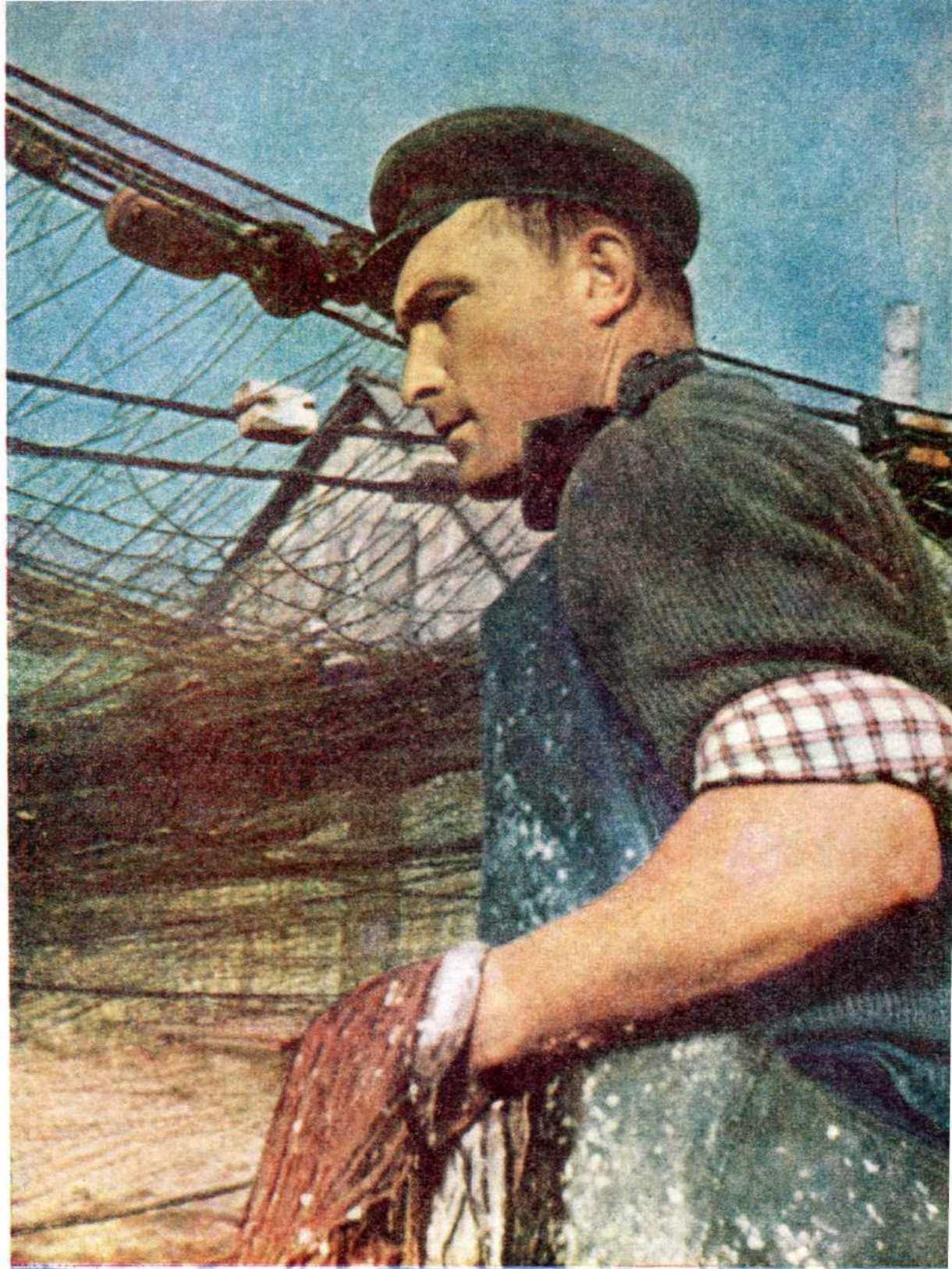
Учрежден комитет из шести членов (в нем участвует и Тур Хейердал) для разработки программы археологических исследований в тихоокеанской области. Члены экспедиции 1955—1956 годов готовят к печати второй том своих отчетов, который расскажет о работе на других островах.

Впереди много увлекательных задач. Спор не закончен...

1 Ти́ауанако — район близ озера Тити-Кака (Перу), где обнаружены остатки одной из ранних культур коренного населения Южной Америки.

ВОКРУГ **СВЕТА**
10 1962
ОКТАБРЬ

как бросится вверх песок, если подует сильный ветер. Но ветра нет. Тепло и тихо. Распластанная земля и серо-голубое, совсем летнее небо. Хочется, чтобы колеса скорей пробежали по этой пустой равнине...

И шоссе вдруг ныряет в узкое ущелье, сворачивает влево — открывается Красноводск: крыши домов, улицы, люди, автобусы... Сперва дома одноэтажные, потом двухэтажные. Женщины в белых и красных платках. Неторопливые старики, которые и в жару носят свои высокие тюльпеты. Девушки с черными тонкими косичками... Цистерны, на которых написано: «ВОДА». Неожиданно обнаруживаешь, что город лежит окруженный горами — каменная подкова концами упирается в море. Вид у гор Кува-Даг довольно мрачный. Почти отвесные голые стены, где хорошо разве змеям и где не так просто добывать камень. Весь город сделан из камня, который здесь называют «гюша», — это спрессованные самой природой ракушки. Деревя нет — вокруг пустыня.

Море и горы немного спасают Красноводск от пустыни. Но в неподвижный зной, когда дома, асфальт, и сам воздух вокруг, и небо становятся нестерпимо белыми, от гор пышет жаром, а море лежит дымное, будто расплавленное.

В знойный день даже у самого моря дышать трудно и очень трудно ходить по горячим доскам мимо лебедек, железных кранов, нагретых цепей, труб, тросов, среди портового лязга и грохота. Не слышно, как набегают и откатываются волны. Неподвижно стоят пароходы и баржи. Их так много, что моря почти не видно. Трюмы начинены сахаром, мукой, цементом, лесом, металлом. Все это по железной дороге покатит в глубину Средней

Азии. На противоположный берег суда перевезут барит — минерал, нужный химикам, хлопок, казахстанскую пшеницу. С осени вагоны с пассажирами и грузами будут закатывать на паром, и тогда в порту станет немного тише.

Прежде Красноводск был только порт и последняя железнодорожная станция перед морем. Теперь это растущий промышленный город. И теперь здесь легче найти себе дело по душе. Анатолий Фролов, молодой человек, которому двадцать шесть, вернувшись из армии, мог отправиться, например, по соседству в Котур-Тепе, где недавно открыли нефть, или мог пойти на строительство газопровода Кум-Даг — Красноводск, или мог сесть на баркас и ловить рыбу. Он выбрал нефтеперерабатывающий завод. Тогда у него было свидетельство об окончании семи классов...

Когда мы уезжали из Москвы, Лев Раскин сказал:

— У меня не очень выходят портреты. Деревья и цветы, если говорить правду, получаются лучше.

У проходной завода он долго фотографировал Анатолия Фролова, теперь уже старшего оператора сушильной установки, студента-заочника института имени Губкина. Была в тот день серая погода, вот-вот мог начаться дождь, и снимать было трудно.

— Нет, наденьте кепку снова и отойдите туда. И не обращайтесь на меня внимания. Расскажите еще про сульфанол, — Раскин вертел всеми своими аппаратами. — Сколько теперь нужно времени, чтобы вымыть цистерну из-под нефти?

Сульфанол — это великолепное и дешевое мыло, для производства которого не нужно ни жира, ни яичного желтка. В Красноводске научились его делать отлично, и оно расходуется по всей стране.

— Раньше несколько суток. А теперь сульфанолом... Я не знаю... Минут семь-десять, — сказал Анатолий. — Я сейчас принесу немного, вы посмотрите, как он выглядит...

— Так, хорошо. Только не смотрите на меня. А кто в цехе работает лучше вас?

— Виктор Журавлев. Я в марте дал сто двадцать процентов, он дал сто двадцать семь. У него бригада коммунистического труда.

— А много у вас в цехе молодежи?

— У нас не только в цехе. У нас весь завод, можно сказать, молодежный. Так я вам сейчас принесу немного, вы посмотрите...

— Ну, должно получиться, — сказал Раскин. — Вы освоили сульфанол; интересно, что получится у меня.

Вечером горы Кува-Даг как черные тучи, которые ровной полосой лежат на горизонте. Звезды кажутся холодными. Тепло струится от земли. Оно течет по улицам так же медленно, как толпа. Мы идем возле Музея двадцати шести бакинских комиссаров. Ярко освещен Дворец нефтяников. Воздух совсем летний. Когда набегают ветерок, над приморским парком повисает смутный зеленый шорох. Но это только для нас шорох, а для тех, кто живет здесь, у кого дом на самом краю некла, это что-то гораздо большее, потому что совсем не просто вырастить деревья на безводной земле. Этим деревьям, которые посажены комсомольцами, только год. Но под ними уже бывает тень и воздух другой.

За трехэтажными новыми домами гудят автобусы. Приятно видеть, что и здесь вырастают новые дома. По крутому склону мы спускаемся к воде. В порту горят огни. Если завтра улетать в глубь пустыни, то сегодня, наверное, хорошо молча постоять у моря и послушать, как оно дышит, спокойно и ровно. На север от нас пески, и еще там — Кара-Богаз-Гол, место почти всем известное, обжитое, о котором написаны книги. Там добывают мирабилит. На юге — тоже песок. Но о том, что делается на юге, мы знаем хуже. Поэтому наша дорога — на юг.

ПОИСКИ ПИЛАХУЭРТИ НЕЙКА ПРОДОЛЖАЮТСЯ

«В оду из поездок Уваров услышал легенду о том, что среди хребтов Анадырского нагорья имеется гора, почти сплошь состоящая из самородного серебра. Гора находится на небольшой речке Поповда, имеет незначительные размеры и носит название Пилахуэрти Нейка».

Это строки из приключенческой документальной повести Олега Куваева «Не споткнись о Полярный круг!», опубликованной в пятом номере журнала «Вокруг света». Геолог и писатель Олег Куваев рассказал о том, как двое энтузиастов решили проверить рассказы о существовании Серебряной горы. Но им не удалось найти Пилахуэрти Нейка — не было ни достаточного времени, ни хорошего снаряжения. После выступления журнала газета «Советская Чукотка» опубликовала статью И. Гурченковой о том, что легенда о Серебряной горе требует дальнейшей проверки. Район, где, по рассказам местных жителей и землепроходцев, находится гора, исследован хуже, чем остальные районы обширного северо-востока. Скептическое отношение к поискам горы сказалось и в том, что автору повести «Не споткнись о Полярный круг!» руководители местных геологоразведочных организаций не оказали материальной поддержки, и самостоятельная экспедиция отправилась в глубины Чукотки на свой страх и риск. Между тем поиск горы из самородного серебра по своему характеру выходит за рамки обычных разведочных работ, требует широкого участия местного населения и геологов-профессионалов.

После того как в журнале «Вокруг света» была опубликована повесть О. Куваева, Чукотский окружной комитет по геопроходам решил оказать материальную поддержку энтузиастам, которые продолжают поиски. Надеемся, что загадка Серебряной горы будет разрешена.

ВОКРУГ СВЕТА

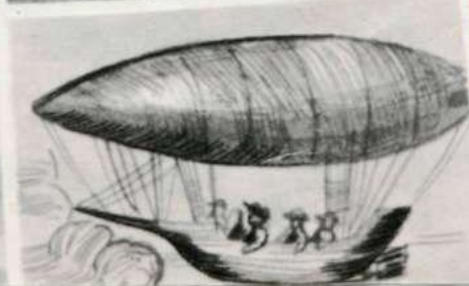
ВОКРУГЪ СВЕТА

1961

1861-1961

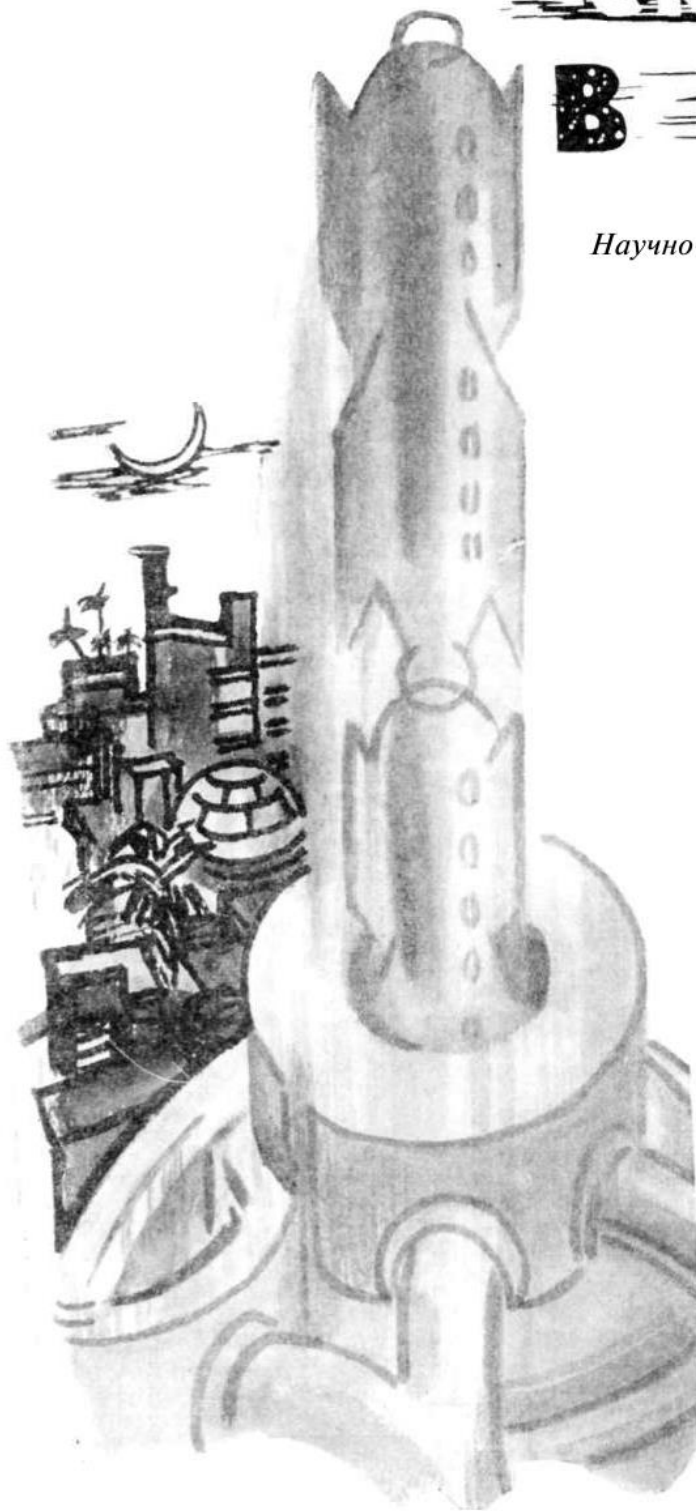

1 1961
ЯНВА

СКВОЗЬ ЗЕМЛЮ В КОСМОС

Научно-фантастический очерк

А ШТЕРНФЕЛЬД,
лауреат Международной поощри-
тельной премии по астронавтике

КОСМИЧЕСКИЙ ПОЕЗД ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПОЛЕТ

Это путешествие началось весьма обычно.

— Центонград северный, — объявили по радио. — Желаем вам хорошо провести время, друзья!

Мы идем по улицам необычного города. Здесь нет главных площадей — тут все площади главные. Тут нет главных улиц, как и вообще улиц в старом, строгом смысле слова. Дома стоят свободно, не смыкаясь в утомительный ряд. В мягкой зелени они — словно легкие прозрачные кристаллы. Ритм архитектуры спокоен, как вечерняя музыка.

— Где вы живете?

Задав здесь этот вопрос, вы непременно услышите:

— В районе Космонавтов, микрорайон 27 марта.

Или:

— Возле памятника 27 марта.

27 марта — дата, пожалуй, самая популярная в северном Центонграде, как и в Центонграде южном. Они близнецы. 27 марта — день их рождения. Восемьдесят лет назад в этот день были вынуты первые тонны земли из жерл тоннеля. С тех пор эти города — любимцы и гордость Земли.

У людей добрая память. Часто мы не то чтобы забываем трудности, начинавшие большое дело, а не вспоминаем о них. Сейчас даже не верится, что тоннель, наш красавец тоннель, был мишенью насмешек для скептиков, что многие действительно крупные ученые и инженеры считали его постройку делом невыгодным и невозможным. Как-то раз, приехав в Центонград, я познакомился с одним человеком. Он сказал:

— Представьте: мой отец возражал против строительства Центона, а я пролетал тоннель с первым поездом. Так-то!

Помню, как я завидовал этому человеку. Первым промчатся сквозь Землю, через ее центр! А теперь он мне позавидовал бы, узнав, что сегодня я уезжаю в космос. Да, можно, пожалуй, сказать, уезжаю. В поезде. Со всеми возможными удобствами жизни, почти оседлой и почти земной.

Но вот и район тоннеля. Хотя он и расположен в отдалении от города, но по особой оживленности его вернее всего можно назвать центром. Переплетение магистралей; бесшумное, удивительно быстрое и четкое движение огромных составов с грузами.

Однако сегодня здесь затишье. Магистрали приумолкли. Но людей больше, чем всегда. Люди пришли проводить первый большой поезд в космос. До этого за пределы Земли вылетали только испытательные составы.

Мне хочется сказать каждому: «Я тоже лечу!» Это не из бахвальства, а от нетерпения и гордости.

За несколько часов до отправления журналистов пригласили к начальнику экспедиции. Он был молод, обстоятелен и насмешлив.

— Уважаемые репортеры, — сказал он. — Хотя в XXI веке на гуманитарных факультетах и читают общие кур-

Рисунки Н. ГРИШИНА

сы математики, физики, астрономии, астронавтики и других точных наук, позволю себе еще раз напомнить об особенностях нашего путешествия. Прежде всего это один из первых полетов в космос сквозь Землю. Именно наш тоннель позволяет его осуществить.

Как вам известно, движение в тоннеле подчиняется особым законам. Вне Земли сила притяжения между двумя телами обратно пропорциональна квадрату расстояния между центрами масс. Внутри же тоннеля она уменьшается по мере приближения к центру Земли — она прямо пропорциональна расстоянию от центра.

Вагон, отправленный из северного Центонграда, достигает расположенного на противоположной стороне Земли Центонграда южного через 42 минуты 13 секунд. Половину этого времени он движется с ускорением, половину — с замедлением.

Далее. Вы знаете, для того чтобы освободиться от силы земного притяжения, любой летательный аппарат должен обладать второй астронавтической скоростью — 11,2 километра в секунду. Именно это обстоятельство объясняет, почему до создания тоннеля мы не могли отправить в космос таких крупных поездов, как наш. Ведь до сих пор еще не создан аккумулятор энергии, который сообщил бы такой машине столь грандиозную скорость.

Центон совсем по-новому решил некоторые задачи астронавтики. Оказалось: скорость 5,8 километра в секунду, приданная поезду в центре Земли, достаточна, чтобы по выходе из тоннеля он устремился в межпланетное пространство. Стенки Центона представляют собой сплошной ряд соленидов. Когда внутри этой гигантской спирали проходит электрический ток, возникает магнитное поле — получается электромагнитная пушка. Благодаря ей поезд освобождается от «цепей» земного тяготения с помощью, — начальник сделал паузу, — той же силы притяжения Земли. Впрочем, скорость в 5,8 километра, как вам известно, уже давно не проблема и для ракетного двигателя...

Пресс-конференция у начальника продолжалась больше часа, потом мы отправились в поезд.

В ГЛУБИНЕ ЗЕМЛИ

Лифт остановился. Миновав несколько тамбуров, мы, наконец, добрались до каюты. Сперва показалось, что выглядит она довольно забавно: в полу врезано зеркало, закреплены лампы и даже картины. На потолке — потолок очень высокий! — торчат пружинные часы. На одной стене снизу вверх, от пола до потолка, иллюминаторы; на другой — перевернутая набор мебели: диван, стол...

— М-да, — молвил мой сосед по каюте, — как говорится, со всеми удобствами...

— Вы космонавт? — спросил я.

— Нет, я строитель. И, знаете, впервые в космос. Не удосужился как-то, хотя не такой уж я молодой. Мне шестьдесят три года!

Вспыхнуло табло: «До старта осталось три минуты. Поднимитесь к потолку!»

Поднимаемся, держась за поручни. Старт. Мгновенный толчок, и мы можем легко двигаться по бывшему потолку.

С того момента как заработал двигатель, мы летим головой вниз, буквально проваливаемся под Землю. Но земное притяжение не властно над нами: ведь ничто не препятствует нашему движению к центру планеты. Хотя двигатель и ускоряет падение, силу его тяги мы ощущаем не больше, чем притяжение на поверхности Земли.

Через четверть часа снова вспыхивает табло: «Пройденный путь равен одному радиусу Земли». Мгновенная скорость нашего движения — 42 347 километров в час, или 11762 метра в секунду. Средняя скорость — 6 662 метра в секунду.

Итак начался «подъем». Никаких особых физических ощущений. Кажется, мы спокойно висим в гер-

метически закрытой кабине на какой-нибудь планете, где сила тяжести меньше земной.

Скорость все растет — двигатель преодолевает замедление подъема, развивая силу большую, чем местное земное притяжение. Только на расстоянии двух с половиной тысяч километров от поверхности движение поезда чуть замедляется.

ЦЕНТОНСТРОЙ

Путешествие наше так стремительно, что световое табло едва успевает менять сообщения о скорости. Мы пролетаем тоннель всего за 24 минуты 29 секунд; мы промчимся по нему, не останавливаясь на великоколесных станциях, не побывав у интереснейших людей, которые там работают. А жаль!

Гордость Земли — Центон заслуживает особого внимания, и мне всегда приятно поговорить о нем. И не только приятно. Время неизбежно стирает некоторые подробности его создания, и мы, слышавшие рассказы из уст создателей этого чуда XXI века, должны сохранить детали, уходящие из живой памяти людей.

Недавно я читал одну старую книгу. Она называется «Тоннель», написал ее в начале прошлого века немецкий писатель. В романе рассказывается о строительстве тоннеля из Америки в Европу, об умном инженере, которому тоннель принес славу и поспорил его со всем миром.

В жизни вышло иначе. Наш тоннель послужил дальнейшему объединению людей, после того как было запрещено оружие, запрещена война и на всей планете победил коммунизм. Споры вокруг проблемы строительства были очень остры, но носили чисто научный характер. Многие ученые считали проект, выдвинутый в восьмидесятых годах прошлого века, чистой утопией или в лучшем случае научной фантастикой. Но точные, детальные расчеты и сметы отняли у скептиков доводы для возражений.

Понадобились годы напряженных усилий многих научных центров...! мира для того, чтобы проект стал реально осуществим. Были обработаны богатейшие материалы, накопленные в течение десятилетий геологами; составлены подробнейшие карты земной коры, еще раз проанализированы и сведены воедино данные скрупулезных геофизических исследований.

И, наконец, были намечены точки, где стоят сейчас близнецы Центонград. К Центонграмм переместились центры многих отраслей промышленности. Заводы работали с полным напряжением.

Наступление велось одновременно с двух концов. Поверхностные слои не чинили строителям особых неприятностей. Но глубины планеты стали преподносить одну каверзу за другой. Сначала приходилось вести сражения с грунтовыми водами, провалами, пльвунами, сыпучими и сверхтвердыми породами. Потом, когда тстретились полужидкие массы, упорно поползла вверх кривая температур. Тоннель стал поистине «геенной огненной».

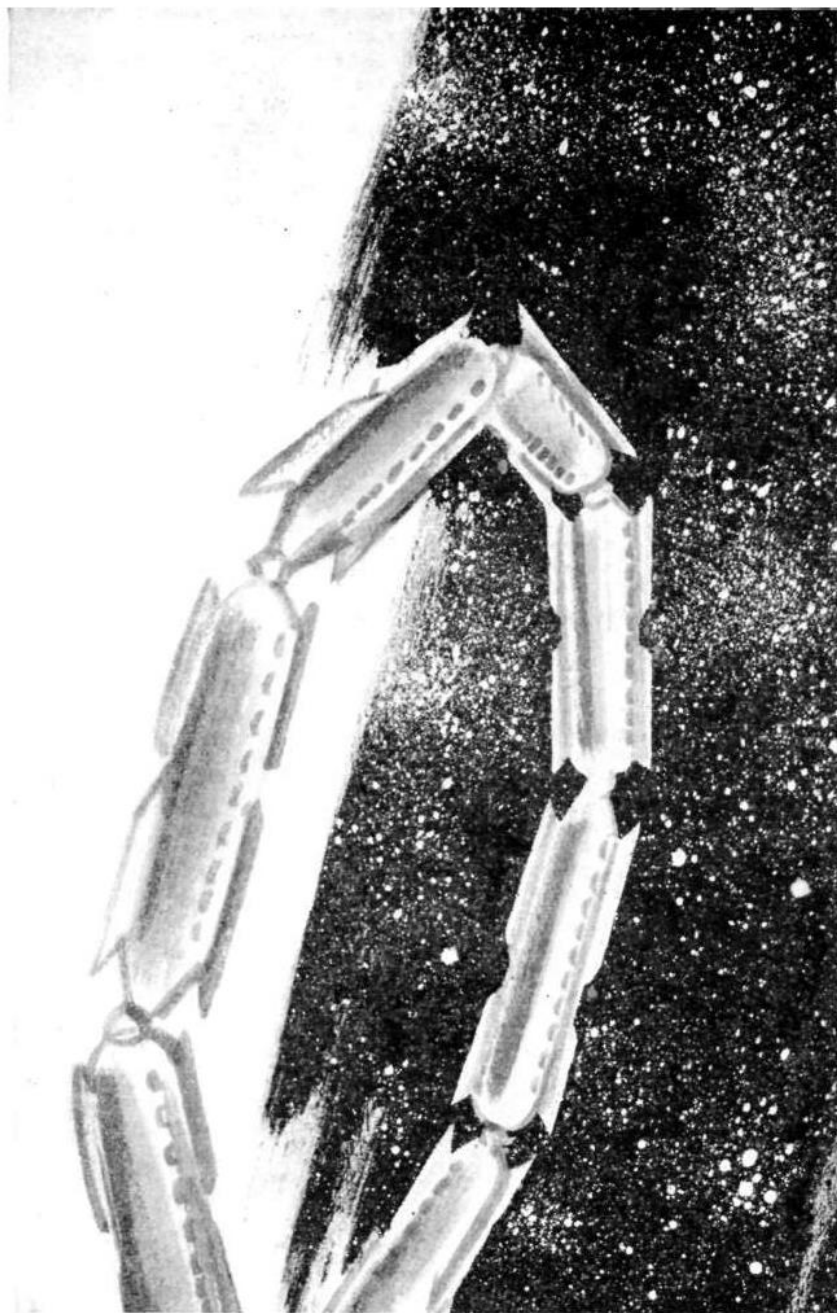
Но нет худа без добра. Чтобы охладить жерло, туда пустили воду. В подземные котлы она загонялась мощными установками и, обратившись в пар, давала жизнь сверхсильным генераторам. Промышленность и транспорт были в изобилии снабжены электричеством, а часть тепловой энергии передавалась в районы вечной мерзлоты. (Кстати сказать, отопление рек, ранее замерзавших зимой, было осуществлено благодаря строительству тоннеля.)

С огромным вниманием в наземных наблюдательных пунктах следили за поступающими по телеметрическим каналам записями температур земных недр. Специальная служба внутриземных прогнозов через каждые полчаса давала сводки повышения температуры по мере дальнейшего углубления. Немедленно принимались необходимые меры.

Только однажды температура оказалась так высока, что пришлось предпринять аварийную меру: тоннель затопили водами океана. После этого стенки штолен за-

* Продолжительность жизни увеличилась. В связи с этим изменились и понятия о возрасте людей.

метно остыли, магма затвердела и покрыла двадцатиметровую обсадную трубу твердым панцирем.

Строительство принесло людям горы драгоценных руд и минералов, вполне оправдавших действительно большие затраты. И, конечно, невозможно оценить то, что дал тоннель ученым, читавшим по его стенам историю многих миллионов лет жизни Земли. Тайны недр в буквальном смысле раскрывались перед строителями.

В глубине Земли, на равных расстояниях от ее центра, были сооружены симметрично расположенные экспериментальные станции. В отдалении 2 445 километров от центра построили две станции «Марс — Меркурий» — Южную и Северную. Назвали их так потому, что сила тяжести здесь такая же, как на Марсе и Меркурии. Станции, где притяжение аналогично лунному, разместились в лучах тоннеля на расстоянии 1 050 километров от центра. Все эти станции отлично оборудованы и располагают неограниченными запасами энергии, света и воздуха. Они сразу стали опорными пунктами разнообразных исследований. В условиях

уменьшенной силы тяжести были впервые проведены многие опыты, описание которых теперь можно встретить в популярных учебниках.

И вот на пятьдесят третьем году строительства Северный и Южный лучи тоннеля встретились. Этот день незабываем, как день запуска первого спутника Земли. Он был отмечен всемирным торжеством.

«Работы произведены идеально! — восторженно писала пресса. — Средняя скорость проходки составляет для каждого телефорера¹ треть километра в сутки. Длина тоннеля отклоняется от расчетной всего на 17 метров. Расхождение осей двух лучей ствола ничтожно — всего несколько миллиметров».

Испытания Центона прошли благополучно. За испытательными поездами последовали рейсовые — грузовые и пассажирские. Появилось расписание дороги, начались ее будни, хотя я лично уверен, что они навсегда останутся буднями, полными романтики.

ДО СВИДАНИЯ, ЗЕМЛЯ!

Итак, спустя 24 минуты 29 секунд после старта мы пролетаем Центонград южный. На табло скорость: 12 319 метров в секунду.

— Вам это нравится? — г^ашивает сосед.

— Что?

— Да вот, — он неопределим показывает глазами на «перепутанные» стены, — парение, так сказать...

— Ничего, потерпите немножко. Сейчас мы свернемся в кольцо.

— Этого еще не хватало! Мне работать в космосе, а вы — свернемся.

Но маленькие боковые двигатели плавно поворачивают оси вагонов, состав изгибается в дугу, ее концы смыкаются в огромное кольцо из тридцати двух вагонов. Кольцо продолжает двигаться, вращаясь, и центробежная сила возвращает нам ощущение веса, а каюте — нормальный вид. Вещи занимают привычные места.

— Ну вот, наконец-то! — успокаивается мой спутник. — Кажется, летим.

Да, летим.

До свидания, Земля!

Космос бороздит не один корабль, посланный людьми. Здесь есть и искусственные звезды и пересадочные станции. Но наш поезд — первый большой состав, улетевший с Земли. Пройдя половину расстояния до Солнца, он пойдет по орбите вокруг него. Через два года, трижды облетев светило, мы возвратимся и привезем множество новостей.

До свидания, Земля!

От нашего специального корреспондента
с борта космического поезда.
Январь 2061 года.

¹ Телефорер — аппарат для бурения, управляемый на расстоянии и снабженный приспособлениями для отвода тепловой энергии.

Бел

ВЕЛИКИЙ
ОКЕАНЪ

ИНДИЙСКИЙ
ОКЕАНЪ

1961

Времени

На столе лежит журнал с очень знакомыми словами на обложке, но с ятем и твердым знаком. Журналом земледения, естественных наук, изобретений и наблюдений назывался далекий предок современного «Вокруг света», родившийся на рубеже 1860 и 1861 годов.

Земной глобус, изображение которого входит сейчас а эмблему журнала, в те времена изготовлялся некрашенным во многих местах. Вместо того чтобы рисовать реки или горы, картографы писали ча «белых пятнах»: неисследованная область. Никто тогда не знал, где находится Северный и Южный полюса Земли — на суше или на море. Африка представлялась материком, полным загадок, а об Антарктиде было известно только, где проходит кусочек ее берега. Об истоках Нила и Амазонки велись горячие теоретические споры — нога европейского исследователя еще не ступала там.

Чтобы отправить депешу в Америку, европейские купцы и дипломаты сажали гонца на корабль и затем неделями ждали его возвращения. Телеграфа, связывающего два полушария Земли, еще не существовало. Из Индии в Европу корабли шли, огибая всю Африку, — не было Суэцкого канала. Пароходы, отчаянно дымя, все чаще бороздили океаны, но на некоторые из них ставили еще и паруса: на всякий случай.

Жители Земли (их тогда было много меньше, чем сейчас), рядовые обитатели планеты, встречая новый, 1861 год, желали друг другу мира и счастья, как того желали их предки не один век.

Но извечные мечты простых людей были еще далеки от свершения. Капитализм развивался в Англии, Франции, США, других странах, не неся ни мира, ни счастья народам. Зарницы войн не сходили с горизонта планеты. Колонизаторы валом валили в богатейшие районы Азии и Африканского материка, грабя и истребляя народы.

Рубились головы участников тайпинского восстания в Китае — английские, американские, французские рыцари от дипломатии канонерок переходили к открытой интервенции против страны «желтых». Лилась кровь «черных» в Сенегале, государствах Ашанти, Йоруба, в устье реки Габун и к востоку от реки Фиш, на средиземноморском побережье Африки и на крайнем ее юге. Голодную смерть миллионам и короткую жизнь тем, кто выживет, принесли порабитители в Индию. А лавочники в метрополиях на вывесках своих складов выводили: «Торговля бакалейными и колониальными товарами».

Но рос и тот класс, которому объективным ходом истории суждено было стать могилищиком капитализма.

1961

ВОКРУГ СВЕТА

№ 1

ЯНВАРЬ

Журнал основан в 1861 году

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

4 1960
АПРЕЛЬ

как и прежде, ведут нас к желанной цели. Они живут в делах Коммунистической партии, которую народ с гордостью называет ленинской.

Нет такого участка созидательной работы советских людей, где не отразились бы указания Владимира Ильича о построении нового общества. Выдающимися успехами электрификации, славными победами тружеников сельского хозяйства, подвигом вторжения в космос, как и многими другими свершениями, мы обязаны Ильичу.

Вот почему то, что связано с деятельностью Владимира Ильича, его заветами, то, что является — на каждом этапе нашего строительства — наиболее совершенным выражением коммунистических идей, носит

имя великого вождя. В стройках, которыми отметили советские люди свои первые шаги к социализму, и в тех великолепных по замыслу и выполнению технических сооружениях, которые как бы открывают дверь в коммунистическое завтра, в светлых и нарядных улицах наших городов и в названиях коллективных хозяйств, созданных по разработанному Ильичем кооперативному плану, запечатлено дорогое для каждого имя: Ленин.

С именем Ленина связано и замечательное движение бригад коммунистического труда.

Имя вождя носит и славный комсомол — верный помощник партии. Молодые строители коммунизма стремятся жить и работать так, как учил Ленин.

В. И. ЛЕНИН ОБ ОТНОШЕНИИ К ПРИРОДЕ

Задачи, поставленные перед страной великим семилетним планом, требуют исключительного внимания к вопросам правильного использования природных ресурсов. Вовлечение богатств природы в орбиту народного хозяйства должно покоиться на всесторонней продуманной научной основе. Для осуществления этого требования особенно важно обратиться к ленинским принципам рационального использования природы, тщательно претворять в жизнь указа-

ния Владимира Ильича, развивая их применительно к нуждам сегодняшнего дня.

Классики марксизма всегда связывали построение коммунизма с научной организацией использования природных ресурсов. В. И. Ленин, создавая Советское государство, сразу же уделил этому огромное внимание. Летом 1918 года был организован подчиненный Главнауке Государственный комитет по охране природы. В его обязанности входило контролировать соблюдение общегосударственных интересов всеми организациями и лицами, действующими в природе. При личном участии Владимира Ильича разрабатывалась система законов о рациональном использовании природных ресурсов, была заложена сеть государственных заповедников, специальных научных учреждений, предназначенных только для выполнения задач, связанных с общими вопросами изучения и использования природы. Они занимались, в частности, исследованием взаимосвязей, существующих в природе, а также изучением методов охраны природы и разработкой зональной системы заповедников.

Насколько большое внимание В. И. Ленин уделял этим проблемам, видно и из того, что даже в исключительно тяжелом для страны 1919 году он указывал представителю Астраханского губисполкома Н. Н. Подъяпольскому на необходимость неотложного создания заповедника в дельте Волги. Владимир Ильич говорил, что выполнение таких задач имеет большое значение для республики.

В условиях топливного голода В. И. Ленин считал недопустимым разрешение затруднений за счет непродуманного увеличения рубки леса, он подчеркивал безусловную необходимость правильного лесопользования, причем обращал первоочередное внимание на сохранение и восстановление леса. При этом он указывал, что леса, как природное богатство, представляют общенародный фонд, который должен использоваться лишь в интересах государства в целом и не подлежит распределению ни между отдельными ведомствами, ни между административно-территориальными единицами. В мае 1918 года В. И. Ленин подписал декрет, в котором обязанность заботиться о лесах возлагалась на органы советской власти и на общественность.

Узнав, что хищнический лов в низовьях Дона угрожает начавшемуся восстановлению запасов рыбы, В. И. Ленин написал в РКИ гневное письмо, в котором отмечал, что простое отстранение виновного от должности — мера в таких случаях совершенно недостаточная, и потребовал его строгого наказания.

1960

ВОКРУГ СВЕТА

Журнал основан в 1861 году

№ 4
АПРЕЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

В этом номере:

**90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА
ИМЕНИ ВОЖДЯ**

ЗА ЛЕНИНСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПРИРОДЕ!

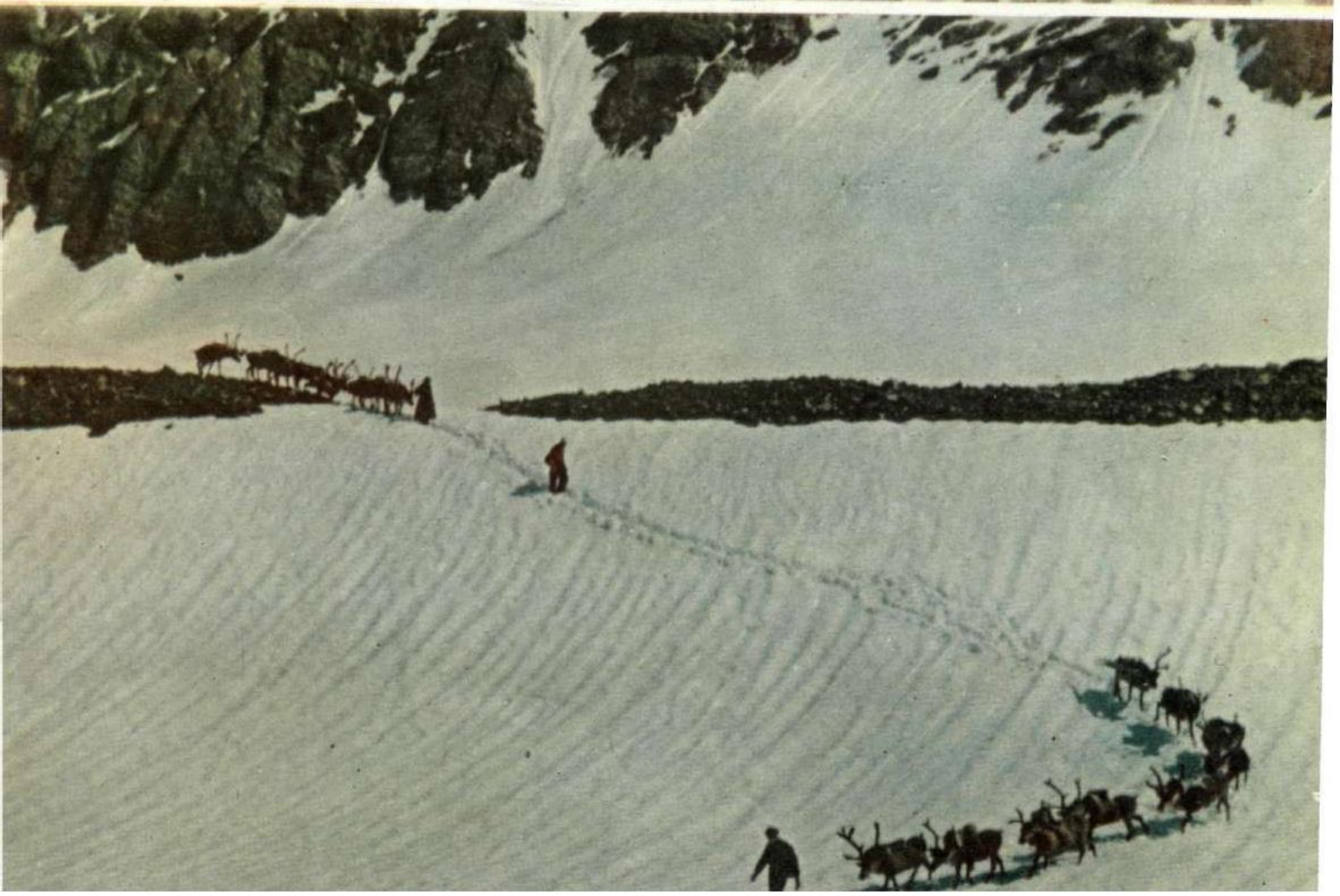
**ПОКОРИТЕЛИ ГОРНОЙ ЦЕЛИНЫ
ВТОРОЕ ЗАНЯТИЕ ЗАОЧНОЙ ШКОЛЫ ГЕОПРОХОДЧИКОВ
РАССКАЗ О СОБЫТИЯХ НА 108-м МЕРИДИАНЕ**

Большой день африканских народов

**РЕПОРТАЖИ ИЗ АЛБАНИИ, БОЛГАРИИ, ГРЕЦИИ, ИНДОНЕЗИИ, МАРОККО,
ПЕРУ, РУМЫНКИ**

**Встречи под водой. Столица меняет адрес. Открытие
в Забайкалье. Происшествие на реке Санталлак-об. Три
мнения о Каповой пещере**

ЛЕДНИКИ КОДАРА

И. ТИМАШЕВ

Фотоочерк

Ледники в Забайкалье? Несколько лет назад географы с улыбкой отвергли бы такое предположение. Однако в последние годы в отчетах геологов все чаще стали попадаться упоминания о встреченных ими ледниках в одном из самых высоких хребтов Северного Забайкалья — хребте Кодар. Весной 1958 года старший научный сотрудник Института географии Академии наук СССР В. С. Преображенский, просматривая аэрофотоснимки, обнаружил на них отчетливые изображения десятков ледников. Решено было послать в этот район специальную экспедицию. В состав ее, кроме В. С. Преображенского, вошли студентка четвертого курса географического факультета МГУ Тania Александрова и я, ее однокурсник.

Когда мы прилетели в расположенную у подножия Кодара Чарскую котловину, мы встретили здесь настоящий уголок пустыни, затерявшийся среди болот и таежных массивов. Взмолванное море барханов, редкие кусты бледно-зеленой по-

ли два каюра-эвенка, остановился на небольшой сопке неподалеку от ледников. Здесь на высоте 2 450 метров над уровнем моря мы соорудили самую высокую в Забайкалье метеоплощадку: надо было выяснить метеорологические условия существования кодарских ледников.

Очень важны также наблюдения за снежным покровом на ледниках, ведь снег — основной источник их питания. На следующий день мы принялись рыть шурфы для изучения снежной толщи. Работа эта довольно трудоемкая. Как-то мы подсчитали, что из одного шурфа глубиной в 4,5 метра было выброшено около 24 кубических метров снега, то есть почти 12 тонн.

Однажды нас застигла непогода. Густой туман закрыл все вокруг, повалил снег. Порывы ветра яростно встряхивали палатку, и тогда начинали жалобно звенеть сосульки, повисшие на палаточных растяжках. Мы коротали время и целые дни пили чай по-сибирски. А когда метель улеглась и вновь выглянуло солнце, все кругом засверкало миллионами драгоценных камней.

Ледники Кодара небольшие, но их немало. Закончив обследование одного, отправляемся к другому. Иногда по нескольку дней приходится пробираться сквозь тайгу, часто переходим вброд бурные горные реки. Особенно запомнилось верховье реки Ледниковой.

лыни. А на горизонте повсюду виднеются затянутые серебряным покровом снегов высокие горы.

В долине Верхнего Сакукана знойное лето сменилось ранней весной: лиственничная горная тайга с яркой молодой зеленью только что появившейся хвои, еще не растаявшие речные наледи. Догнав здесь весну, мы постепенно стали приближаться к вечной зиме — к ледникам седого Кодара.

Наконец долина реки Верхний Сакукан осталась позади, и, пройдя перевал на высоте 2 тысяч метров, наш отряд вышел к ледникам.

Наш караван из 17 северных оленей, за которыми присматрива-

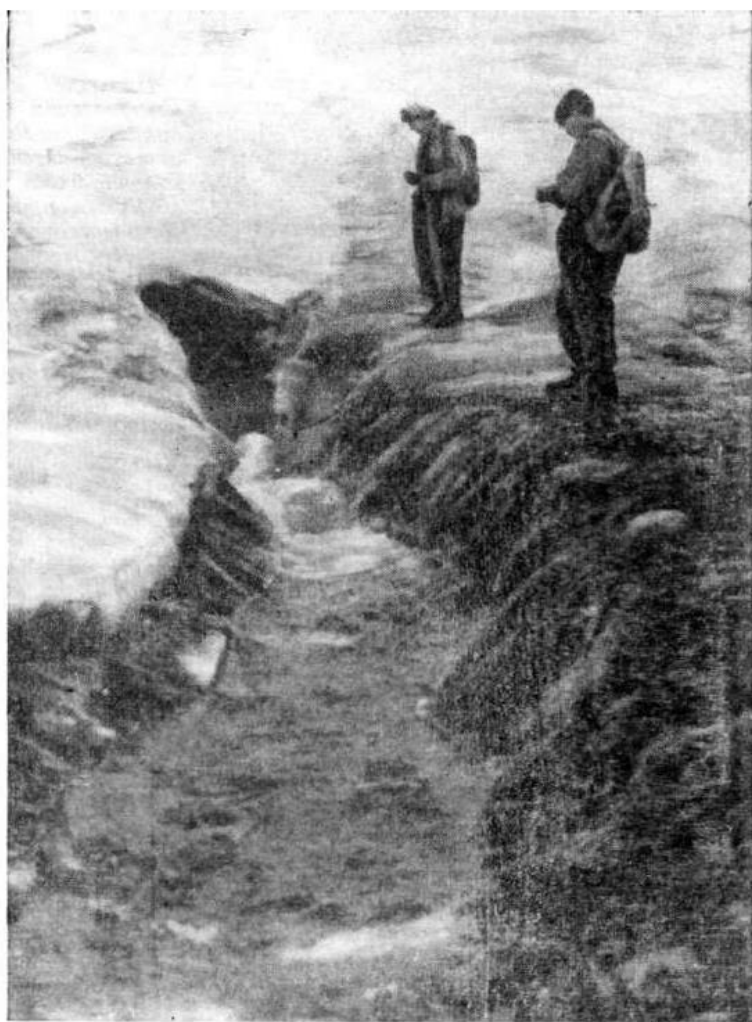

Долина ее так густо поросла кедровым стлаником, что мы вынуждены были по очереди прорубать в этих зарослях дорогу. Навьюченные олени едва продирались по узкому коридору. Полтора километра такого пути совершенно измотали людей и животных. Как сладки после этого минуты короткого отдыха и какими необыкновенно вкусными кажутся лепешки, испеченные тут же на костре нашим каюром Ириной Алексеевной!

И вот отряд на другой стороне Кодара, на новых ледниках. Нас интересует любая деталь. Все помеченные особенности заносим

Хроника
ВОКРУГ СВЕТА

ДАНИЯ

В стране строится самый длинный в мире автожелезнодорожный мост. Он протянется на 22 километр и соединит острова Фюн и Зеландия. Мост будет иметь большое экономическое значение для страны. До сих пор переправа поездов и автомашин через пролив Большой Бельт осуществлялась при помощи паромов.

МАЛАЙЯ

Палата представителей Малайской федерации утвердила руми (латинизированную малайскую письменность) как «наиболее желательную для национального языка». До сих пор в Малайе была распространена арабская письменность — яви, которая теперь будет применяться ограниченно.

США

В Мексиканском заливе, на расстоянии 300 миль от устья реки Миссисипи, установлен на якоре буй, внутри которого находится автоматическая радиостанция, собирающая сведения о погоде и передающая их через каждые 6 часов. В глубине Мексиканского залива осенью и зимой часто зарождаются штормы, достигающие громадной силы, поэтому главной целью установки радиостанции является своевременное предупреждение гидрографической службы об изменении в состоянии погоды. Так, например, радиостанция сообщила о приближении к берегам США шторма под наименованием «Ирен».

в полевые дневники. Ведь о забайкальских глетчерах ничего не известно, и после обработки собранных материалов мы должны дать науке подробные и точные сведения.

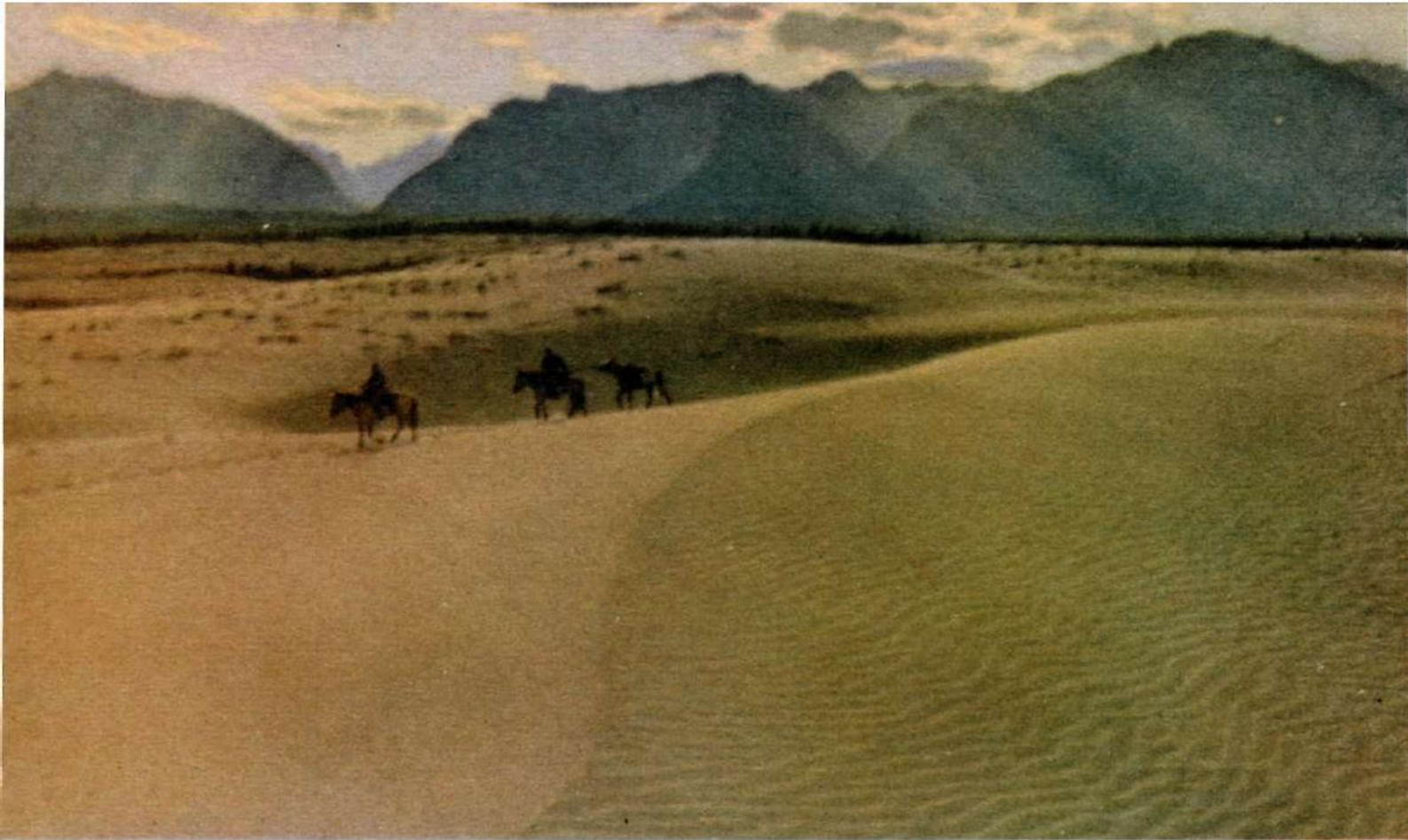

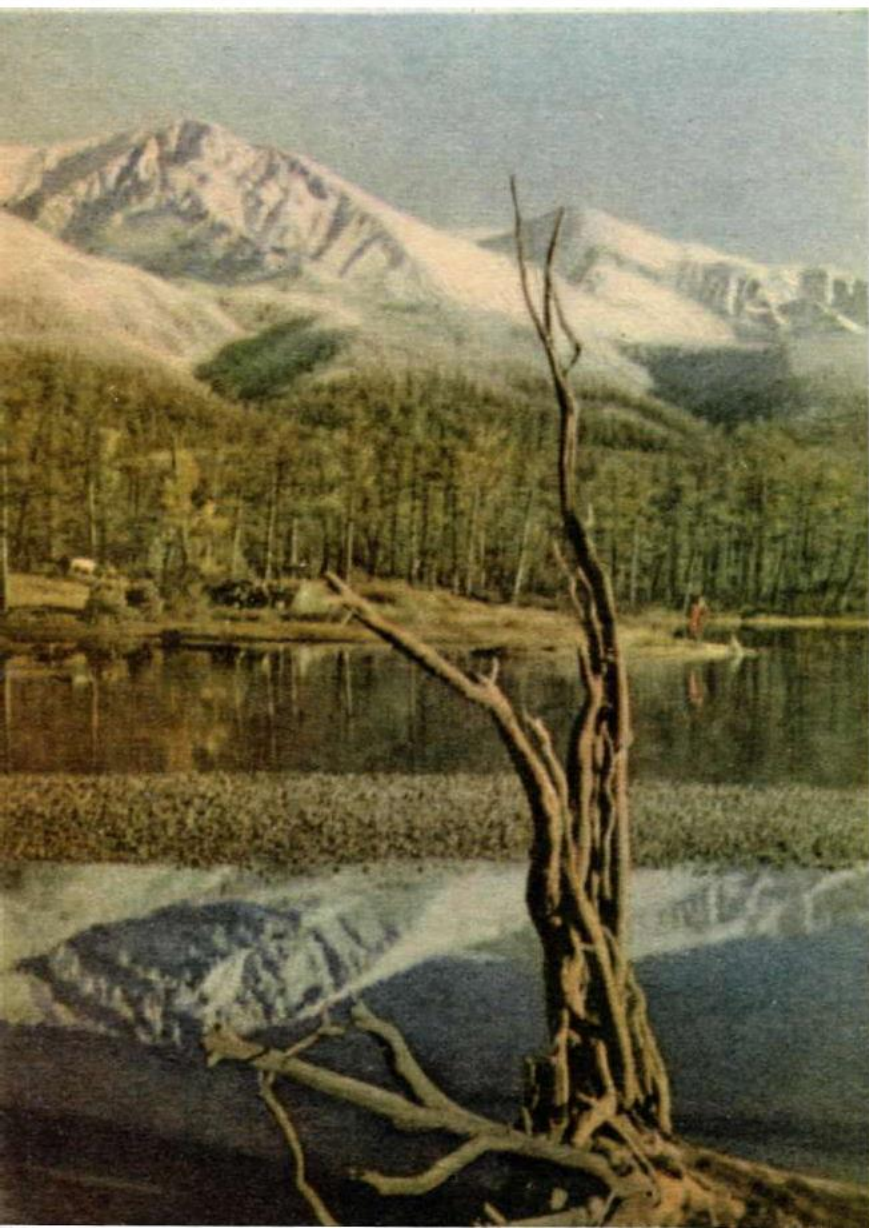
ВОКРУГ СВЕТА

4 1961
АПРЕЛЬ

Спустившись с заснеженных перевалов, караван попадает в пустыню. Песчаные дюны, барханы — уголок Средней Азии среди забайкальских гор.

Высокогорное озеро Леприндо дает начало быстрой Чаре. В прозрачной воде этого озера водится редчайшая рыба — даватчан.

Фото М. ЗАПЛАТИНА

Долина Чары

М. ЗАПЛАТИН

Фото автора

Олени осторожно пробирались по каменистым берегам реки Верхний Сакунан.

Оде находятся знойные пустыни с песчаными бурями, барханами, редкими, полусасыпанными песком кустарниками? География, которую мы изучаем в школе, наш собственный опыт путешествий диктуют четкий ответ: в Средней Азии, в Северной Африке, на Аравийском полуострове.

Где можно встретить ярко-зеленые, поросшие сочной травой горные луга, стелющиеся под снежными вершинами? Ну, конечно же, в Альпах, на Кавказе, Памире, в Саянах.

Лишайники, болотный ягель, чахлые, скорчившиеся от морозов и ветров березки? Разумеется, в тундре: на Кольском полуострове, на Чукотке, Таймыре, в Северной Канаде. Природа четко разграничила растительные зоны...

А существует ли на земле уголок, где можно увидеть необычное для нашего глаза сочетание снежных вершин, песчаных барханов, альпийских лугов с золотистыми рододендронами, где встречаются олени, с важностью верблюдов шагающие по пескам, где за поросшими лишайником каменистыми осыпями возвышаются таежные красавцы кедры?

Да, есть такая страна изумительных контрастов, и находится она в Забайкалье, в долине реки Чары, на севере Читинской области.

Мы, кинооператоры, попали сюда вместе с экспедицией, руководимой кандидатом географических наук Преображенским.

Все здесь поражает своей суровой величественной красотой: и тайга, и снежные вершины хребта Кодара, и белые шевелящиеся нити водопадов, и голубые озе-

Мы шли к долине Чары под аккомпанемент водопадов.

Чара... Мы связывали название реки со словами «чарующий», «очарованный». Неповторимы по красоте пейзажи Чарской долины.

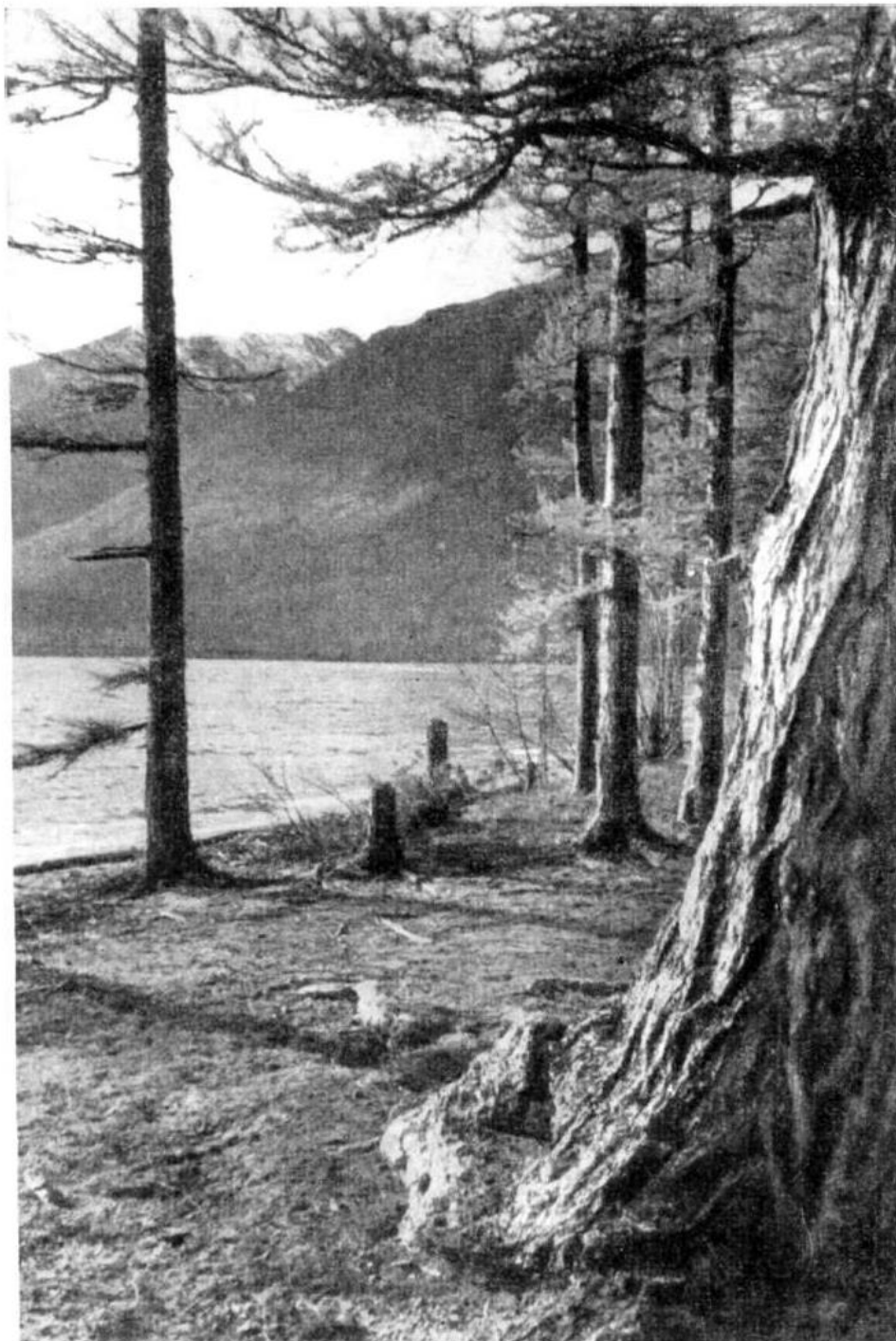
ра с растущим на берегах бархатным фиолетовым ирисом.

Но самое удивительное в Чарской долине — это пески. С незапамятных времен в центре долины лежит их десятикилометровая полоса. Это настоящая пустыня с барханами и дюнами. Откуда взялась здесь пустыня? До сих пор ученые не могут ответить на этот вопрос. Некоторые предполагают, что когда-то здесь было море, а пески — не что иное, как остаток бывшего дна.

Мы прошли Чарскую долину в четырех направлениях, совершили двухмесячный поход к ледникам Кодара, посетили высокогорное озеро Леприндо, дающее начало быстроводной Чаре.

В озере Леприндо водится особая порода рыб — даватчан, местные жители называют ее «форелью». Действительно, эта рыба очень похожа на форель, у нее по бокам красные пятнышки, мясо оранжевое, а икра как у кеты. Эта редкая рыба встречается только в нескольких озерах Забайкалья. По мнению известного ученого Л. С. Берга, морские виды лососевых — кумжа и другие, когда-то попав в реки и озера и не имея возможности вернуться в море, остались жить в пресной воде и постепенно «превратились в форель». Вполне возможно, что то же самое произошло и с рыбой из озера Леприндо — даватчаном.

Покидали мы Чару в октябре, когда зима уже начала сковывать льдом реки. Мы увозили с собой материал для фильмов «К ледникам Кодара» и «В Чарской долине».

1947

ВОКРУГ

СВЕТА

№ 4

ПЕРВАЯ СТАТЬЯ ОБ ОЗЕРЕ
ЛАБЫНЬКЫР И ХРЕБТЕ
В ЯКУТИИ - РАЗГАДКА
ФЕНОМЕНА ЧУДОВИЩА

Л. БЕРМАН

Рис. Б. Езинева

В этом очерке рассказано о путешествии в неисследованные районы, расположенные в центре огромных северо-восточных территорий СССР. Здесь летом 1946 года нашей экспедицией был открыт и изучен новый ледниковый район.

ЗАГАДКА

Сливаясь недалеко от крупного якутского поселка — Оймькона, три большие якутские реки — Туора-юрях, Куор-юрях и Тарын-юрях — образуют реку Индигирку, разливающуюся до 120 метров в ширину. Множество левых и правых притоков Индигирки принимает дальше на своем двухтысячекилометровом пути к Ледовитому океану.

Два левых ее притока — реки Куйдусун и Агаякан — относятся к числу наиболее многоводных местных рек. Они были известны очень давно.

Еще на первых картах, изданных как в 1745 году, так и несколько позже, верховья Индигирки названы рекой Омекон, припимающей реки Кюнкуй и Куйдусун.

Великий исследователь нашего северо-востока И. Д. Черский подтвердил, что Кюнкуй старых карт — это теперешняя река Кюентя.

В наши дни край неузнаваемо переменялся. За годы сталинских

пятилеток здесь возникло много больших населенных пунктов, связанных между собой дорогами. Одна из них пересекает реки Куйдусун и Агаякан (приток Кюентя). Тут через реки перекинута большая мосты, а по берегам разбросаны селения.

Мы были здесь в июне и июле 1946 года.

Стояли жаркие солнечные дни. На небе ни единого облачка. Знойная тишина прерывалась лишь жужжанием и писком миллионов комаров. Давно уже не было дождей, земля местами потрескалась, многочисленные в этих местах болота высыхали.

Солнце изменило режим почти всех рек в крае. Уровень их резко спадал. Реки мелели, обнажая многочисленные перекаты, и становились несудоходными. Небольшие же ручьи попросту пересыхали. Нужны были большие дожди, чтобы вызвать в реках подъем воды.

Совершенно иная картина наблюдалась, однако, в эти дни на реках Куйдусун и Агаякан.

С наступлением жарких дней уровень воды в них начал быстро повышаться, течение становилось стремительным, цвет воды из прозрачного переходил в темносерый, а затем и темнокоричневый. Вода продолжала резко прибывать, выходить из берегов и затоплять низ-

менные берега. Началось наводнение.

Наводнение снесло мост через реку Куйдусун и затопило дорожный поселок на ее берегу.

Было высказано много догадок с целью объяснить это явление, шедшее вразрез с установившимся взглядом на режим наших рек.

Высказывалось, например, мнение, что, может быть, в верховьях этих рек располагаются громадные массивы снега или льда, таяние которых в жаркие дни и дает громадное количество воды.

Но взгляд этот отвергался большинством ученых-географов, утверждавших, что вследствие очень малого количества осадков, в частности снега, ледников здесь быть не может. Было ясно лишь одно — разгадку тайны надо искать в верховьях этих рек, повидимому оказывающих сильнейшее воздействие на весь речной режим.

Что же было известно об этих верховьях, о громадной горной стране, в которой находятся истоки Куйдусуна и Агаякана (притоков Индигирки), Охоты (впадающей в Охотское море) и Юдомы (притока реки Алдан)? Почти ничего.

И. Д. Черский более полувека назад, со слов своего проводника-якута, передавал, что здесь, в верховьях, находятся очень высокие

горы (до 2500 метров) с вершинами, всегда покрытыми снегом.

Вот и все почти, что было известно об этом высокогорном районе.

БЕЛЫЕ ГОРЫ

В начале июня 1946 года небольшой отряд, состоявший из автора этого очерка и двух рабочих, собрался в маленьком якутском поселке Томтор, на берегу реки Куйдусун, в 30 километрах от районного центра Оймякон.

Здесь мы должны были найти лошадей, проводника и двинуться в верховья Куйдусуна и Агаякана.

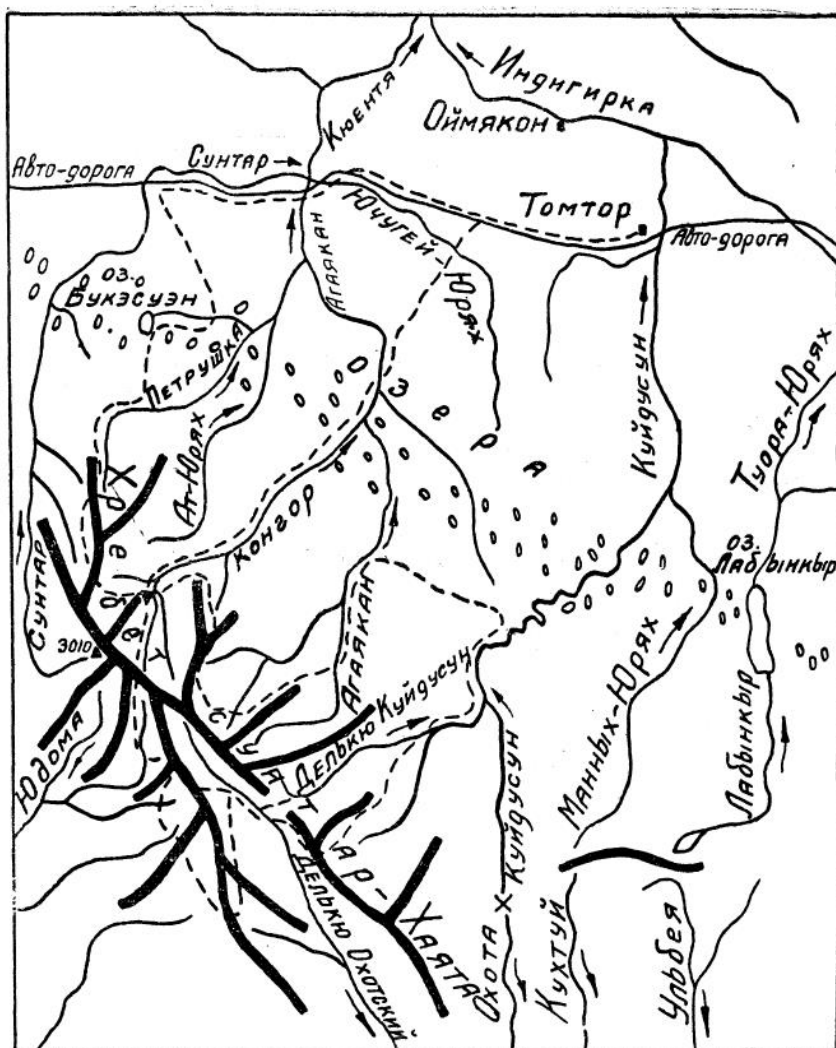
Якутские лошади по сравнению с лошадьми центральных областей Союза очень малы и напоминают пони. Высота их — не больше 140 сантиметров, и на вид они кажутся хилыми и слабыми. Казалось невероятным, что они могут удерживать на себе человека. Но, как мы убедились впоследствии, это лишь внешнее впечатление. Они, хотя и не отличаются большой физической силой, но восполняют ее недостатком необычайной выносливостью, нетребовательностью к пище и приспособленностью к тайге, болотам, горам. На крутые каменистые склоны они карабкаются, как собаки. По горной тропе идут очень осторожно, оглядываясь по сторонам, и никогда не поставят ноги на ненадежный камень. С грузом в 90 килограммов они могут проделать по тайге, почти не отдыхая, путь в 40—45 километров.

Несмотря на все старания, мы не нашли опытного проводника. Якуты неохотно, мало и скупо рассказывали о верховьях реки Агаякан. Сами они там не были, а понаслышке знали очень мало. Так и пришлось нам идти без проводника.

С трудом удалось нам навьючить лошадей, никогда не ходивших под седлом. Мы брали с собой продовольствия на три месяца, палатку, печку, разное лагерное снаряжение и инструменты.

Вечером 7 июня мы вышли из Томтора.

На второй же день, при переходе через небольшую реку Югучей-юрях («Хорошая река»), названную так потому, что по ее берегам лежат густые луга, одна из лошадей оступилась, и выюк, который

был на этой лошади, подмок, а наш табак превратился в густую гущу, из которой струйками текла коричневая вода. Мы были очень огорчены. Рабочие в шутку прозвали эту реку «Куцаган-юрях» («Плохая река»).

На третий день мы подошли к большой реке Агаякан, которую нам нужно было перейти. Ширина реки — 90 метров, течение очень быстрое. По главному руслу брода не было. Здесь глубина реки была больше двух метров. К счастью для нас, в двух километрах вверх по течению река разделялась на шесть мелких рукавов, и, один за

другим, их можно было перейти легко.

Перебравшись на другую сторону реки, мы решили остановиться на ночлег, так как дождь все усиливался. Лошади были мигом развьючены, спутаны и пушены в тайгу. Быстро была разбита небольшая палатка, поставлена печка, и через десять минут из ее трубы повалил густой дым.

В палатке скоро стало тепло. Можно было снять мокрую верхнюю одежду, повесить над печкой и прилечь в ожидании ужина.

Это самые приятные минуты, — отдых после целого дня утомительной ходьбы по густой тайге, болотам, перевалам, через неисчислимые ручьи и реки, когда можно, наконец, укрыться в теплой палатке от дождя и от туч назойливых комаров.

Утром, чуть свет, — все на ногах. Сначала нужно разыскать лошадей. В начале июня корма еще мало, и лошади уходят далеко.

В первые дни это кажется очень трудной задачей — куда идти за ними, в какую сторону? Потом мы привыкли. Выяснилось, что лошади уходят по тому направлению, отку-

да пришли, — по старым следам. Затем мы научились находить их по следам на песке и мхе. Если иногда лошади уходили даже за три-четыре километра от палатки, наш рабочий Петр Кочешков быстро находил их и приводил назад. Через несколько дней, когда лошади стали сильно уставать, они уже не уходили далеко от палатки. Когда же мы сообразили ставить на ночь для лошадей дымокур от комаров, — искать их нам уже не приходилось.

На десятый день пути, когда по нашим подсчетам мы уже были близки к цели, с одного из перевалов открылась чарующая картина.

В 60—80 километрах от нас, похожий на сказочного исполина, поднимался громадной высоты хребет с острыми, как пики, вершинами, с крутыми каменистыми склонами, глубоко врезавшимися в речные долины.

Вся верхняя часть хребта была покрыта ослепительно сверкавшим на солнце снегом.

Хотя мы и были несколько подготовлены к тому, что в верховьях рек должны быть высокие горы, но действительность превзошла все наши ожидания. И неприступный вид хребта, ярко выделявшегося в рельефе, и его гордые заснеженные пики — все это было настолько неожиданным, что в продолжение многих часов мы не могли оторвать глаз от этой панорамы.

Сразу же возникло множество вопросов: что это за хребет, такой могучий и высокий? Не об этих ли местах думал Черский, когда говорил о горах, покрытых нетающим снегом? Снег ли на горах, или лед? Стаивает он к концу лета или остается?

Все эти вопросы волновали нас и, естественно, заставляли спешить с их разъяснением. Мы заторопились, и 20 июня уже раскинули свой лагерь у подножья хребта, в широкой и живописной долине реки Конгор.

Короткое северное лето было в полном разгаре, все зеленело и цвело, но горы еще были покрыты глубоким снегом, хотя уже и начавшим таять.

По всем склонам хребта выбегали из-под снега бурные ручьи, образуя множество водопадов.

Доступ для нас в центральные части хребта, однако, был закрыт. Надо было ждать, пока не стает снег, хотя бы на южной части склонов хребта. Чтобы не терять даром времени, мы начали совершать односторонние пешеходные экскурсии.

Дни стояли жаркие и безоблачные. Каждое утро, положив в рюкзак несколько лепешек, сахар, кружки и чайник, захватив с собой ружья, барометр и компас, мы отправлялись в путь.

Характер местности резко переменялся. У подножья хребта стояли,

как стражи, высокие, крутые и труднодоступные скалы. Это было царство камня, воды и снега. Восхождение на некоторые из вершин требовало пяти-шести часов. С них, уже на близком расстоянии, открывался вид на хребет Сунтар-Хаята с его недоступными, утопающими в снегу пиками.

Бросалась в глаза необычайная сглаженность и отполированность почти всех склонов и небольших вершин: сглаженность настолько идеальная, что, проводя рукой по скалам, мы не чувствовали ни малейшей шероховатости, точно они были отшлифованы искусственно.

Некоторые из небольших вершин имели форму бараньих лбов, а вокруг были разбросаны громадные валуны в несколько десятков кубических метров в объеме.

Стало ясно, что район, окружавший хребет Сунтар-Хаята, подвергся недавнему оледенению, что он был покрыт мощными, до 250 метров в толщину, ледниками, сгладившими склоны и принесшими валуны.

Это еще сильнее поддержало нас в мысли, что белые вершины хребта Сунтар-Хаята покрыты не снегом, а льдом.

Скоро нам представилась возможность и убедиться в этом.

В первых числах июля таяние снегов в горах стало таким бурным, что уже 5 июля мы решили совершить первое восхождение на хребет.

С вечера 4 июля мы придвинули лагерь еще ближе к хребту — туда, где кончалась лесная и луговая растительность, — и рано утром 5 июля, вооружившись самодельными альпенштоками и «кошками», начали подниматься на хребет.

Сначала мы двигались по широкой, покрытой галькой долине реки Букэсэнджи. Затем она стала резко сужаться и в верховьях приняла характер узкого каньона до 10—12 метров в ширину и 40—50 метров в высоту. Дно каньона было запружено громадными валунами, между которыми струился ручей, образуя водопады от трех до пяти метров высотой.

Продвигаться стало значительно

труднее, но мы, медленно перебираясь через громадные окатанные валуны, продолжали подниматься все выше и выше. Горы становились круче и нависали над долиной громадными глыбами. Местами склоны гор были покрыты каменными осыпями, на которых мы заметили какие-то полосы, пересекавшие их во всех направлениях. Впоследствии мы узнали, что эти полосы — хорошо выбитые бараньи тропы и не раз ими пользовались. Вскоре мы увидели и самих хозяев этих мест — единственных млекопитающих здешней фауны — горных, или, как их называют, каменных, баранов, грациозных и красивых животных, с необычайной легкостью перепрыгивающих с камня на камень. На голове у них — большие и тяжелые, чуть загнутые рога.

Увидев нас, они останавливались, подпускали к себе на 20—30 метров и лишь затем легкими, воздушными прыжками убегали.

За одним из поворотов узкая каньонообразная долина резко вышла на поверхность, и нашим взорам предстало громадное пространство, заполненное хаотическим нагромождением гранитных валунов самой различной величины и формы. По ним каскадами, разбиваясь на миллионы капель, искрившихся на солнце, с шумом и грохотом бежали ручьи. А выше, гора на солнце, раскинулся мощный ледник...

Мы быстро пересекли это всхолмленно-валунистое пространство и вплотную подошли к леднику.

Это были радостные минуты! И для того чтобы вполне убедиться, что перед нами настоящий ледник, мы начали откалывать альпенштоками куски льда, вертеть их в руках, рассматривать, фотографировать...

Чуть правее места, где мы стояли, отчетливо был виден, в самом конце ледника, отвесный обрыв высотой в 10 метров, покрытый прозрачно-голубым льдом с тонкими пропластками землистых включений.

Итак, мы были на пороге открытия. Белые горы стали раскрывать свои тайны.

ЛЕДНИКИ

С этого дня мы начали день за днем все глубже и дальше проникать в горы. Что ни день мы находили и исследовали все новые ледники, и каждый из них не был похож на предыдущий.

Оставив в лагере одного рабочего, мы с другим рабочим, Кочешковым, взяв двух лошадей с вьюками, целых пятнадцать дней бродили в южной части хребта, на водоразделе Агаякана и Охоты, поутру поднимаясь к ледникам, а к вечеру спускаясь к подножьям гор.

Мы привыкли к тому, что в истоках почти каждого ручья, в громадных циркообразных углублениях, врезавшихся в склоны гор, располагается один, а то и два и три ледника.

28 июля мы собрались к верховью одного небольшого ручья, где, по некоторым данным, думали найти большой ледник.

Рано утром, позавтракав и взяв с собой несколько галет и сахар, мы начали подниматься вверх по ручью.

Вскоре мы попали в узкое ущелье, по которому, подмывая то левый склон, то правый и образуя так называемые прижимы, извивался ручей. Ручей нам приходилось переходить много раз, погружаясь в воду по пояс, но день был солнечный, и мы быстро обсыхали.

Выйдя из ущелья, мы увидели громадный, сверкающий на солнце ледник.

Подойдя к нему вплотную, мы обратили внимание, что ручей, вытекающий из-под ледника, образует ворота, за которыми должна быть пещера, и я решил проникнуть в нее. По дну пещеры бурным, стремительным потоком несясь ручей, не оставляя свободного места: идти приходилось по воде. Так я прошел 40—50 метров. С потолка и стен ледникового коридора тоже струилась вода, и я быстро промок до нитки. Я, однако, нисколько не жалел об этом.

Коридор вскоре начал расширяться, и я увидел небольшой зал до 12 метров в высоту. Недавно здесь произошел обвал, и дно пещеры было устлано громадными глыбами льда.

Слой льда над пещерой был, повидимому, довольно тонок, так как солнечные лучи, проникая в пещеру и предомываясь в мириадах ледяных сосулков на ее потолке и стенах, создавали неописуемо волшебное голубое освещение.

Как зачарованный, я остановился у входа в пещеру и, казалось, мог бы без конца стоять так, наблюдая за дивной игрой красок. Но я начал замерзать, да и поток воды сбивал с ног. После нескольких неудачных попыток закрепить я вынужден был, подгоняемый водой, вернуться назад.

В конце ледника мы измерили рулеткой мощность льда и получили внушительную цифру — 30 метров.

По некоторым косвенным сообщениям толщину льда в центре ледника (скорее преуменьшив, чем преувеличив) мы определили в 150—200 метров.

На ледник мы взобрались, выбивая по льду ступеньки ножами — альпенштоки и «кошки» давно уже были сломаны.

Мы увидели громадную, простирающуюся до далеких пиков белоснежную пустыню, однообразие которой нарушали лишь скопления морен в разных частях ледника.

Недалеко от конца ледника наше внимание привлек фонтан светлой воды, с высотой струи до четырех метров, бивший из-под льда. Струя воды достигала 40 сантиметров в диаметре. Мы долго стояли у фон-

Громадный, сверкающий на солнце ледник...

таина, и сила его не только не ослабевала, а даже усиливалась. Видимо, ледниковый ручей где-то выше попадал в трещину, тек подо льдом и под давлением фонтаном выбивался наружу.

Вся поверхность ледника была изборозжена трещинами самой различной величины и глубины.

В большинстве трещины были небольшими, 10—20 сантиметров в глубину. Однако у некоторых из них, особенно на границе между фирновой областью (область питания ледника) и ледниковым языком (область таяния ледника), глубина трещин была свыше 10 метров. При восхождении на ледник эти места представляют собой большую опасность, особенно если они прикрыты свежавывавшим снегом.

По поверхности ледников течет много ручьев. Они промывают во льду узкий, до 1,5—2 метров, жолоб и стремительно несутся вниз. Перейти такой ручей довольно трудно. Положение спасают снежные мосты, уцелевшие от таяния.

На поверхности этого ледника мы наблюдали очень интересные образования, так называемые ледниковые столы — громадные гранитные плиты до 20—25 кубометров в объеме, державшиеся на тоненькой ледяной подставке.

Вдали, в самом начале ледника, высились громадные, отвесные и недоступные буровато-серые скалы, окаймлявшие область питания ледника.

Необычайная, никем и ничем не нарушаемая тишина стояла в районе ледника. Лишь глухие отзвуки далеких обвалов доносились к нам иногда. Обвалы здесь — обычное явление, и в некоторые дни мы насчитывали их до четырех-пяти. Да и вызвать обвал ничего не стоило: достаточно было столкнуть с водораздела небольшой камень — и вниз уже неслась громадная лавина... Такая неустойчивость рельефа является одним из доказательств, что вся эта территория лишь совсем недавно освободилась от сплошного ледникового покрова.

К шести часам вечера, закончив описание ледника, мы стали спускаться вниз. Дойдя до долины, мы были поражены теми изменениями, какие произошли здесь за время нашего отсутствия. Вместо небольшого ручья с прозрачной водой, который при подъеме мы неоднократно переходили, по узкому ущелью, заполняя его от склона и до склона, несся стремительный, бурный поток темнокоричневого цвета. Он увлекал с собою песок и гальку и катил по дну громадные валуны.

Глубина потока достигала 2,5—3 метров. Оказалось, что за несколько часов, которые мы пробыв-

ли на леднике, таяние его усилилось и количество воды увеличилось по сравнению с утренним во много десятков раз.

Нечего было и думать спускаться по этой долине. Но иного пути не было. Мы были в ловушке...

Пришлось готовиться к ночлегу на высоте 2 500 метров. Ну и ночь же это была: без палатки, без дров, без крошки хлеба, в мокрой одежде...

Часам к десяти вечера наступило резкое похолодание, температура снизилась до 0°, а затем и до —2°. Мы тряслись от холода. Попытались согреться гимнастикой, но в сырой одежде это было бесполезно. Однако, несмотря на то, что холод донимал нас, он же нас и спас. Таяние ледника резко уменьшилось, вода стала спадать, и когда в шесть часов утра выглянуло солнце, ручей снова вошел в свое обычное русло, и мы получили возможность спуститься к палаткам. Так мы приобрели опыт, и в следующие посещения ледников в ловушку уже не попадали.

Много дней провели мы здесь, и только когда хребет Сунтар-Хаята с его мощными ледниками был покрыт свежавывавшим снегом, нам пришлось отсюда уйти. Но за эти дни мы облазили весь хребет, открыли и изучили большое количество ледников самой различной формы и величины — от маленьких снежников с площадью в 0,1 квадратного километра до классических долинных ледников с площадью свыше 20 квадратных километров.

ТАИНА РАЗГАДАНА

Так мы разгадали тайну необычайного и незакономерного, как казалось, подъема воды в якутских реках. Все стало простым и ясным.

В жаркие дни происходит интенсивное таяние льдов в верховьях рек, и они получают колоссальные количества воды, во много раз превосходящие весенние талые или дождевые воды. Но это была лишь частная задача, решенная нашим путешествием.

Нам был также исследован новый хребет Сунтар-Хаята, достигающий 150 километров в длину, наиболее высокий в северо-восточной Сибири, с крутым и сильно изрезанным рельефом.

В центральной части этого хребта (с которого во все стороны стекают реки разных бассейнов: на север — в бассейн реки Индигирки, на юг — в бассейн реки Охоты, на запад — в бассейн реки Алдан) была открыта высочайшая вершина не только хребта Сунтар-Хаята, но и всего северо-востока СССР, высотой в 3 010 мет-

ров. Вершинная, обнаженная часть этого массива представляет собой острый, как острей карандаша, пик, который, по сравнению с частями скал, покрытых ледниками, кажется очень небольшим. Достаточно сказать, что с этой вершины стекает пять ледников, общей площадью в 58,5 квадратного километра. И что, пожалуй, самое важное — в результате нашего путешествия изучено громадное современное оледенение хребта Сунтар-Хаята.

Аэросъемка, производившаяся в районе хребта, сыграла в наших исследованиях громадную роль. Не говоря уже о том, что, воспользовавшись ею, мы могли вынести некоторое первое впечатление о районе работ, в последующем с помощью аэроразведки были получены и все цифровые данные о длине, площади ледников, о высотах, окружающих ледники гор. И только поэтому Индигирский ледниковый район имеет несравненно более точные морфометрические данные, чем многие давно известные ледниковые районы Союза.

Всего у нас с помощью аэро съемки было открыто 114 ледников, общей площадью в 358,9 квадратного километра. Наша же находка — новый ледниковый район Советского Союза.

Эта находка опровергает мнение, что вследствие резкого континентального и сухого климата в этих местах не может быть ледников. Стало очевидно, что этот климат делает возможным не только существование ледниковых районов, но и допускает, в чем мы убедились, наступание (увеличение) отдельных ледников.

Если же учесть еще четыре ледниковых района к северу от хребта Сунтар-Хаята, также открытых и изученных в 1945—1946 годах, то площадь современного оледенения составит почти 600 квадратных километров и верховья Индигирки займут в этом отношении третье место в Советском Союзе (после Средней Азии и Кавказа).

Большую радость довелось мне испытать, когда в результате долгих трудов и лишений нам удалось открыть и исследовать новый, ранее неизвестный район нашей могучей родины, огромной Советской страны.

